

MONUMENTS

D'ARCHITECTURE

DU NORD

DE LA RUSSIE

I. BARTENEV

B. FIODOROV

АРХИТЕКТУРНЫЕ

ПАМЯТНИКИ

РУССКОГО

СЕВЕРА

И. БАРТЕНЕВ

Б. ФЕДОРОВ

ВОЛОГОДСКАЯ
областная библиотека
им. И. В. Бабушкина

617652

Кто не знает Московский Кремль с его островерхими башнями, просторными палатами и теремами? Кому неизвестна стоящая дозором на берегу Волхова Новгородская София? Или задумчивая, заглядевшаяся в зеркальную воду, белая, как лебедь, церковь Покрова на Нерли?

Немало книг написано об этих памятниках.

Читатель хорошо знает Псков и Ярославль, Владимир и Звенигород. Советские люди любят и часто посещают эти древние, овеянные легендами русские города.

Но есть такие места, далекие от торных дорог, о которых знают лишь немногие. Далеко не все слышали об удивительном архитектурном комплексе Кий-острова или ансамбле села Турчасово. Лишь некоторые знакомы со сказочным погостом в Усть-Яндоме и каргопольскими соборами.

Но где они находятся? Как их найти? Что можно о них узнать? К сожалению, не многое. Специальные исследования по отдельным памятникам русского северного зодчества весьма немногочисленны, а ранее изданная обзорная литература уже частично устарела. Читатели нередко задают вопросы: какие из памятников северного зодчества сохранились, стоит ли Успенская церковь в селе Варзуга, где находится Ненокса, как добраться до крохотной восьмигранной колоколенки, стоящей в селе со странным названием Цывозеро, и правда ли, что недалеко от Карпогор на Пинеге есть постройки на столбиках, подобные сказочной «избушке на курьих ножках»?

Рассказать хотя бы и кратко обо всех интересных памятниках северной архитектуры в небольшой книге,—задача невыполнимая. Поэтому авторы решили отобрать лишь самые главные, основные, наиболее характерные памятники, без которых нельзя понять общего процесса формирования и развития зодчества в северных районах

России. По этой же причине в книгу были введены также и материалы о наиболее типичных постройках северного зодчества, уже исчезнувших или перестроенных.

В книге хотелось показать, как русские зодчие умели соединить в одно нерасторжимое целое пейзаж и архитектуру. Связь жилых, хозяйственных построек, церквей с природой является характерной особенностью русской архитектуры вообще, а северного зодчества в особенности. Поэтому нельзя рассматривать северную архитектуру отдельно от пейзажа, который составляет с нею единый ансамбль.

Авторы считают своей главной задачей вызвать в читателе интерес к северным дорогам, увлечь его удивительными красотами русского северного пейзажа и архитектуры, заставить полюбить их и, может быть, заняться более тщательным изучением неповторимых творений, созданных безвестными русскими зодчими.

Авторы сосредоточили свое внимание на районах, исторически наиболее густо заселявшихся. Как правило, это — водные бассейны крупных рек и озер, соединявшие земли центральной России, и в частности новгородские земли, с Белым морем, через которое Русское государство могло общаться и торговать с другими странами. К таким районам в первую очередь следует отнести бассейны Онежского озера, Белого моря и рек Сухоны, Онеги, Северной Двины, Вычегды, Пинеги и Мезени. Здесь возникали города, погосты, монастыри, деревни.

Но прежде чем начать знакомство с памятниками северной архитектуры, необходимо уяснить некоторые конструктивные особенности и наиболее часто встречающиеся термины в северном строительстве. Памятуя, что постройки Севера в основном деревянные, и предполагая, что читатель уже в какой-то мере знаком с основными

элементами каменного зодчества, остановимся лишь на особенностях деревянной архитектуры.

Уже с XI века новгородцы двигаются на Север, присоединяя новые земли. Расселяясь по берегам рек и озер, они начинают строить. Суровая природа, холодный климат заставили переселенцев, в первую очередь, создавать надежное теплое жилище и хозяйственные постройки. Наиболее доступным строительным материалом здесь был лес. Как свидетельствуют летописи, почти каждый новгородец знал в совершенстве плотничье дело. Еще в XI веке «топорные» артели составляли славу Новгорода.

Первые постройки Севера были во многом связаны с ранее определившимися традициями. Основной пространственной ячейкой всякой деревянной древнерусской постройки, будь то изба, церковь или колокольня, был четырехстенный сруб, который летописцы часто называли клетью. Отсюда и название «клетские строения».

Термин сруб произошел от слова «рубить». В старых книгах можно прочесть: «повеле рубити город» или «повеле рубити хором». Сруб действительно рубили. Пила и сверло вплоть до XVIII века в северном деревянном зодчестве не применялись. Главным строительным орудием мастера был топор, вспомогательными — долото, нож и скобель. Этим нехитрым набором инструментов мастер-плотник выполнял все — от грубой работы до отделки резьбой. Половые доски и тес на кровле вытесывались из целых бревен все тем же топором. Точность и тонкость плотничьего искусства, работы набело, были так совершенны, что торцы бревен в срубе казались не обрубленными, а опиленными.

Конструкция сруба весьма разумна и проста. Он состоит из отдельных венцов, уложенных друг на друга. Каждый венец представляет собой бревно, соединенные на концах врубками и обра-

зующие замкнутый четырех- или восьмигранный контур. Длину и ширину сруба определяет размер бревен. Величина их обычно равна 5—7, реже 8—9 метрам.

Большое внимание в постройках Древней Руси уделялось мастерами-плотниками форме и высоте покрытий. Крыша являлась главным, наиболее выразительным элементом здания. Отсюда огромное разнообразие типов кровель, которые встречаются в архитектуре Севера: шатер, бочка, палатка, луковка и т. д.

Очень часто в деревянных зданиях покрытие делалось тоже рубленным, то есть укладывалось из бревен, подобно стене сруба. Основными конструктивными элементами двухскатной кровли были бревенчатые фронтоны торцовых стен, в которые врубались бревна, так называемые слегги. Они образовывали скаты крыши, на которые укладывался тес. Слегги обычно выполняют и еще одну функцию: они закрепляют верхние концы специальных балок — куриц, служащих опорой для водосточных желобов — потоков. Верхние концы тесин прижимаются к коньковой (верхней) слеге тяжелым бревном — охлупнем, венчающим крышу. Поэтому зодчий находил для него наиболее выразительную форму, воспринимающуюся четким силуэтом на фоне светлого северного неба.

Определяющий элемент двухскатных кровель — фронтон. Если фронтон простой треугольный, то и кровля простая — двухскатная. Однако фронтон мог быть и сложным, как, например, в «бочечном» покрытии, в котором он имеет криволинейную форму с килевидным заострением к коньку. Чаще всего он начинается с расширения верхней части сруба — повала. Повал как бы поддерживает пологую часть кровли — полицу.

Покрытия над квадратными или многоугольными в плане срубами выполнялись иначе. Если в постройках с двухскатными кровлями врубку

производили «в обло», когда бревна выпускались за ее пределы, то здесь вязку сруба вели «в лапу» — без «остатка». С каждым венцом бревна укорачивались, и благодаря этому покрытие приобретало стройный, пирамидальный вид. Такой тип кровли получил название шатра.

Шатер имел всегда в своем основании полицы, опирающиеся на верхние концы слегка изогнутых повалов. Он очень часто завершался главкой — луковкой, иногда с небольшим барабанчиком, которые покрывались тонкими, узкими, вырезанными из осины и чуть изогнутыми дощечками-чешуйками — лемехом. Шатровое покрытие с луковкой получило особое распространение в культовой архитектуре русского Севера.

Шатровые сооружения появились в русском зодчестве очень рано, хотя до нас дошли только относительно поздние постройки этого типа. Еще в летописях XIV—XVI вв. встречаются упоминания о храмах «высоки велми». Эти слова надо понимать как определение шатровых построек.

Следует упомянуть еще об одном часто встречающемся в деревянном зодчестве покрытии — «кубом», возникшем в середине XVII в. «Куб» чаще всего увенчивается постройкой, рубленными четвериками — четырехстенными квадратными срубами. Кубоватое покрытие грузно по пропорциям и сходно по очертанию силуэта с луковичной главой, но, в отличие от последней, оно представляет в плане не круг, а квадрат. Эти крыши в подавляющем большинстве были свойственны церковной архитектуре, особенно бассейна реки Онеги.

Все эти простые и разумные конструкции возникли в процессе длительного развития, отбора и совершенствования архитектурно-строительных приемов. Число применяемых конструкций не столь уж велико, но мастера умели создавать из них многообразные сооружения — уникальные произведения русского народного зодчества.

ЗАОНЕЖЬЕ

Суров свинцовый «Онего» в непогоду. Колючий северяк — так здесь называют старожилы северный ветер — гонит вздыбленные холодные волны к югу, перекатывая их через каменные отмели и заливая сотни мелких скальных островков. Кое-где одиноко высятся единственные «обитатели» этих мест — полосатые навигационные щиты. Уже при ветре в четыре балла по озеру прекращается почти всякое движение. Рыбачьи карбасы, лодки, мелкие катера в такую погоду не покидают причалов. Даже крупные пассажирские теплоходы в такие дни не заходят в отдаленные селения. И тогда, чтобы попасть из Песчаного в Кодач-губу или из Тамбиц в Шуньгу, иной раз приходится пережидать непогоду два-три дня.

Северяк стихает почти внезапно, чаще к вечеру. Еще вспененные волны поднимают и раскачивают застигнутые штормовой погодой суда, а на горизонте, с запада, слабо загорается светло-малиновая полоска уже теплеющего неба — верный предвестник погожего дня.

Летняя ночь после шторма всегда светла и тиха. Спокойна переливчатая гладь озера, освещенная льющим от куда-то сверху, мерцающим светом... В такую ночь огни бакенов и далекий мигающий глаз маяка кажутся едва заметными. Северная короткая ночь окутывает таинственным сумраком низкие, покрытые лесом берега, лабиринт шхер и многочисленные острова.

... Утреннее дымящееся озеро еще дышит ночной прохладой, и не сразу рискнешь выйти на сырую от тумана палубу плывущего по озеру теплохода. Но нерешительность исчезает, как только за Сенной губой появляется слегка размытый силуэт причудливой серебристой «пирамиды». По мере приближения «пирамида» начинает как бы медленно разворачиваться и от нее отделяются еще две — меньшие. И когда вспыхнувшее вдруг солнце тронет их вершины своими лучами, четко обозначатся церковные главы с тонкой вязью осиновых кровель. Вот знаменитый Кижский погост. Издали он кажется стоящим прямо на воде. Подъехав ближе, замечаешь низкий, слегка всхолмленный длинный остров. Тесно прижались друг к другу двадцатидвухглавая Преображенская церковь, Покровская

«о десяти главах» и стоящая между ними шатровая колокольня. На старых замшелых валунах покоится бревенчатая ограда погоста. Луковичные главки, крутые бочки, восьмистенные срубы — восьмерики, крыльца с точеными столбиками и узорчатыми подзорами — все это, громоздясь и перебивая друг друга, создает причудливую, сказочную картину. Нет такого человека, который бы не испытал волнения при виде этого дива-дивного из тридцати трех верхов.

Какова история этих построек?

Уже в XIV в. земли, примыкавшие к Онежскому озеру, входили в состав Обонежской пятины Великого Новгорода. Через озеро шел путь к новгородским владениям на Беломорье. Несколько десятков поселений обычно объединялись административным центром — погостом. Здесь располагались местные органы самоуправления, устраивались ярмарки и народные празднества. Тут же был и основной церковный приход с кладбищем. Нередко погосты служили и крепостями, особенно когда они стояли недалеко от рубежей Русского государства.

Главной постройкой погоста всегда являлся высокий храм, поставленный, как правило, на возвышенности. Подобно маяку, он

служил ориентиром для всех подъезжающих к погосту. Церковь была не только местом богослужений, она играла значительно бóльшую роль в жизни жителей окрестных деревень. В храмах и на площадях перед ними проходили народные собрания; отсюда шли в бой за русские земли воины-ополченцы; здесь же ликовал народ в честь победы над врагом. В церквях хранились важные правительственные грамоты и ценные бумаги, а иногда и казна прихода.

Вся жизнь погоста проходила вокруг церкви, поэтому в строительстве и украшении ее принимали участие все жители окрестных сел и деревень. Народные мастера вкладывали в постройку все свое умение, весь свой талант.

Именно таким административно-территориальным объединением, включавшим в себя в XV в. более ста деревень, был Спасский Кижский погост — на Кижском острове, в северной части Онежского озера. В том, что погост располагался на острове, не было ничего удивительного, так как деревни, входящие в его состав, также находились на многочисленных мелких островах и лодка была наиболее удобным, а часто и единственным средством сообщения. На лодке — кижанке ловили рыбу и охотились, на лодке, ездили на покос и на ярмарку, на лодке везли крепить новорожденного и к венцу невесту.

Каким именно был Кижский погост в те далекие времена, сказать трудно. С присоединением в конце XV в. Новгорода к Москве значение торговых путей, проложенных к Беломорскому побережью через Онежское озеро, потеряло свое былое значение, и в XVI—XVII вв. Заонежье стало глухой окраиной русского государства.

Частые вооруженные вторжения в пределы Карелии немцев, шведов и польско-литовских войск заставили наиболее крупные заонежские погосты серьезно укрепиться. К середине XVII в. вокруг погоста в Кижях была возведена бревенчатая стена с невысокими сторожевыми башнями. Она просуществовала, по всей вероятности, до XIX в. Русский естествоиспытатель и путешественник академик Н. Я. Озерецковский, который в 1785 г. совершил путешествие по Онежскому и Ладожскому озерам, оставил гравюру с изображением Кижского погоста, обнесенного

617652

3. Схема расположения основных памятников Заонежья.

1. Кондопога. Успенская церковь. 1774 г.; 2. Длинный остров. Петропавловская церковь. 1620 г.; 3. Кижский остров. Погост и заповедник; 4. Деревня Васильво. Часовня. XVIII в.; 5. Волкостров. Часовня Петра и Павла. XVII в.; 6. Деревня Подельники. Часовня. XIX в.; 7. Деревня Воробьи. Часовня. XVIII в.; 8. Деревня Корба. Часовня. XVIII в.; 9. Деревня Яндомозеро. Варяжская церковь. 1656 г.; 10. Деревня Усть-Яндома. Георгиевская часовня. Конец XVII в.; 11. Село Тилиныцы. Вознесенская церковь. 1781 г.; 12. Село Челмуни. Церковь Петра и Павла. 1603 г.

рубленной стеной с двумя шатровыми башнями, фланкирующими вход.

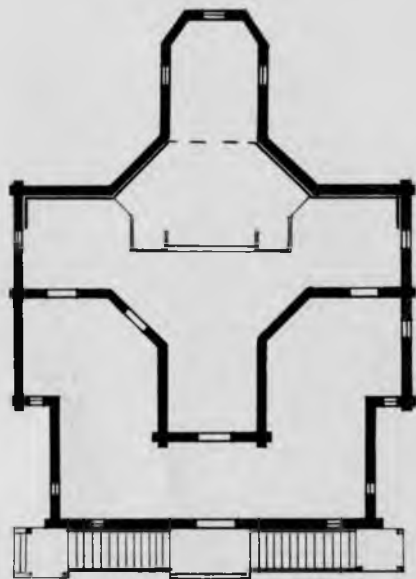
Существующая ныне ограда была воссоздана при реставрации кижских памятников в 1950-х гг., на основании изучения сохранившихся фрагментов древних укреплений по рубежным северным погостам. Основной мотив главного входа и стен был заимствован у Ильинского погоста на Водлозере, калитки же в северной и восточной стенах повторяют входы в ограду Почезерского погоста.

В писцовых книгах XVI в. значится, что уже в то время в Кижях стояли две деревянные церкви — Спаса Преображения и Покрова святой богородицы.

Главный приходский храм, Спасо-Преображенский, был шатровым и в 1690-х гг. от удара молнии сгорел. На его месте в 1714 г. была построена существующая и поныне ярусная многоглавая церковь того же названия. Поскольку Кижский погост был центром огромной территории с большим количеством прихожан, он нуждался в просторном и вместительном сооружении. Возведение такого храма было связано с некоторыми трудностями, так как размер сруба определялся максимально возможной длиной бревен и целым рядом других особенностей деревянного зодчества. Чтобы решить эту задачу, мастера вместо распространенной прямоугольной клетки сложили восьмигранный сруб, который позволил при той же длине бревен значительно увеличить площадь церкви. С этой же целью с четырех сторон были пристроены прирубы, соединенные с внутренним пространством главного объема широкими проемами.

Преображенская церковь была сооружена по плану, который не являлся новым в истории древнерусского зодчества. Восьмерик с четырьмя прирубами по осям применяли в церковном строительстве еще с XIV в. Первые сведения о постройке таких храмов дают летописи.

В Великом Устюге в 1489 г. сгорела церковь Успения святой богородицы, построенная новгородцами в XIV в. Она была «деревянна и высока велми». На ее месте решено было воздвигнуть новую, «не по старине крещатую». Однако традиции были настолько сильны, что устюжане

4. Преображенская церковь в Кижях. План

воспротивились новшеству, и зодчий был вынужден срубить церковь «круглу по старине о двадцати стенах», то есть восьмерик с четырьмя прирубями. В ранние времена такой план был едва ли не основным в церковном строительстве. Завершались подобные постройки шатрами.

Зодчие-плотники не только использовали этот план восьмерика с четырьмя прирубями в постройке Преображенской церкви в Кижях, но развили и обогатили его. Кижская Преображенская церковь, отличающаяся необычайной цельностью композиции и гармонией всех своих частей, явилась как бы венцом деревянного зодчества на Руси. Не случайно и поныне в Заонежье бытует легенда, рассказывающая, что, «срубив свою многоверхую церковь

5. Преображенская церковь. Верхние главы

Преображения и закончив труд свой, плотник бросил топор далеко в Онежское озеро, произнеся: церковь эту построил мастер Нестор... не было, нет, и не будет такой...» И действительно, архитектура Преображенской церкви поражает: она необычна, здесь одновременно все сложно и все просто.

Можно долго стоять и смотреть на это редчайшее творение рук человеческих. Увидевшему храм впервые порой бывает трудно решить, что перед ним — архитектура или скульптура. Преображенская церковь кажется вырезанной из одного целого куска дерева.

Монолитность здания особенно ясно ощущается в предзакатные часы, когда на фасаде хотя и заметно каждое бревно, но уже ступевано с умеренной дымкой. Масса храма кажется особенно пластичной. Все — начиная от трех центральных восьмистенных срубов, поставленных друг на друга, до пышного многоглавия, увенчанного огромной чешуйчатой главой, устремлено ввысь. Многочисленные главки, подчеркнутые упругими подъемами боковых покрытий, как бы перебегая с уступов четырехстенных прирубов на грани восьмериков, стремятся к завершающей мощной «царь главе». Благодаря продуманному чередованию форм, составляющих четкий пирамидальный силуэт, мастерам удалось сохранить ту динамичность, которая была характерна для шатровой архитектуры. В одном памятнике как бы объединились все конструктивные и художественные достижения многих поколений безвестных народных мастеров.

В Преображенской церкви хороши также детали. Наиболее богато убрано зодчими высокое крыльцо с двумя крутыми лестницами-входами. Оно не только было входом в храм, но и служило трибуной для многолюдных народных собраний. Резьба крыльца чрезвычайно проста и строга по рисунку. Доски «подзоров», кровель входов и крыльца прорезаны круглыми отверстиями. По краю досок идут мелкие фестоны. Квадратного сечения столбы, несущие перекрытия крыльца и лестниц, обработаны перехватами из резных жгутов, которые чередуются с вытянутыми по форме «дыньками». На фоне простого бревен-

6. Преображенская церковь. Крыльцо

чатого сруба паперти крыльцо выделяется своей декоративностью. В то же время крутые подъемы лестниц дают начало динамичной композиции церкви в целом.

Поднявшись на верхнюю площадку крыльца, видишь бескрайние просторы озера с поясом зеленых островов, вершины деревьев, шумящих внизу. С крыльца попадаем в низкую, слабо освещенную маленькими квадратными окошками паперть, а оттуда через невысокую дверь в главное помещение церкви.

Казалось бы, огромная 35-метровая высота сооружения предполагает столь же стремительно возносящееся ввысь

внутреннее пространство. В действительности же оно, хотя и выше паперти, и достаточно обширно по площади, не столь высоко, как того можно ожидать, стоя перед храмом.

Незначительная высота внутреннего пространства Преображенской церкви не является исключением. Она свойственна всем деревянным культовым сооружениям Севера, начиная от клетских церквей и кончая многоглавыми.

Впечатление гармонии и законченности внутри Кижской церкви достигается сочетанием простоты бревенчатых стен, косяков, наличников, скромных резных «опушек» лавок с праздничностью и нарядностью росписей потолка и иконостаса.

Потолки в северных церквях подшивались «небом». Оно представляет собой систему радиально расположенных балок, нижние концы которых упираются в стены, а верхние, слегка приподнятые к центру, связаны деревянным кольцом. Между ними находятся треугольные доски. Только в заонежских церквях «небо» украшалось росписью. В Пресбраженской церкви сохранились растительные узоры на балках. Росписи же треугольных досок и круга погибли во время Великой Отечественной войны.

Иконостас по богатству своих форм и звучности красок превосходил все остальное убранство церкви. Существующий ныне резной золоченый иконостас Преображенской церкви относится ко второй половине XVIII в.

При реставрации храма (1759 г.) иконы трех верхних рядов были заменены. В это же время, вероятно, появилась пышная резьба, покрывающая дробным узором выющихся виноградных лоз все свободные от икон поверхности иконостаса. Это обилие позолоты, сложные формы резьбы и яркость цвета поздних икон лишают интерьер единства стиля. За иконостасом сохранились тябла — горизонтальные расписные брусья-полки, на которые ставились иконы. Они свидетельствуют о том, что старый иконостас был тябловым — четырехъярусным, с большими, более двух метров, иконами в верхнем ряду.

Икон, относящихся ко времени постройки храма, осталось немного — не более десяти. Это в основном доски нижнего, так называемого «местного» ряда иконостаса, где

7. Преображенская церковь. Иконостас

помещались наиболее почитаемые местные святые. Они создавались заонежскими иконописцами. Среди лучших: «Георгий в житии», «Зосима и Савватий в житии», «Успение», «Троица ветхозаветная с хождением».

Все эти иконы отличаются повествовательностью, простотой изображения, четкостью силуэта, неяркими красками. Они контрастируют с полными блеска и пышности парадными каноническими иконами столичных школ начала XVIII в. Народные мастера Заонежья творили вдали от крупных городов России, и редко кому из них удавалось поучиться у маститых художников того времени. Главным их учителем была жизнь и суровая, но величественная северная природа.

Интересно отметить, что в этих местах преобладали иконы с изображениями святых, которые считались покровителями ремесел, животных, птиц и т. п. Особенно почитались охранители пасек Зосима и Савватий и покровители коневодства — Фрол и Лавр.

Иконы помещались не только в часовнях, церквях или избах, но и в конюшне, хлеве и амбаре. Такое «обиходное» отношение к иконе и определило целый ряд особенностей иконописной северной школы. Народный художник смело вводит в нее мотивы, тесно связанные с крестьянской росписью предметов быта: прялок, туесов, одежды и т. д.

Внимательно рассматривая и изучая иконостас Преображенской церкви, можно легко заметить, что он является своего рода живописной летописью жизни Севера.

Икона «Зосима и Савватий в житии» — одна из тех, которые восходят ко времени основания храма. В клеймах ее идет подробное повествование о жизни на острове отшельников, основавших Соловецкий монастырь. Все жанровые сцены — пахота, рубка леса, плавание по морю неизменно сопровождаются трогательным и наивным в своей передаче северным пейзажем, с его холмами, елочками, бушующими волнами Белого моря и т. д.

К тому же времени следует отнести и житийную икону «Троица ветхозаветная с хождением». В ее двенадцати клеймах, рассказывающих историю Авраама и Сарры, немало бытовых черт, взятых непосредственно из повседнев-

ной жизни. Икона написана охрами, киноварью, золотом. Интенсивность звучания их подчеркнута контрастами синего и зеленого. В этом проявилось то жизнерадостное мировосприятие окружающей действительности, которое было характерно и для архитектуры самой церкви, построенной в период победоносной Северной войны. Применением киновари икона несколько отличается от общего цветового строя заонежских «северных писем», так как местные художники обычно предпочитали спокойную приглушенную красную краску местного происхождения.

Живопись Преображенской церкви еще мало изучена. Ее иконы очень разнохарактерны по стилю. Безусловно, они принадлежат различным школам Заонежья. Вероятно, вокруг больших деревень группировались художники, которые вырабатывали свой почерк, особый, свойственный только им стиль.

В тридцати метрах от Преображенской стоит Покровская церковь, построенная в 1764 г. Главную часть здания составляет традиционный в деревянной северной архитектуре столпообразный объем. Высота его — 27 метров. Расширяющийся кверху восьмерик, вырастающий из мощного четырехстенного сруба, завершается легкой девятиглавой шапкой, искусно покрытой резным осиновым лемехом.

В ясную погоду мелкие дощечки главок и тонкие высокие кресты, освещенные солнечными лучами, загораются и сияют подобно золотому венцу. Древние, просохшие «до звона» бревна стен всей постройки тоже золотятся. Прозрачная светотень играет в повалах, на торцах выступающих бревен, резко очерчивает грани срубов.

Народные мастера, построившие эту церковь, не могли не учитывать архитектуру уже стоявшей рядом Преображенской церкви, возведенной на пятьдесят лет раньше. Они не решились на противопоставление одного сооружения другому, а пошли по пути объединения двух церквей в одну композицию.

Вот почему девять глав Покровской церкви не просто вырастают из пологой восьмикатной кровли, они приподнимаются на пьедесталы-восьмерячки, переход от которых

к барабанам решен в виде своеобразных воротничков, из теса с вырезными концами. Понимая, что в ансамбле погоста главным храмом все же должен оставаться Преображенский, мастера не только сократили высоту Покровской церкви, но и отказались от динамичных форм. Образованный повалом карниз верхнего сруба как бы останавливает движение масс здания ввысь, а венчающие его главки, расположенные по углам сруба, будто кружатся в медленном хороводе вокруг центральной, чуть приподнятой большой «луковицы».

Покровская церковь не спорит с Преображенской, не перебивает ее форм и объемов, а лишь вторит, подпевая ей.

Внутреннее пространство Покровской церкви было сильно искажено многочисленными перестройками XIX в. В настоящее время ведутся реставрационные работы по восстановлению его первоначального вида. Со стен и потолка снята штукатурка, заново создан тябловый четырехъярусный иконостас по типу сохранившихся в Заонежье. Это позволило, до некоторой степени, восстановить характер убранства XVIII в.

Иконостас состоит из икон XVII—XVIII вв., собранных в различных местах Заонежья. Они поставлены на тябла, которые украшены росписью, повторяющей старинные растительные орнаменты.

В центре иконостаса расположены ведущие в алтарь низенькие двухстворчатые двери — царские врата. Они являются наиболее распространенным типом деревянных алтарных преград с каноническим набором икон. В верхней части их, в килевидном многолопастном завершении, помещено «Благовещение» с фигурами в рост, на архитектурном фоне. На левой створке — архангел Гавриил, на правой — богоматерь. Ниже, в четырех клеймах створок, — евангелисты: слева — Иоанн богослов с учеником и Лука, справа — Марк и Матфей. В наверху над вратами изображена Евхаристия — сцена причащения апостолов.

Архитектурные фоны заполнены многоярусными высокими зданиями с круглыми арками и бочкообразными кровлями. Фигуры, строения, горы — все передано объемом. Живопись отличается плотным письмом, в котором

8. Покровская церковь в Кижях. Вид с колокольни

9. Покровская церковь.
Деталь крыльца

сочетаются светлые — алые, розовые, зеленоватые и палевые тона. Фон и поля — золотисто-желтые.

Обращает на себя внимание и иконостас. Особенно выделяется в нижнем «местном» ряду икона богоматери. Смелое сочетание пурпурных и белых красок с золотом придает ей праздничность и торжественность. А нежно-голубой фон с крупным узором бледно-зеленых листьев как бы перекликается с традиционными декоративными росписями предметов крестьянского быта.

Немалую роль в завершении композиции комплекса Кижей играет колокольня. Она была сооружена в 1874 г. Хотя в ней и присутствуют явно чуждые древним деревянным постройкам элементы, как-то: полуциркульные арки, окна, фрамуги, — все же, построенная в хороших древнерусских традициях, она удачно дополняет архитектурный ансамбль Кижей.

Кижский погост с его двумя церквями — Преображенской и Покровской — является высшим достижением русского деревянного зодчества в Заонежье и составляет его гордость. Недаром погост на далеком холодном «Онего» все историки искусства мира признали русским чудом.

Если, знакомясь с этим ансамблем, подняться на звоновую площадку колокольни и осмотреться

вокруг, то взору представится серебящаяся водная гладь озера с черными черточками лодок-кижанок, прибрежные луга с пасущимися стадами и многочисленными прямоугольниками построек, разбросанных по всему Кижскому архипелагу.

Что это за сооружения? Какое отношение они имеют к Кижскому ансамблю? Часовни, жилые дома, амбары и мельницы — это своеобразные экспонаты музея деревянного зодчества под открытым небом. Одни перевезены из соседних сел и деревень Карелии, другие — «исконные жители» здешних мест.

Создание такого музея-заповедника началось вскоре после окончания Великой Отечественной войны. Инициатором и автором первых проектов его стал архитектор А. В. Ополовников.

Трудно было отыскать место более подходящее для такого музея, чем район Кижей. Оно определилось в первую очередь наличием величественного ансамбля, который и стал ядром музея. Немаловажную роль в выборе места сыграла и природа островов. Она позволила создать перевезенным памятникам пейзажное окружение, близкое тому, в котором они находились.

Сейчас в заповедник уже перевезено немало ценнейших старых построек деревянной северной архитектуры. Здесь и древнейшая Лазаревская церковь XIV в. из Муромского монастыря, и часовни XVIII в. из Кавгоры и Леликозера, дома из сел Середка и Логморучей, мельница с Волкострова и многие другие. Все памятники размещены так искусно, что, находясь по соседству с основными постройками Кижей, они не мешают их целостному восприятию. Намечено перевезти на Кижский архипелаг еще более шестидесяти памятников. Это поможет сберечь высокие образцы мастерства талантливых народных зодчих Севера.

Одна из самых древних русских деревянных культовых построек, сохранившихся до нашего времени, — Лазаревская церковь б. Муромского монастыря. Она находилась на юго-восточном берегу Онежского озера. Как гласит предание, церковь была построена в XIV в. иноком Лазарем, основателем монастыря. В 1960 г. ее

перевезли в Кижский заповедник. Сооружение это является типичной клетской церковью. Подобные церкви и часовни были весьма распространены в Заонежье вплоть до начала XVIII в. Лазаревская церковь невелика по размерам: ее длина равняется 8,8 метра, ширина — 3,6 метра. Церковь состоит из трех клеток, каждая из которых покрыта кровлей на два ската. Средняя клетка имеет небольшую главку. Стены срублены «в обло». Церковь эта напоминает отчасти хозяйственную постройку. Не случайно клетские часовни часто в народе, особенно на юге Архангельской и Вологодской областей, называли «амбаронками». От амбаров они отличались только тем, что на коньке кровли находился барабанчик с луковицей.

Внутреннее убранство Лазаревской церкви мало изменилось и поэтому представляет значительный интерес, как пример решения интерьера в маленьких и тесных помещениях. Часовни такого типа, вероятно, были весьма распространены на Севере в XIV—XV вв. и особенно в небольших селениях.

В Лазаревской церкви каждый вошедший в сени обращает прежде всего внимание на стену с дверью, ведущей в главное помещение. В неглубоких полутемных сенях кажется, что стена срублена из бревен гигантской толщины. Это впечатление усиливается узкой массивной дверью. Простая, обрамленная в толстую рубленую оправу — колоду и приподнятая над полом на одно бревно, дверь является одним из главных элементов внутреннего убранства.

Основной элемент интерьера церкви — насыщенный по цвету иконостас, освещенный боковыми окнами.

Тябловый иконостас не совсем обычен. Он состоит из двух ярусов: верхнего «деисусного» и нижнего — «местного». Большинство икон написано в XV—XVI вв. Особенно привлекают красивые по цвету и тонкие по письму иконы верхнего ряда, изображающие архангелов Михаила и Гавриила, апостолов Петра и Павла и миниатюрные царские врата. Чтобы зрительно увеличить высоту помещения, на их створках, весьма удлиненной формы, написаны во весь рост фигуры Василия Великого и Иоанна Златоуста. Художник отказался от более распространенного сюжета

10. Лазаревская церковь Б. Муромского монастыря

11. Часовня Петра и Павла на Волкострове

с четырьмя евангелистами, так как это было связано с расчленением плоскости створок на квадратные клейма.

Кижский погост включал в свой приход свыше ста деревень и сел, располагавшихся на островах. Почти в каждой из этих деревень была небольшая церковь или часовня, для которых свойственны традиционные черты северного деревянного зодчества. И хотя они все однотипны, поражают разнообразием архитектурных образов. Ни одна из них не повторяет другую.

В шести километрах на север от Кижей над гладью озера возвышается небольшой остров. Здесь среди ярко-зеленой травы можно заметить обнаженную породу темно-серого и зеленоватого диабаз и обнаружить в ней вкрапления кристаллов аметиста — фиолетового полудрагоценного камня. Это — Волкостров. Метрах в трехстах от берега, на открытом месте, стоит маленькая часовня Петра и Павла с шатровой колокольней и с крытой галереей — гульбищем. Начало ее постройки исследователи относят к XVII в. Часовня была простейшей — клетской и состояла из собственно молельни и маленьких сеней, перекрытых тесом на два ската. Главное помещение постройки возвышалось над сенями и было увенчано небольшим бара-

банчиком с луковкой. Окончательно свое завершение часовня получила уже в следующем столетии, когда к ней была пристроена передняя часть — сени с девятистолбной колокольней.

Исследования показали, что в XVII в. с западной, южной и северной сторон постройку окружала открытая галерея, которая имела общее перекрытие с основным объемом часовни.

Волкостровская часовня была очень скромно декорирована. И в настоящее время здесь можно видеть оконные наличники и широкую сливную доску, украшенные резным треугольным орнаментом. Внутри часовни сохранилось «небо», решенное традиционно. Все балки ярко расписаны растительным орнаментом из листьев, цветов и трав. В основном художник здесь использовал только три краски: ультрамарин, киноварь, краплак. Иконостас в часовне несомненно был тябловым, но в XVIII в. его заменили резным, сочетающим в себе элементы барокко и классицизма.

Значительно чаще в Заонежье встречаются часовни XVIII и XIX вв. Они располагаются обычно по берегам озера, в устьях рек и по многочисленным островам. Поэтому надо сесть в кижанку и отправиться в увлекательную

12. Часовня Петра и Павла. Звонница

поездку по прибрежным наволокам и поросшим ельником бухтам.

Чтобы познакомиться с одной из самых красивейших часовен Заонежья, необходимо пересечь узкий пролив, отделяющий Кижский остров от Большого Климецкого, свернуть с фарватера, обозначенного белыми и красными вежами, и проплыть вдоль изрезанного каменистого берега. Высокие изумрудно-зеленые камыши совершенно скрывают берег, поросший осокой и вереском. А дальше — сплошная стена из елей, и нет ей, кажется, ни конца, ни края. Но вот поворот. Неожиданно зеленая стена обрывается, и на окраине деревни Корбы вырастает крошечная часовня Умиления богородицы. Силуэт ее четок и выразителен. Маленькая клеть молельни с крепкой, как гриб-боровик, главкой на коньке переходит с западной стороны в приземистый четверик. Из него энергично вырывается восьмистенник с сильными повалами и узким, в основании, стройным шатром, как бы повторяющим пирамидальные формы вершин рядом стоящих елей. Резко выступающие концы бревен восьмерика, рубленного «в обло», ошпательные вырезными концами тесовые покрытия, торчащие гонтовые воротники по верху шатра и под колючей чешуйчатой главкой, и, наконец, тонкий и высокий крест — все это усиливает силуэтное сходство колокольни со стройными окружающими ее елками.

В этой близости архитектурного образа и природы, в их поэтическом единстве сказалось тонкое чутье и удивительное умение народных зодчих придать сооружению такие черты, которые делают его неотъемлемой частью северного пейзажа.

Строгости внешних форм и лаконичности деталей часовни в Корбе зодчие противопоставили праздничное звучание во внутреннем ее убранстве. Особой нарядностью выделяется «небо», покрытое сплошным узором стилизованных облаков, с вплетенными в них фигурами ангелов и серафимов. Эта роспись, напоминающая пеструю набойку, придает радостное настроение всему интерьеру часовни.

13. Часовня в деревне Корба

14. Часовня архангела
Михаила из деревни
Леликозеро. Фрагмент

15. Часовня в деревне
Подъельники

Много еще очаровательных маленьких часовен можно встретить, переезжая на кижанке с острова на остров.

На желтом от цветов пригорке, рядом с двумя седыми елями, на том же Климецком острове в деревне Воробьи, стоит небольшая клетская часовенка с невысокой звонницей.

А эту постройку с шатровой колокольной, посаженной прямо на конек клетки, с высоким срубом молельни, не окружают деревья. Она одиноко стоит на краю Кижского острова, в деревне Васильево, среди низких лугов, и в осеннее беспокойное время к ее крыльцу часто подкапываются вспененные ветром волны Онежского озера.

Близка по характеру к Васильевской — и часовня архангела Михаила, стоявшая еще до недавнего времени в селе Леликозеро и в 1961 г. перевезенная в Киж. Она обращает на себя внимание не только скромностью своего декора, но, в первую очередь, своеобразной ступенчатой кровлей над главным срубом, увенчанной луковичной главкой с тонким и длинным крестом.

В четырех километрах от Кижского острова на материке стоит деревня Подъельники, с виду ничем не примечательная. Она расположена на невысоком обрывистом берегу, и от нее к воде по зеленому травянистому ковру змейками сбегает песчаные дорожки. И нет такого

Георгиевская часовня
в деревне Усть-Яндома

16. Общий вид

17. Главка

человека, который бы, взобравшись по одной из них и пройдя сквозь цепкие кусты шиповника, не остановился, словно завороченный сказочным видением. В тени перепутавшихся ветвями старых замшелых елей возникает полная таинственности, с причудливыми свесами кровель и тонким рисунком резных причелин маленькая двухсрубная клетская часовенка.

Среди заонежских часовен удивительной «вписанностью» в пейзаж отличается и Георгиевская, построенная в конце XVII в. недалеко от устья реки Яндома, в десяти километрах от Кижского острова. С озера часовню не видно. К ней надо пробираться сквозь лес камыша, лавируя между большими гладкими камнями. Берег здесь пологий, но высокий, заросший травой и цветами. Чуть в стороне, на пригорке, — кладбище, обнесенное низкой оградой из валунов. В центре его три седые разлапистые ели. Тесно прижавшись к самой большой и старой из них, стоит Георгиевская часовня. Деревья, как бы повторяющие шатровый силуэт коло-

кольни, ограничивают пространство вокруг маленькой часовни, придавая ей тем самым масштабы значительного сооружения. Не исключена возможность, что единственные в этой местности ели были посажены специально.

Часовня в плане представляет прямоугольник и состоит из сеней, небольшой трапезной и молельни. Но если в таких часовнях Заонежья, как в деревнях Воробьи и Васильево, колокольня включалась в объем западной клетки, то Георгиевская относится к тому типу часовен, к которому принадлежит и часовня деревни Корба. Колокольня здесь выделена в самостоятельный объем, хотя и слитый с клетью. Отличие Георгиевской часовни заключается в том, что восьмерик идет от самой земли, в то время как в Корбе колокольня состоит из двух объемов — восьмерика и четверика. Это делает ее более легкой истройной.

Кроме того, в отличие от Корбы, вход в Георгиевскую часовню сделан с западной стороны, через колокольню. Композиционно он связан с низенькими, трогательными воротами, украшенными высокой крышей и резными полицами. Они поставлены очень близко ко входу в часовню, под небольшим углом к оси постройки, так, чтобы отсюда можно было видеть одновременно крыльцо и часть кладбища. Таким образом, ворота как бы объединяют часовню и кладбище в один своеобразный ансамбль. Он не замкнут, не отгорожен глухой высокой стеной от внешнего мира. За низкой грядой валунов, лишь обозначающих территорию кладбища, простираются ржаные поля. Видны строения, плетни и лодки, лежащие на берегу.

Поднимемся по ступенькам маленького крыльца, повернем огромным кованым ключом тугую пружину старинного замысловатого замка и войдем внутрь. Через крошечную трапезную попадем в часовню. Она прямоугольной формы и освещается четырьмя окнами. Всю торцовую стену занимает колончатый резной золоченый иконостас XVIII в. В его «местном» ряду особенно выделяется житийная икона «Чудо о Георгии и змие».

В центре иконы изображен на белом коне воин, копьем поражающий дракона. Вокруг, в двенадцати клеймах,

художник последовательно рассказывает о многочисленных подвигах героя и тех истязаниях, которым он подвергался. В образ Георгия живописец вложил народное представление о герое-освободителе. Икона сильно потемнела, но под густым слоем олифы все же достаточно ясно различаются звучные красные, зеленые и охристые тона. Угадываются и четкие смелые контуры рисунка, отличающие руку северного мастера XVII в.

В часовне сохранилось «небо», в центре которого по традиции изображен Пантократор. Облику вседержителя народный художник, расписывавший «небо», придал суровые черты крестьянина.

В семи километрах севернее деревни Усть-Яндома, на узкой длинной косе, глубоко вдающейся в Яндомозеро, стоит небольшое селение — Яндомозерский погост. В эту глухую деревню легче всего пробраться из Великой губы по каменной узкой тропе через заросли малинника, переехав от деревни Саньки на лодке.

Здесь, на берегу тихого задумчивого озера, чуть поодаль от немногочисленных старых изб, стоит шатровая Варваринская церковь, построенная в 1656 г. Она

18. Варваринская церковь
в деревне Яндомозеро

19. Колокольня Варваринской церкви.

представляет собой сруб, увенчанный шатром с двумя прирубам, восточным и западным. Церковь примечательна тем, что является одной из наиболее ранних, дошедших до нас построек типа «восьмерик на четверике».

Четверик при переходе к восьмерике здесь не имеет повалов, срубы четырех сторон восьмерика непосредственно продолжают стены нижнего четверика. Восточный алтарный прируб Варваринской церкви покрыт бочкой, завершенной небольшой луковкой. Западный прируб имеет очень любопытное, редко встречающееся двухвходное крыльцо, которое состоит из трех рундуков — площадок. Два нижних перекрыты двухскатными кровлями, а верхний покрыт общей кровлей со входами.

В 1860 г. церковь перестраивалась. Были увеличены окна и удалена стена между собственно церковью и трапезной. Внутреннее убранство почти не сохранилось. Целы в ней только древние расписные тьябла иконостаса. Иконы же, вывезенные немецкими оккупантами, в 1950 г. были обнаружены сотрудниками Русского музея в селе Великая губа и отправлены в Кижский заповедник. В настоящее время церковь реставрируется.

Стоящая вплотную к храму девятистолбная колокольня несколько грузна по пропорциям и своей массой спорит с основным объемом церкви. Построена она была позже, в конце XVIII в.

В середине XVIII в. северное деревянное зодчество, опираясь на старые народные традиции, снова возвращается к привычному и любимому народными мастерами шатровому покрытию, которое создавало образ, сходный с древними крепостными башнями. Это было связано с национальным подъемом в русской культуре того времени.

Одним из шедевров заонежского зодчества признана шатровая Успенская церковь в селе Кондопога.

В 1774 г. на далеко вдающемся в Онежское озеро мысе у Чупа-губы возводится традиционная, покрытая шатром, 42-метровая башнеобразная церковь. Она как бы поднялась из глубины зеркальных вод. Чтобы сильнее подчеркнуть ее высоту, архитектор использует давно известный в западноприонежской культовой архитектуре прием,

не применявшийся в строительстве с начала XVII в., — уширение сруба главного объема кверху. Подобное решение можно видеть в существующей и поныне на Лычном острове озера Сандак церкви Петра и Павла, построенной в 1620 г. Однако автор церкви в Кондопоге, вероятно, вдохновлялся другой постройкой, по силузту и пропорциям наиболее близкой к ней, — Никольской церковью в Линдозере (1634 г.).

Главный, башнеобразный объем Успенской церкви, так же как и церкви в Линдозере, состоит из двух восьмериков, поставленных на венцы повала четверика, расположенного на высоком подклете. Верхний восьмерик шире нижнего и выложен, в свою очередь, на повале первого. Еще более сильно выраженный повал второго восьмерика несет на себе пятнадцатиметровый шатер, завершающий церковь.

Весьма интересная деталь этой церкви — дощатый фронтонный пояс, который отделяет объем верх-

него восьмерика от нижнего и размещается над повалом. Такие горизонтальные пояса характерны для высотных объемов в заонежской культовой архитектуре. Они имеются на Петропавловской церкви на Лычном острове и на Покровской церкви в Кижях, они были на Никольской церкви в Линдозере и в церкви села Деревянского.

Фронтонные пояса не только украшают постройку, но, как это свойственно всей древнерусской архитектуре, имеют и утилитарное назначение. В данном случае они защищают наиболее уязвимые места сруба от загнивания. Каждый фронтончик образует как бы миниатюрную двухскатную кровлю, в основании которой, с уклоном наружу, устроены небольшие водолеи, вынесенные далеко за пределы фасадной линии. Таким образом, попадающая на поверхность сруба вода не попадает на землю или крыши прирубов.

Наличие ряда гнезд в венцах над повалом четверика, идущих по ломаной линии, наводит на мысль,

20. Успенская церковь в селе Кондопога

21. Успенская церковь. Шатер

что главный объем Успенской церкви имел и второй фронтоный пояс с такими же водоотливами, как и верхний.

Основной четверик Успенской церкви имеет два прируба. Восточный — алтарный покрыт бочкой и увенчан главкой, западный прируб представляет собой клеть, состоящую из сеней и квадратной в плане трапезной, балки потолка которой поддерживаются двумя столбами, прорезанными «дыньками» и полосами жгутов с фигурными подкосами.

Существует проект восстановления церкви, разработанный под руководством известного исследователя северного деревянного зодчества А. В. Ополовникова. По его проекту в недалеком будущем должна быть воссоздана маленькая шатровая звонница храма, исчезнувшая в XIX в.

Поскольку церковь находилась на оживленном водном пути, она была своеобразным маяком. Со звонницы, возможно, подавались световые и звуковые сигналы судам, идущим по Онежскому озеру.

Успенская церковь.

22. Вид с восточной стороны

23. Интерьер

24. Церковь Петра и Павла
в деревне Челмужи

Интерьер церкви сохранился достаточно хорошо, но в нем сосуществуют элементы первоначального убранства с более поздним. Очень скромная порезка тесовых лавок трапезной, традиционная яркая роспись «неба» четверика, тябла старого иконостаса, расписанные растительным орнаментом, по всей вероятности, ровесники самой церкви; раскраска же столбов, балок, дверей в бирюзовый, киноварно-красный и коричневый цвета — очевидно, была выполнена в XIX в. К этому же времени относится и нынешний иконостас.

Среди немногих дошедших до нас культовых построек на восточном берегу Онежского озера выделяются две,

наиболее крупные — церковь Петра и Павла в Челмужах и Ильинская церковь на Водлозере.

Погост в Челмужах, расположенный на высоком берегу, считается одним из самых древних новгородских погостов. Добираться до него лучше всего по извилистой дороге либо от Медвежьегорска, либо от Пудож.

Церковь Петра и Павла или, как чаще ее называют, Богоявленская, была построена «тщанием прихожан» в 1605 г. Она обладает выразительным силуэтом. В часы заката со стороны озера, когда солнце, близкое к горизонту, находится за зданием церкви, особенно отчетливо выступает низкий, увенчанный широким шатром восьмерик

на четверике основного объема церкви и стройная высокая девятистолбная, также шатровая с луковкой колокольня.

Челмужская церковь имеет одну чрезвычайно интересную особенность, не встречающуюся больше ни в одной церкви Заонежья. Членение наружных объемов не соответствует ее планировке. Большой шатер располагается не на стенах четверика главного помещения церкви, как обычно, а частично над трапезной, частично над основным помещением храма, то есть ось шатра приходится примерно на внутреннюю стену церкви. Таким образом, наружные стены четверика — западная и восточная — опираются не на стены, а на систему балок, передающих нагрузку от них на южную и северную стены церкви. Очень своеобразно крыльцо с двумя всходами, с резными столбами в виде «дынек», между которыми помещен стилизованный древний солярный знак.

Один из самых поздних памятников культовой архитектуры Заонежья, как бы подводящий итог развитию

Церковь Петра и Павла
в деревне Челмузи

25. Западный фасад

26. Деталь крыльца

деревянной северной архитектуры,— ансамбль Ильинского погоста. Возник он как монастырь на Водлозере в 1798 г.

Водлозеро лежит в стороне от торных дорог, в шести-десяти километрах от Онежского озера. Оно окружено кольцом болот, поросших хвойным лесом. Легче всего к нему добраться от города Пудожа по лесной грунтовой дороге, идущей через деревню Сумозеро на далеко вдающийся в Водлозеро мыс Куганаволок. А дальше по озеру, к маленькому острову, где расположен Ильинский погост, можно доехать на любой рыбацкой моторке. Погост виден издали. Вытянутое здание церкви с колокольной стоит на возвышенности, в небольшой еловой роще, окруженной деревянной рубленой оградой.

Прежде чем осмотреть церковь, обратим внимание на ограду. Это единственное, сохранившееся до наших дней, сооружение данного типа в Заонежье, воспроизводящее в миниатюре своими деталями и пропорциями крепостные стены древних порубежных погостов. Именно она послужила прототипом при реставрации ограды Кижского погоста.

Главным опорным элементом ограды Ильинского погоста, как и в древних крепостных стенах, является треугольная клеть, имеющая «разряжения», то есть просветы между бревнами. С южной стороны, возвышаясь над стеной, устроен длинный вход с четырьмя торговыми помещениями.

Через широкие трехметровые ворота войдем на территорию, примыкающую к церкви. Еще до недавнего времени ее мало кто знал. Впервые этот памятник был обмерен и изучен в конце 1940-х гг. А. В. Ополовниковым. В планировке церкви обращает внимание то обстоятельство, что трапезная и алтарная часть по площади очень велики по сравнению с храмами XVII в. Чтобы в этом убедиться, достаточно вспомнить церковь Петра и Павла в Челмужах, площадь которой составляет около 25 метров, в то время как главное помещение Ильинской церкви занимает площадь около 70 метров.

До начавшейся в 1954 г. частичной реставрации церковь была чрезвычайно искажена. Она имела грубую сплошную

27. Ильинская церковь на Водлозере

тесовую обшивку; колокольня, утратившая свой шатер, была увенчана в начале XX в. приземистым куполом; были расширены окна, уничтожен крытый переход из колокольни в сени церкви и т. д. Характер кровли центрального объема здания сохранился. Однако главы утратили лемехи и были покрыты кровельной жостью.

Центральный объем — четверик завершался не шатром, а кубом, что весьма редко встречается в этих местах. Заметим, что церковь Ильинского погоста имеет совершенно отличную от всех других покрытый кубом композицию: на кубе помещена только одна, центральная луковица, остальные же четыре, полагающиеся по церковному канону, расположены по углам четверика. В кубоватых же церквях на реке Онеге, где сосредоточено большинство церквей этого типа, все пять главок располагались на самом кубе (Преображенская церковь в селе Турчасово, Владимирская церковь в селе Подпорожье и др.).

28. Дом Ошевнева в Кижях

К Ильинскому памятнику близка Вознесенская церковь в селе Типиницы, в 8 километрах от Усть-Яндомского погоста. Она отличается только завершением четверика, который увенчивается восьмериком с шатром, да большей, чем сама церковь, площадью трапезной.

Не меньший интерес, чем культовая архитектура, представляют гражданские постройки погостов Заонежья: избы, амбары, бани, колодцы, мельницы, мосты.

Планировка русской северной деревни обычно определялась целесообразностью и удобством для жизни. В Заонежье чаще всего избы ставились на пригорках, поближе к воде, к лодке. При выборе места для дома крестьянин

учитывал рельеф местности. Кроме того, он старался наиболее правильно и рационально разместить все хозяйственные постройки на своем участке: сбоку от дома ставил амбар, на «задах» — колодец, а у реки или озера — баню, часто общую для двух-трех домов.

В архитектуре северных селений проявляется удивительное умение народных зодчих сочетать жилую постройку с пейзажем. Каждая северная деревня — это единая архитектурно-пейзажная композиция. Она тянется вдоль реки. Жилые дома перемежаются с амбарами, колодцами и сбегаящими к самой воде банями. И над всей этой низкой, стелющейся застройкой деревни доминирует, выделяясь своей вертикалью, церковь. Панорама погоста, с лежащими на берегу лодками и многочисленными поленищами дров, отражающимися в воде, производит всегда впечатление цельности и удивительной гармонии архитектуры и природы.

Деревни Заонежья, появившиеся вокруг погостов, имели простую фронтальную застройку побережья, с обращенными к озеру фасадами домов.

Жилые постройки дошли до наших дней не в столь блестящей сохранности, как церкви и часовни. Они чаще горели, их меньше берегли, поэтому дома старше ста, ста пятидесяти лет почти не встречаются. Но в силу традиционности определенных конструктивных элементов жилые дома XIX в. дают представление об очень давних приемах народного зодчества.

Наиболее древняя форма жилой постройки Заонежья — так называемый дом кошелем. Под словом «кошел», «кошма» в народе называют вместилище — большую корзину, телегу или лодку. Этот термин был перенесен и на жилые строения. Дом кошелем — это постройка с очень большим крытым двором, примыкающим к боковой стороне избы. Так как изба всегда значительно меньше по фасаду, чем двор, то кровля, перекрывающая их, была всегда асимметричной: скат над двором был длиннее, чем скат над жильем.

Конек кровли располагался по оси жилой части постройки. Чтобы выделить на фасаде эту часть как главную,

обычно устраивали еще один симметричный жилой части скат, выполнявший чисто декоративную роль.

Типичный образец жилой заонежской архитектуры — двухэтажный дом, стоявший в деревне Ошевнево на Большом Климецком острове и перевезенный теперь в Кижский заповедник. Он был построен в 1876 г. для семьи зажиточного крестьянина, состоящей из двадцати двух человек. В плане он представляет прямоугольник, близкий к квадрату. Состав помещений в доме традиционен, то есть приблизительно такой, каким он обычно был еще в древности, судя по описаниям летописей и документам XVI—XVII вв.

В жилой части, состоящей из зимней избы с печью и горницы, разделенных сенями, прирублена двухэтажная хозяйственная половина. В первом этаже размещаются коровник и хлев для мелкого скота, во втором — сеник, сарай для хозяйственного инвентаря и кладовые.

Жилая часть дома Ошевнева, как и большинства домов Заонежья, лишена перегородок. Квадратная в плане, освещенная с двух сторон шестью окнами, она кажется очень светлой и необычайно просторной.

Как уже отмечалось, передний фасад дома четко членится на две части — жилую и хозяйственную. Это деление выявлялось не только торцами бревен поперечных стен, перерезающих фасад, но и декоративным убранством. Резные наличники окон, ставни, балкон, украшенный богатым «подзором», обходная галерея с балясинами — все это делает избу главной частью всей архитектурной композиции.

Нельзя не сказать о некоторых характерных деталях декоративного убранства заонежских домов. Необходимым элементом построек являются галереи, устроенные на выступах бревен. Они идут вдоль всей жилой части дома и располагаются обычно на уровне пола второго этажа. Узорчатая горизонталь плоских балясин со сквозными отверстиями создает своеобразный светотеневой пояс, членящий фасад по вертикали.

Окна заонежских домов почти всегда имеют широкие резные раскрашенные наличники. В формах их нельзя не

29. Дом Ошевнева. Балкон

отметить воздействия городского каменного зодчества XVIII в. Это связано с тем, что заонежские крестьяне часто уходили на промыслы в города — Петрозаводск, Пудож и даже Петербург. Там, работая на строительстве, они сталкивались с новыми для них архитектурными мотивами. Возвратившись в свои деревни, мастера перерабатывали виденное применительно к дереву.

Та часть фасада дома, где располагался двор, обычно решалась более сдержанно. Основной архитектурный элемент хозяйственной части дома — арочные или трапецевидные ворота. Они устраивались для прохода скота и въезда во двор. Аналогичный проем в верхнем этаже делался для заезда сена. К нему вел «взвоз» — бревенчатый накат в виде пандуса.

30. Дом Сергеева из деревни Логморучей

Отметим, что стены верхней части двора опираются не на низлежащие стены, а на столбы. Подобная конструкция позволяла без большого труда менять нижние венцы стен скотного двора, которые более всего подвергались разрушению. В этом проявилась мудрость народных мастеров.

Дом кошелем — наиболее распространен в Заонежье. Однако здесь встречаются и дома «брусом». Это обычная четырехстенная или пятистенная изба с двором позади нее. Жилье и двор находятся под одной равноскатной кровлей. Примером может служить дом Сергеева, построенный в начале XX в. Он перевезен в Кижский заповедник из деревни Логморучей. Постройки брусом имеются и в деревнях Воробы, Сибово, Усть-Яндома, в Великой губе и т. д.

31. Амбар из деревни Коккойла

Заонежские дома как кошелем, так и брусом монументальны и просты. Сильные свесы крыш, крупные бревна срубов, мощность бревенчатых накатов «взвоза», суровость «косячатых» ворот, узорчатость немногочисленных деталей, украшающих фасад, характеризуют их внешний облик.

Существует предположение, что дома брусом более новая форма постройки, нежели дома кошелем, они проще по конструкции и удобнее в эксплуатации.

Интерьер заонежской избы был чрезвычайно скромным. Стены — из тесаного дерева. В углу — на деревянном помосте — большая глинобитная печь, занимающая два-три квадратных метра. Вдоль стен тянутся лавки, часто с опушкой — резной доской, обрамляющей края лавки. У южной стены обычно располагается стол, над ним божница с

вышитыми полотенцами; напротив устья печи — ярко расписанные (чаще всего голубой, красной и желтой красками) шкафчики для хранения посуды.

Среди разнообразных крестьянских хозяйственных построек, не входящих в жилой комплекс дома, наибольшее внимание уделялось амбару, где хранилось зерно. Поскольку в амбаре содержалось главное богатство крестьянина — хлеб, он располагался на некотором расстоянии от жилого дома и других сооружений в целях предохранения от пожара.

Амбары Севера весьма разнообразны, но для Заонежья характерны в основном два типа: одноэтажные и двухэтажные. Двухэтажные амбары давали возможность крестьянину не только наиболее рационально использовать территорию своей усадьбы, но и экономить материал на кровле. Они очень стройны по пропорциям и имеют многочисленные декоративные элементы: резные причелины, столбики, поддерживающие навесы, фигурные «курицы» и др. Отличный образец такого амбара имеется в Кижском заповеднике, он перевезен из деревни Коккойла.

Встречаются в Заонежье и одноэтажные амбары. Подобный амбар также можно видеть на Кижском острове. Он сооружен в XIX в. и перевезен из деревни Пелдожи Прионежского района. В этой постройке применен более простой вариант кровли с потоками, которые поддерживаются не «курицами», как обычно, а выступающими бревен торцовых стен.

Чрезвычайно обогащали застройку деревни, размещаемые в отдалении, на пригорке или среди поля, ветряные мельницы. Они были теми немногими вертикальными элементами, которые разбивали монотонность горизонтальной деревенской застройки.

Для Заонежья характерны мельницы на рамах. Они принадлежат к так называемым столбовкам — сооружениям с вкопанным в землю центральным столбом — стержнем, на котором укреплен сруб постройки. Корпус мельницы имеет внизу раму, состоящую из поперечных и продольных бревен, связанных между собой. Эта рама свободно лежит на другой, совершенно такой же вкопанной в землю.

Мельница имеет два этажа: в первом размещаются жернова и ларь для муки, а в верхнем — ведущий механизм.

В настоящее время мельниц в Заонежье почти не сохранилось. Несколько лет назад с Волкострова в Кижский заповедник была перевезена и реставрирована одна из немногих оставшихся рамных мельниц-столбовок, сооруженных в XIX в.

Район Заонежья — своеобразный оазис северной деревянной русской архитектуры. Здесь сосредоточено значительное число хорошо сохранившихся до наших дней построек — от небольших, простых и скромных до крупных и композиционно сложных. Именно здесь, в Заонежье, мы встречаемся с самыми древнейшими памятниками русского деревянного зодчества.

БЕЛОМОРЬЕ

Белое море — «море Студеное», как его величали в старину, было известно новгородцам еще в IX в. Обильно было Беломорье пушным зверем, удобны и гостеприимны для морехода его бухты, богаты ископаемыми его суровые берега, поросшие низким сосняком. Поэтому-то и двинулись сюда, на Крайний Север, люди из Новгорода Великого и принадлежавших ему земель. С XVI в. Белое море связывало Московскую землю с западным миром.

Лучшее время для путешествия по Белому морю — с конца июня до середины августа. Ветры дуют умеренные, закаты тихие, оранжевые, а ночей словно совсем нет. Только на короткое время свет дня меркнет, будто туча неожиданно набежала, и наступает белая ночь. Поверхность моря тиха и спокойна.

Осенние штормы на Белом море продолжительны и страшны. «К шторму», — говорят рыбаки, увидев на небе свечение северного сияния. И это не суеверие. Шторм огромной силы обрушивается на берега. Вздрагивает земля, вздрагивают и избы на берегу.

В ноябре на море появляется «сало», затем «шуга» и, наконец, большие мощные льдины. Они сковывают Двинский залив до деревни Солзы, Онежский до Ламцы и Кушереки, а Кандалакшский до Керити и Умбы.

Один из самых крупных населенных пунктов на юго-западе Белого моря — город Кемь. Он лежит в котловине, поросшей лесом и окруженной холмами. Город расположен на обоих берегах реки Кемь и на Лепострове.

Возник город с незапамятных времен. Новгородцев привлекали богатства этих мест — лес, семга, соль, жемчуг. Не случайно герб Кеми — жемчужное ожерелье на гладком синем поле. Через Кемь шла торговая дорога из Белого моря до Москвы.

На протяжении ста пятидесяти лет на Кемь и кемскую землю много раз посягали шведы. Последний набег они совершили уже при Петре I — в 1701 г. А спустя восемь лет Полтавская битва навсегда положила конец шведской интервенции и в поморском крае.

В честь этой победы на каменистом берегу Лепострова в 1711 г. был заложен деревянный Успенский собор.

Он стал главной доминантой во всем городе. Три шатра, стоящие тесной компактной массой, торжественно возвышаются над островом, над всей его застройкой.

Основу композиции собора составляет большая трапезная. Она квадратная в плане и имеет четырехметровую высоту. Посредине ее — два деревянных столба, резанных «дыньками» и «перехватами».

В обширной трапезной части проходили шумные собрания горожан. Здесь обсуждались вопросы о постройке кораблей и товарных складов, разгорались споры между торговыми людьми и рыбаками.

«Мирскому духу» трапезной соответствовало и ее убранство: струганные стены, простые без «опушки» скамейки, скупое порезанные столбы и две печи в углах, примыкающие к стенам (в настоящее время не существуют). Из трапезной можно пройти в те три «столпа», которые ее окружают. Центральный вход ведет в самый высокий Успенский придел, левый —

Успенский собор в городе Кемь

33. Общий вид

34. Покрытие алтарного прируба
Никольского придела

в придел, посвященный основателям Соловецкого монастыря, Зосиме и Савватию, а правый — в Никольский. Придел Зосимы и Савватия, в отличие от Никольского, имеет и свой самостоятельный вход с улицы.

Каждый из столпов собора представляет собой традиционный для северного культового зодчества восьмерик на четверике, покрытый шатром с луковичной главкой. При переходе от шатра к цилиндрической шейке на всех трех приделах устроен «гонтовый воротник» из фигурных пластин. Он закрывает отверстия, образовавшиеся при сочленении восьмиугольной пирамиды с цилиндром.

Разнообразен по формам восточный фасад собора. Пятистенный алтарь каждого из прирубов решен по-своему. Они отличаются не только характером деталей и размерами боковых завершений, но и конструкцией стен: алтарь Никольского придела рублен «в обло», два другие — «в лапу».

Кровля центрального шатра — обычная, на срубе — «в реж» (кладка венцов с разрывом между бревнами).

35. Схема расположения памятников в районе Белого моря

1. г. Кемь. Успенский собор. 1711 г.; 2. Соловецкий остров. Монастырь; 3. Село Кушерека. Вознесенская церковь. 1669 г.; 4. Кий-остров. Крестный монастырь; 5. Деревня Ненокса. Троицкая церковь. 1727 г.; 6. Село Варзуга. Успенская церковь. 1674 г.; 7. Село Ковда. Никольская церковь. 1705 г.; 8. Муезеро. Никольская церковь. XVII в.

По бересте уложен тес, прикрепленный гвоздями к венцам сруба. Два меньших придела перекрыты шатром по стропильным «ногам» — конструкцией более редкой. Успенский столп самый высокий — 35,5 метра. Он является основным вертикальным элементом композиции.

Объемная композиция собора построена на смелом использовании приема ступенчатого нарастания масс. Низкое

двухвходное каркасное крыльцо, узкие сени, обширный сруб трапезной, столпы приделов и, наконец, самый высокий Успенский придел — все подчинено единому движению вверх. Даже маленькие кокошники на углах четвериков и те как бы поддерживают это устремление масс храма.

Стремление ввысь ощутимо и в интерьере. Когда попадаешь из низкой трапезной в Успенский столп, то поражаешься непривычной высотой внутреннего пространства. Обычно в деревянных шатровых церквях Севера собственно храм по высоте едва превосходит трапезную. В Кемском же соборе храм выше трапезной вдвое. Естественно, что такое решение интерьера предопределило и создание перед алтарем высокого пятиярусного иконостаса. Для его освещения было сделано два ряда окон. «Небо» во всех трех приделах устроено на уровне перехода четверика к восьмерику.

В середине XIX в. собор подвергся большому искажениям. В 1885 г. была снесена старая шатровая колокольня, стоявшая рядом с храмом. Приблизительно в это же время собор был обезображен дощатой обшивкой под камень. Одновременно при переделке были уничтожены кокошники четверика, закрыт самостоятельный вход в боковой придел, снят старый декор кровли, растесаны окна, потолок в главном четверике поднят до уровня шатровых полиц и под ним прорублены три круглых окна.

Сейчас Успенский собор частично отреставрирован. В основу проекта реставрации положено тщательное изучение памятника, архивных материалов и анализ однотипных сооружений.

Чтобы увидеть еще один многоверхий храм, необходимо предпринять довольно долгое путешествие морем из Кемь до Архангельска, а из Архангельска на Онежский полуостров. Здесь, в двадцати километрах от города Северодвинска, стоит единственная в своем роде, отвечающая официальному церковному канону пятиглавия, Троицкая церковь.

Дорога к ней идет через тундру, желтеющую спелой морошкой. Справа, сквозь кусты редкого леса, слепящими

солнечными бликами сверкает море. Не доходя пяти километров до погоста дорога поворачивает в глубь полуострова. Вскоре на высоком зеленом откосе реки Неноксы показывается древнее новгородское селение. «Ненокса — места солеваренные» — гласит Двинская грамота 1471 г.

Погост Ненокса был вотчиной монастырей Антониев-Сийского, Николо-Карельского и Кирилло-Белозерского. В центре селения, на открытом пригорке, и стоит строгая Троицкая церковь — «круглая о двадцати стенах». Она построена в 1727 г. План Троицкой церкви очень компактен и близок плану Преображенской церкви на Кижском острове. Композиционное ядро здания — восьмерик, к которому с четырех сторон примыкают прирубы, ориентированные по странам света и покрытые шатрами. Южный и северный прирубы, так же как и в Кемском соборе, являются приделами. Прируб восточный, по площади равный приделам, составляет алтарь главной церкви. С запада расположен четвертый прируб — трапезная. Невкогда она была обрамлена с трех сторон крытыми галереями, в которые вели три крыльца: центральное — двухвосточное и два по бокам, ведущие в приделы.

Высота центрального шатра Троицкой церкви более двадцати метров. Центральный объем состоит не из одного, а из двух восьмериков, стоящих один на другом, причем верхний меньшей ширины. Шатер, покоящийся на этом восьмерике, не рублен, как в большинстве северных шатровых построек, а образован системой стропильных «ног», «связей» и «подкосов». С конструкцией шатра связан и подвесной потолок центрального объема.

В XIX в. Троицкая церковь была обшита тесом, потеряла галереи, в центральном восьмерике были прорублены широкие окна. Сейчас Троицкую церковь начали реставрировать.

Из Кемии три часа плавания на теплоходе до Соловецкого архипелага, где расположен знаменитый комплекс Соловецкого монастыря.

На Соловецких островах каждого приезжающего приводят в восторг не только мощные крепостные стены из

36. Троицкая церковь
в деревне Ненокса

грубого дикого камня, заросшего желтым лишайником, или тяжелые приземистые башни с коническими шатровыми верхами, но прежде всего природа. Темные вековые пирамидальные ели, тихие задумчивые березы, огромные замшелые валуны, мягкие зеленые холмы, многочисленные зеркальные озера, бухты, заливы.

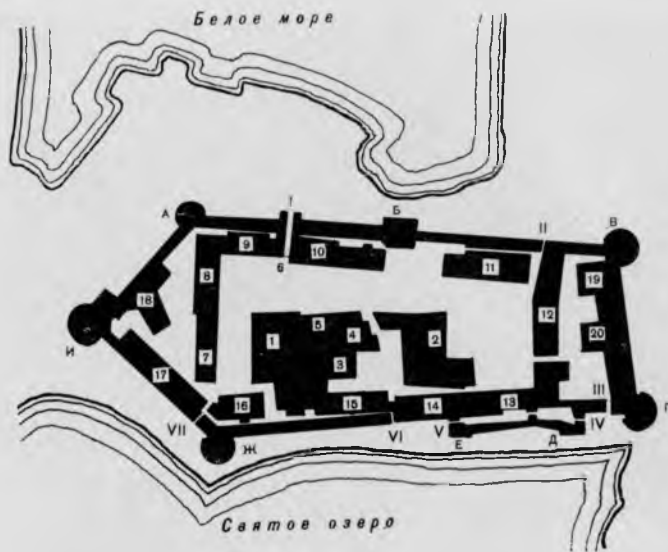
Архипелаг состоит из ряда островов: самый большой из них — Соловецкий — длиной более двадцати километров и шириной пятнадцать, затем меньший — Анзерский, два острова Муксаломских и множество мелких.

Монастырь расположен на Соловецком острове, в юго-западной его части, и выходит длинными сторонами своих стен к бухте Благополучия и на Святое озеро.

Сложна история монастыря. Основание его летописцы относят к 1429 г., то есть ко времени царствования Василия Темного, когда на Секирной горе, в двенадцати километрах северо-западнее бухты Благополучия, поселились инок Савватий из Кирилло-Белозерского монастыря и Авва Герман — уроженец города Тотьмы. Сведений о том, что было сооружено при них, не сохранилось. Но о постройке инокa Зосимы, пришедшего в 1436 г. и ставшего настоятелем монастыря, летопись упоминает. Им была возведена первоначальная деревянная Преображенская церковь. Храм был обнесен оградой. Эти сооружения по сути дела и явились основным ядром, вокруг которого рос и развивался монастырь. Вскоре монахи, расширяя свои владения, заняли весь архипелаг. Недовольные этим местные жители стали предъявлять свои права на земли и грозили изгнать монахов с островов. Тяжба кончилась

37. Соловецкий монастырь.
Общий вид

38. Соловецкий монастырь. План

Башни: А — Прядильная; Б — Успенская; В — Сторожевая (Корожанская); Г — Северная (Никольская); Д — Квасоваренная; Е — Поваренная; Ж — Южная (Архангельская); И — Белая (монастырская тюрьма). Ворота: I — Святые. II — Сельдяные. III — Никольские. IV — Квасоваренные. V — Поваренные. VI — Успенские. VII — Архангельские. Постройки: 1 — Преображенский собор. 1558—1566 гг.; 2 — Успенский собор и трапезная. 1552—1557 гг.; 3 — Троицкий собор. 1859 г.; 4 — Колокольня. 1777 г. и церковь Николая. 1834 г.; 5 — Переход; 6 — Церковь Благовещения. 1596 — 1601 гг.; 7 — Филипповская церковь. 1798—1859 гг.; 8 — Больничный корпус; 9—17 — Жилые и хозяйственные корпуса; 18 — Водяная мельница; 19 — Палаты. 1615 г.; 20 — Палаты. 1642 г.

тем, что новгородский архиепископ Иоанн дал монастырю грамоту за восемью свинцовыми печатями на вечное владение Соловецкими островами.

Дважды в течение пятидесяти лет Соловецкий монастырь горел — в 1485 и 1538 гг. С 1546 г. его настоятелем становится боярин Федор Колычев, названный Филиппом. При нем монастырь начинает интенсивно развиваться, увеличиваются пастбища, строятся дороги, мельницы, соединяются каналами озера, сооружаются каменные церкви. В это время были построены Успенский, с трапезной палатой, и Преображенский соборы.

С конца XVI в. Соловецкий монастырь становится сильной крепостью. На него возлагается обязанность защиты северо-западных рубежей России. Уже в 1578 г. Иван Грозный жалует монастырю артиллерию, а в 1584 г. по указу царя Федора Ивановича вокруг пятиугольного участка монастыря начинается строительство каменных стен. Эту работу выполняли обитатели монастыря под руководством монаха Трифона, родом из Неноксы. Стены сооружались в течение десяти лет. Высота их достигла 11 метров. Огромные гладкие валуны, вес которых достигает 5—6 тонн, скреплены известковым раствором с прокладкой в швах кирпича. Наиболее мощные валуны находятся внизу и служат как бы цоколем; выше камни уменьшаются и сама стена становится тоньше.

Наверху стены, с внутренней стороны монастыря, устроены крытые деревянные галереи, откуда через бойницы в стенах стрельцы могли обстреливать наступающего неприятеля.

Артиллерия была установлена на нескольких ярусах перекрытий башен. Последних было восемь. Со стороны бухты Благополучия находятся башни Прядильная, Успенская и Сторожевая, а со стороны Святого озера — Северная, Квасоваренная, Поваренная, Южная и Белая.

Башни имеют слегка конусообразную форму и завершаются высокими шатрами с дозорными площадками. Все они, так же как и стены, выложены из валунов у основания и из кирпича в верхней части, под шатрами. Толщина стен внизу достигает 5—6 метров, а наверху — 1,5 метра.

Прочность стен и башен испытало время. Они успешно защищали монастырские земли от многочисленных вторжений иноземцев — шведов, литовцев, англичан. В 1667 г. во время раскольнического движения монастырь выдержал осаду царских войск.

Осмотрев стены и башни снаружи, войдем в приделы монастыря через Никольские ворота, расположенные у Северной башни. В длинном дворе слева находятся жилые и хозяйственные корпуса, справа — палаты, построенные в XVII в. Через ворота хозяйственного корпуса проследуем на главный двор монастыря. Здесь, вдоль западной стены, по обе стороны от надвратной Благовещенской церкви, возведенной в 1596—1601 гг., размещены кельи, торговые лавки, кладовые. Ворота под церковью были парадными. Они вели от моря к главному

39. Соловецкий монастырь. Стена у Южной (Архангельской) башни и Архангельские ворота

храму монастыря и носили название «Святых». Южную часть монастырского двора занимают солодовни, сушильни, больничный корпус. Примыкая к Белой башне, служившей монастырской тюрьмой, стоит водяная мельница со складами. Такие же корпуса идут и вдоль восточной стены.

Композиционным центром монастыря являются высокая колокольня и три собора: Преображенский, Успенский и Троицкий.

Преображенский собор — главный храм монастыря строился с 1558 до 1566 г. Его архитектура сурова и величава.

Каким собор был первоначально, трудно сказать. В какой-то мере облик его помогает воссоздать многочисленный иконографический материал — старые гравюры,

40. Соловецкий монастырь. Северная (Никольская) башня

Соловецкий монастырь

41. Благовещенская церковь

42. Преображенский собор

изображения на иконах, шитье. Анализ изобразительного материала и изучение конструктивных особенностей здания позволили создать несколько вариантов реконструкции собора. Одним из наиболее удачных следует признать работу П. М. Максимова.

Сопоставляя гравированные виды Соловецкого монастыря XVII в. и изображения собора на иконах XVI—XVII вв., Максимов выдвинул следующую гипотезу о формах завершения здания. Он считает, что сначала покрытие среднего барабана было шатровым, но уже в конце XVII—начале XVIII в. собор получил луковичную главку. Изящная по форме главка не вяжется с грубоватым, мощным объемом самого здания. Стены собора завершались рядами килевидных профилированных кокошников, а угловые башни — приделы — трехлопастным крещатым покрытием с луковичами. Все главки были в свое время покрыты лемехом, а кровля собора и алтарной части — тесом.

Планировка храма необычна. Он имеет три этажа.

Подклет состоит из ряда небольших прямоугольных помещений, перекрытых коробовыми сводами. Площадь каждого 30—40 квадратных метров. Освещались они небольшими окнами, посаженными в глубокие арочные ниши. Эти помещения, вероятно, служили кладовыми для хранения ценностей монастыря, казны или даже оружия, предназначавшегося на случай осады крепости.

Над подклетом размещался собственно храм. Два мощных столба поддерживали крестовые своды и барабан купола. С северной и западной сторон собор окружала светлая галерея, пристроенная, видимо, позже.

В толще южной стены находились две каменные лестницы. По ним можно было подняться на следующий — чердачный этаж. Здесь по углам, соответственно четырём башням храма, были расположены помещения, которые, по всей вероятности, в момент осады монастыря выполняли роль наблюдательных вышек.

Вторая наиболее значительная культовая постройка Соловецкого монастыря — Успенский собор с трапезной палатой. Он соединен с Преображенским сложными переходами, сооруженными в начале XVIII в. Успенский собор возведен в 1552—1557 гг. и также мало изучен.

Потолок трапезного зала поддерживает стоящая в центре огромная круглая в плане колонна. Она сложена из больших отесанных камней и расширяется вверх, переходя в сводчатый потолок. Под трапезной в 1859 году была устроена церковь Рождества, вход в которую был с северной стороны.

Между Успенским и Преображенским соборами находятся: Троицкий собор (1859 г.), Никольская церковь с ризницей под ней (1577 г.), перестроенная в первой половине XIX в., и колокольня (1777 г.) с тридцатью пятью колоколами. Самый большой из колоколов — Преображенский весил 12,5 тонн.

Из гражданских построек монастыря особенно интересна водяная двухэтажная мельница, примыкающая к южной стене около Белой башни. Она построена в XVII в. из крупноразмерного кирпича, как, впрочем, и большинство

43. Соловецкий монастырь. Водяная мельница. Фрагмент

зданий этого комплекса. В первом этаже ее помещалось колесо, работающее под напором воды канала, соединяющего Святое озеро с морем.

Декоративное убранство здания просто. В обработку стен введен орнамент, набранный из фасонного кирпича. На торцевой части каждого кирпича вырезана простейшая фигура — круг, треугольник, усеченный конус и т. д. В карнизе и над окнами орнаментальный зубчатый узор «городок» — излюбленный мотив в убранстве северной каменной архитектуры. Из фигурного кирпича выполнены и столбики-простенки, на которые опираются арки окон второго этажа.

В ансамбле Соловецкого монастыря использован уже знакомый нам прием чередования горизонтальных и

вертикальных архитектурных элементов. Горизонтальные тяги и карнизы гражданских сооружений, контрастируя с гладкими плоскостями стен, лопатками, крутыми кровлями, щипцами и килевидными кокошниками, еще больше подчеркивают устремленность ввысь строгих и суровых церковных сооружений.

К сожалению, внутреннее убранство построек Соловецкого монастыря не сохранилось. Многие иконы монастыря, рукописные книги ныне хранятся в различных музеях страны. Так, некоторые из икон можно видеть в Государственной Третьяковской галерее: «О тебе радуется», «Деисус с припадающими Зосимой и Савватием», «Обитель Зосимы и Савватия Соловецких».

Икона «Обитель Зосимы и Савватия Соловецких» дает очень ценный материал. На ней подробно показан Соловецкий монастырь с его храмами, кельями, звонницами, оградой. Любопытно, что крепостная стена, сложенная из больших валунов, изображена такой, какой мы видим ее сейчас.

В Государственном Русском музее хранится шитая плащаница, выполненная в Соловецком монастыре в 1592 г.

...Бесконечно можно любоваться монастырским ансамблем на Соловецком острове, дикой красотой Анзера с горой Голгофой.

В настоящее время памятники Соловецкого монастыря консервируются, вскоре начнется их планомерная реставрация.

Другой заслуживающий пристального изучения монастырский комплекс на Белом море — Крестный монастырь Кий-острова.

В пятнадцати километрах от города Онеги, в Онежской губе, находится одинокий каменный остров. Издали он кажется черным, и только когда подъезжаешь ближе, замечаешь темную зелень сосняка между высокими гранитными монолитами скал. Это и есть Кий-остров. Площадь его — 0,5 квадратных километра. Во время прилива к острову можно подойти вплотную, как к портовому пирсу. В отливе приходится добираться до берега на маленькой лодке, а затем еще долго идти пешком по обнажен-

ному, сырому дну со скользкими водорослями. Здесь, на этом каменистом острове, на высоком западном берегу и был построен Крестный монастырь.

В 1639 г. инок Никон, будущий патриарх, ехал в Соловецкий монастырь. Разразилась буря, и он вынужден был укрыться на пустынном Кий-острове. В память о своем спасении Никон поставил крест. А в 1652 г., возвращаясь с мощами митрополита Филиппа из Соловецкого монастыря и захватив на Кий-остров, он нашел крест в сохранности. Узнав, что на острове не раз спасались и другие, Никон задумал основать здесь монастырь для спасающихся от «морского потопления». Царь Алексей Михайлович грамотой разрешил ему «поставить церковь и монастырек соградить во имя честного и животворящего Креста и святого чудотворца Филиппа митрополита...»

В конце 1650-х гг. патриарх Никон проводит ряд реформ не только с целью укрепления церкви, но и с тайным намерением поставить власть церковную выше светской. Проводя политику «святчество превыше царства», патриарх стремился найти поддержку среди посадского населения городов.

Сооружение монастыря на Кий-острове приобретало для Никона первостепенное значение.

44. Надлежный храм. Крест, вмурованный в стену апсиды

Крестный монастырь на Кий-острове

45. Деревянная ограда

46. Собор

В июле 1658 г. началось строительство. Первые постройки монастыря были деревянные. Это церковь Воздвижения и церковь, посвященная митрополиту Филиппу и архистратигу Михаилу. Обе они были снесены в начале XVIII в.

Через год Никон приехал на Кий-остров и принялся за строительство каменного монастыря. В течение только одного лета были сооружены: собор, Надкладезная церковь, трапезная и здание каменных келий. На восточной — внешней стороне Надкладезного храма, на вложенном в стену кресте, надпись: «освящен... по благословию пресвятейшего Великого Господина Никона патриарха, в лето 7168 по воплощении слова божия 1660 году августа в первый день».

Колокольня и трапезная были возведены одновременно с храмом, но освящены не были, так как, видимо, к моменту отъезда Никона из монастыря они еще не были завершены.

Позже к Надкладезному храму начали пристраивать корпус с монашескими кельями, который и был окончен около 1715 года.

К северо-востоку от собора выстроили еще два деревянных здания келий и напротив алтаря — деревянный дом настоятеля монастыря. Весь этот ансамбль был обнесен деревянной оградой, крытой тесом, с башнями по углам.

В середине XIX в. во время пожара сгорели почти все деревянные постройки монастыря. В 1871 г. они были выстроены заново.

До наших дней к северо-западу от собора, среди высоких сосен, сохранился небольшой кусочек ограды и башня, крытая шатром. Хотя они и относятся к середине XIX в., но по своим формам повторяют постройки начала XVIII в.

С о б о р, стоящий на самом высоком участке острова, — центральное сооружение комплекса. По утверждению

одного из исследователей древнерусского зодчества М. А. Ильина, его автором и, по всей вероятности, автором всего Кийостровского ансамбля был патриарший «каменных дел подмастерье», строитель Валдайского собора Аверкий Мокеев, которого Никон, очевидно, привез из Москвы.

Собор представляет собой приземистый куб, выложенный смешанной кладкой из кирпича и камня. Благодаря некоторому наклону стен здание кажется чрезвычайно устойчивым и монолитным, как бы вырастающим из гранитной скалы.

По плану сооружение четырехстолбное, с широко расставленными столбами, узкими боковыми нефами и тремя апсидами на восточной стороне. Собор перекрыт крестовыми сводами, выложенными в один кирпич. Внутри помещения находились хоры, на которые можно было подняться по каменной лестнице в толще северной стены. М. А. Ильин, исследуя храм и проведя ряд аналогий, пришел к выводу, что хоры служили для пребывания самого Никона. В них как бы воплощалась мысль патриарха о том, что «священство царства преболе есть».

Завершался собор тремя восьмигранными, расчлененными на лопатки барабанами, которые увенчивались гранеными куполами с фонариками. Первоначально купола имели лемеховое покрытие и деревянные кресты. Центральный барабан по своим размерам непропорционален основному объему здания — он слишком велик, но именно это, вероятно, сознательное преувеличение и придает собору мощност и монументальность.

Анализируя композиционный строй фасада собора, нельзя не заметить, что архитектор подчиняет его решение одной идее, очевидно, продиктованной самим патриархом Никоном — утверждению силы, незыблемости и вечности церковной власти.

К расчлененным плоскими лопатками фасадам собора пристроены крупные «перспективные» порталы. Колонки их едва выделены из глыбы камня. Такой же характер имеют грубо обработанные обрамления арок, наличники окон и карнизы. Вследствие этой обобщенности очень

небольшое по размерам здание воспринимается как сооружение величественное и значительное.

Рядом с собором на южном склоне каменистого холма Аверкием Мокеевым было возведено здание трапезной с церковью. Своей северной стороной церковь примыкает к скале, на которой стоит собор.

Здание имеет двухэтажную структуру. В первом этаже располагались различные хозяйственные помещения и кладовые, во втором — собственно церковь, большой трапезный зал и келарская палата. Посредине трапезного зала стоит квадратный столб — опора сводчатых перекрытий.

Фасады трапезной очень просты: западный, обращенный в сторону моря, представляет собою гладкую стену с узкими арочными окнами, южный расчленен лопатками, к восточному пристроена церковь с выступающей

47. Апсида Надкладного храма

восьмигранной апсидой. Трапезная, так же как и остальные строения, возведена из валунов и кирпича.

Трапезная Кий-острова по плану и решению объемов очень близка аналогичному сооружению Валдайского монастыря. Видимо, Мокеев, создавая комплекс Крестного монастыря, в значительной мере повторил композицию ранее выстроенной им трапезной на Валдае.

По проекту Мокеева, вероятно, были построены также кельи и храм над источником, открытым, по преданию, самим патриархом. Над кладезный храм имел граненую апсиду, обращенную в сторону главной монастырской площади, то есть в сторону дома настоятеля. В стену апсиды был врезан каменный крест с надписями, гласящими о времени основания монастыря. Такой же крест находился и внутри церкви.

Разнообразна архитектура Беломорья. Как не похожи друг на друга комплексы Соловецкого и Крестного монастырей, так нет здесь и двух одинаковых деревянных культовых построек. Трехшатровый Кемский собор, пятишатровая Троицкая церковь в Неноксе, кубоватая церковь Вознесения на берегу Белого моря в селе Кушерека и стройная с необычайно мощной главой над шатром и боковыми ярусами прирубов Успенская церковь в Варзуге дают нам совершенно различные типы зданий по своей планировке, конструкциям и декоративному убранству.

Село Кушерека — бывшая вотчина Соловецкого монастыря. От ближайшей железнодорожной станции Шунда-нец оно отстоит на десять километров. Путнику село открывается с высокого холма. Оно живописно расположено по обоим берегам узкой, каменистой речки Куши, которая через два километра впадает в Белое море. Близость моря чувствуется здесь во всем: и в паутине рыбацких сетей, висящих на жердях, и в сильных изгибах форм больших лодок, около которых суетятся рыбаки, и в шквальных порывах соленого ветра.

«Мы потомственные мореходы», — с гордостью говорят о себе старожилы села. Много веков смелые мореходы Кушереки бороздили воды Белого моря, выходили в бурное Баренцево, плавали к скалистым берегам Норвегии,

48. Вознесенская церковь в селе Кушерека

на Новую Землю и даже на остров Шпицберген. Нелегкими были эти походы. Свой опыт моряки передавали из поколения в поколение, от отца к сыну, а впоследствии начали записывать. Рукописные книги стали своеобразными лоциями.

Долгое время не удавалось обнаружить такие рукописи, хотя часто можно было слышать разговоры о них в приморских селениях. И вот летом 1965 г. экспедиция Государственного Русского музея разыскала «мореходную книгу» в селе Кушерека. Она была составлена в конце XVII — начале XVIII в. и переписана в начале XIX в. жителем Кушереки Александром Кузнецовым. В ней имеется

описание судового плавания вдоль берегов северных морей, указываются береговые ориентиры, глубины, мели, бухты, проходы к ним и многое другое. Теперь эта книга находится в Центральном Военно-морском музее.

Но Кушерека славится не только своими морскими традициями, она знаменита своей Вознесенской церковью, стоящей на левом берегу быстрой и холодной реки Куши.

Она сооружена в 1669 г. и принадлежит к тому типу церквей, которые строились со второй половины XVII в. вплоть до конца XVIII в. Особенно часто встречаются они на реке Онеге. Это храмы, завершенные кубоватыми крышами. В кубоватых церквях зодчие сумели, до некоторой степени, удовлетворить и требование московского духо-

49. Вознесенская церковь. Западный фасад

венства увенчать храмы луковичами и сохранить в основе покрытия форму шатра. Это подтверждается ранними одноглавыми кубоватыми храмами. Так, в церкви Параскевы-Пятницы (1666 г.) села Шуерецкое, не сохранившейся до наших дней, покрытие имело удлиненную форму, напоминающую привычный древний шатер. Позже на «кубе», кроме центральной главы, появляются еще четыре — по углам. Пятиглавие на кубовом покрытии, видимо, вполне устраивало патриаршество. Именно с таким храмом мы и встречаемся в селе Кушерека.

Основной объем Вознесенской церкви — высокий и стройный четырехстенный сруб, с сильно расширяющимися полами. Он завершается очень красивым, словно корона, кубом, с пятью изящными главками, стоящими на тонких чешуйчатых ножках. Основания этих глав украшены легкими кокошниками, с прорезными гребнями на коньках килей.

К основному объему церкви с восточной стороны, обращенной к реке, примыкает мощный и высокий квадратный в плане прируб. Он покрыт большой «бочкой», кровлей которой служит крупный городковый лемех-гонт.

Сооружение обращает на себя внимание необычным решением внутреннего пространства, редко встречающимся в деревянном церковном зодчестве Севера.

Церковь двухэтажная. Второй этаж отличается от первого лишь меньшим размером трапезной. В 1825 г. к трапезной первого этажа были пристроены два квадратных придела. Церковь обшита тесом, главы и шейки сохранили свою первоначальную окраску. Внутри храма сохранился иконостас XVII в.

Колокольня, расположенная рядом, принадлежит, вероятно, XVIII в. Покрытие ее в виде купола со шпилем, а также арки галереи-звонницы — XIX столетия.

Совершая поездки по Беломорью, нельзя не побывать в одном из древнейших поселений, основанных новгородцами еще в XIV в., — в селе Варзуга. Оно расположилось в тридцати километрах от моря на суровом Терском берегу Кольского полуострова. Одной из причин возникновения здесь села была заходившая косяками в устье реки

Варзуги семга. Лов семги стал основным промыслом этих мест и давал огромный доход Новгороду Великому. В середине XV в. на реке появляются угодия Соловецкого монастыря.

Из четырех церквей, построенных в Варзуге, наиболее древняя — Успенская, созданная в 1674 г. Своими художественными достоинствами она намного превосходит все расположенные рядом церкви этого погоста.

Храм стоит на прибрежных лугах вблизи воды. Стремительно уходит в бледное северное небо высокий бревенчатый тридцатичетырехметровый столп. Его крещатое основание с поднимающимися ярусами бочечных завершений как бы с силой выталкивает вверх четверик с легким высоким шатром.

Ступенчатый переход к шатру не нов в древнерусском зодчестве. В каменной архитектуре Киевской Руси он известен с XII в., а в московском зодчестве прием ярусного покрытия получил широкое распространение с XIV в.

Когда смотришь на Успенскую церковь в Варзуге, на ее пластичный силуэт, четкие пропорции, на крутые грани шатра, невольно возникают ассоциации с Коломенским храмом Вознесения, построенным в 1532 г., в летней резиденции московских великих князей.

Следует заметить, что явное заимствование форм и строительных приемов московской архитектуры XVI в. в церкви Варзуги не случайно.

В XVI в. земли по реке Варзуге осваиваются Соловецким монастырем, которому были даны значительные привилегии как порубежной крепости. Это усилие Соловков вызвало серьезные опасения со стороны московского патриаршества, стремившегося к укреплению централизованной церковной власти в стране. Чтобы не допустить усиления могущества монастыря, в 1667 г. издается царский указ о конфискации целого ряда монастырских угодий, в числе которых значилась и Варзуга.

В это же время в архитектуру вводятся такие формы, которые должны были напоминать о могуществе централизованной власти. В Успенской церкви в Варзуге ясно прослеживаются традиции московского зодчества. Здесь,

в частности, повторяются многие строительные приемы, используемые в деревянном Коломенском дворце. Это дает возможность предполагать, что церковь в Варзуге могла быть построена московскими мастерами.

Влияние московской архитектуры ощутимо и во внутреннем убранстве церкви. Оно особенно заметно в мастерски выполненном деревянным резном четырехъярусном иконостасе, относящемся к 1677 г.

Иконостас Успенской церкви отличается тем, что иконы «деисусного чина» располагаются не в третьем ряду, как это было в большинстве церквей Заонежья, а во втором. Праздничный же ряд, то есть изображения легенд, прославляющих Христа и богородицу, размещается в третьем ярусе. Иконы, созданные в XVII—XIX вв., несколько разнообразны по стилю.

Особую прелесть представляют «царские врата» с изящными расписными столбиками. В них чувствуется тонкий вкус и высокое мастерство.

К особенностям интерьера Успенской церкви относится также и то, что центральный объем освещается только через окна в боковых прирубках. «Небо» церкви вследствие небольшой величины сруба имеет не подвесную конструкцию, как в Троицкой церкви в Неноксе, а распорную.

В XIX в. церковь была обшита тесом, изменился облик крыльца и интерьера.

Знакомясь с зодчеством побережья Белого моря, нельзя не обратить внимания на архитектуру жилых построек. Деревни имеют плотную застройку, так как население этих мест почти не занимается земледелием. Основное занятие жителей — охота, рыбная ловля, добыча соли и смолы. Таковы села Шуерецкое, Кушерека, Яреньга, Ненокса и другие.

Избы обычно обращались главными фасадами к реке или морю. На берегу, у самой воды, размещались амбары. В них держали рыболовные снасти и хранили рыбу. Рядом находились многочисленные лодки и баржи, сушились сети.

Основные типы жилых построек здесь — уже знакомый по Заонежью дом кошелем и изба-пятистенник.

Примером кошеля на Беломорском побережье могут служить избы в Неноксе, по своему типу восходящие еще к XVI в. Об этих домах можно судить по сохранившемуся письменному документу — купчей крепости 1578 г. Один из местных жителей продал Кириллову монастырю двор и варницы. В купчей говорилось: «...во дворе хором: горница на двух щербетах, да против горницы амбар на двух подклетьях и с предместьем, да сарай на столбах, да сенник на хлевах, да мыльня...» Отсюда вывод, что в хозяйственных и жилых постройках имелись подклети, на хлевах — сенники, а амбары имели предместье. Все эти особенности были характерны для дворов Беломорья и в последующие века. В Неноксе сохранился дом кошелем, построенный в 1776 г. В более позднее время — в конце XIX и в начале XX в. — этот тип домов совершенно исчезает, уступая место поморскому жилищу-пятистенку, как наиболее удобному.

Пятистенные избы, сруб которых разделен стеной, встречаются в Беломорье часто, их насчитывается около сорока разновидностей. Такое большое количество типов домов объясняется разными потребностями и материальными возможностями отдельных крестьянских семей. Избы имели различные размеры, этажность, планировку, конструкцию и декор.

Традиционный поморский дом-пятистенок состоит из сеней и двух смежных и равных помещений — избы и горницы.

Печь — один из композиционных центров интерьера. Возле печи всегда стоит ушат, над которым висят латунный рукомойник или деревянное ведро с водой. Вдоль стен избы стоят лавки, стол сдвинут в угол к божнице. По диагонали от русской печи, у входной двери расположен хозяйственный кут или конник — ларь, где хранилась упряжь. Изба предназначалась для варки пищи, еды, приема гостей и работы — прядения, починки упряжи и т. д. Стремление изолировать рабочую часть избы привело к установке в ней перегородок. Горница служила спальней, очень часто легкая перегородка делила и ее на две комнаты.

К дому примыкает крытый двор, часть которого отводится для скота. Здесь же во дворе обычно располагается «повить» для хранения сена.

Дома всегда выходили на улицу своей короткой стороной, с тремя или пятью окнами по фасаду и высоким фронтоном. Очень часто они ставились на подклет, а иногда были двухэтажные. Такие пятистенные дома имеются в крупных рыбацких селах Беломорья — Шуерецком, Кушереке и других.

Архитектура Беломорья обладает своим особым колоритом. Она предельно монументальна и сурова, почти аскетична. Эти черты проявляются не только в величавом, единственном в своем роде комплексе Соловецкого монастыря, но и в лаконичном облике жилых крестьянских домов и связанных с ним надворных строений.

ПО РЕКАМ
СВИДИ И ОНЕГЕ

Небольшая железнодорожная станция Няндомы. От нее начинается путь к озеру Лача и к истокам реки Онеги. Дорога идет по живописной холмистой местности. Она то петляет среди густого ельника, то сбегает к маленькому лесному озеру, окруженному молодым березняком, то вдруг открывается солнцу и пересекает зеленую поляну, заросшую высокой травой с огромными ромашками. Четыре часа езды на автобусе — и дорога резко поворачивает. В просветах редяющего кустарника показывается вода — это Онега. Автобус преодолевает последние сыпучие песчаные наносы и вкатывается на твердый береговой грунт. Мост. На другой стороне реки, разливающейся в огромное озеро Лача, на несколько километров тянется зеленая полоса елей и берез. В них прячутся маленькие деревянные домики и низкие каменные постройки, а далее, устремляясь ввысь своими маковицами, куполами, крестами, тянутся церкви, соборы и колокольни. Здесь, вдали от крупных магистралей, затерялся город Каргополь.

Что означает это слово с окончанием, казалось бы, совершенно неуместным в этих далеких от Средиземноморья землях?

Существуют три версии о возникновении названия города. Ни одну из них нельзя считать вполне достоверной за недостатком документальных подтверждений.

Первая основывается на словах карельского происхождения: Каргун — медведь, поули — страна. Каргун-поули — медвежья страна... Искаженное произношение этих слов новгородцами, уже знакомыми с греческими и восточными названиями городов, и дало наименование — Каргополь.

Вторая версия связана с татарским происхождением этого слова. Каргино поле, карга — ворона, воронье поле. По преданию, на этом месте была битва карелов с новгородцами. После битвы здесь долгое время пировало воронье. И до сих пор над каменистым полем, что находится рядом с кладбищем, летают и зловеще каркают стаи черных ворон.

И, наконец, третье предположение: свое название Каргополь получил от новгородцев, которые, по аналогии со вторым названием Новгорода — Гостиполь, называли его

50. Схема расположения памятников в бассейне рек Свида и Онеги

1. Село Астафьево. Никольская церковь. XVII в.;
2. Деревня Сауино. Церковь Иоанна Златоуста. 1655 г.;
3. Каргополь;
4. Село Лядины. Погост;
5. Село Конево. Часовня. XVIII в.;
6. Деревня Аядотчино. Часовня. XIX в.;
7. Село Бережная Дубровка. Церковь. 1678 г.;
8. Турчасово. Погост;
9. Село Вазенцы. Погост;
10. Село Пияла. Погост;
11. Село Чекуево. Погост;
12. Село Подпорожье. Погост.

Каргополь, что значило «лодочная пристань», остановка, пристанище для ладей, шедших к морю Студеному...

Издавна земли Каргопольщины были заселены карелами и пришедшими с северо-востока коми. С XI—XII вв. по системе озер Белое — Воже — Лача сюда начинают проникать новгородцы. На плоскодонных ладьях по реке Онеге они могли свободно добираться до Белого моря и вести торговлю с соседними странами. В северной горловине озера Лача новгородцами было основано поселение — будущий город Каргополь. До 1380 г. он был посадом. Но после битвы с татарами на Куликовском поле за героизм и бесстрашие каргопольской дружины он был назван городом.

В царствование Ивана Грозного Каргополь, как и Новгород, теряет свою самостоятельность и попадает под власть Москвы. Он вошел в число девятнадцати «царских городов», которые платили московскому государству подать. Путь через Онегу в Белое море для русского государства был хотя и длинный, но наряду с Северной Двиной единственной северной дорогой в Европу. При Петре I, проложившем в Европу другой, более короткий путь, Онежская артерия утратила свое значение, а вместе с нею потерял былое значение и город Каргополь.

В 1731 и 1765 гг. город дважды горел, причем во второй раз он почти весь выгорел. Пожар был настолько сильным, «что головни и бревена метало за реку». Многие каменные церкви и соборы «от сильного жара пылавших вокруг них деревянных строений дали глубокие трещины». В XIX в. Каргополь окончательно утратил свое значение и стал затхатым городом Российской империи.

К началу XVIII в. в Каргополе насчитывалось двадцать четыре собора и церкви, из них двадцать деревянных и четыре каменных, и два монастыря.

В настоящее время в городе осталось только девять каменных церквей. Из гражданских сооружений до недавнего времени еще сохранялся Гостиный двор, построенный при Петре I.

Наиболее старая из сохранившихся культовых построек восходит ко времени царствования Ивана IV. Это шести-

столбный собор Рождества Христова, возведенный в 1562 г. Он стоит на берегу озера, почти у самой воды. Пожар 1765 г. нанес собору сильные разрушения. Он потерял кровлю и все главы, а стены дали глубокие трещины. Пять лет здание стояло непокрытым, стены уже начали обрушиваться. Но с 1770 г. собор начали восстанавливать, правда, значительно искажая первоначальный облик.

Рождественский собор — типичное сооружение русского культового каменного зодчества второй половины XVI в. Это было время, когда на смену монументальным формам храмов Владимира и Суздаля приходит торжественная и величественная архитектура, достойная «царственной Москвы и ее самодержцев». Строятся церкви и соборы, в которых зодчие прославляют силу и богатство московских царей.

Первоначально здание Рождественского собора выглядело единым массивным

51. Вид с озера Лача на город Каргополь

Рождественский собор в Каргополе

52. Общий вид

53. Фрагмент галереи

кубом, сложенным из кирпича и белого камня. Стены собора были расчленены лопатками, которые завершались своеобразным скромным кирпичным зубчатым поясом, шедшим по всему периметру здания. Возможно, что выше карниза переход к кровле осуществлялся с помощью характерных для храмов того времени закомар, представляющих собой полуциркульное завершение верхней части стены, обычно соответствующее форме внутреннего свода.

Большие и массивные главы, как хорошо это видно и сейчас, покоились на сравнительно тонких кирпичных барабанах, чрезвычайно просто, но выразительно декорированных. Центральная глава наиболее нарядна. Она имеет под самой луковичей мелкий зубчатый пояс, а ниже — невысокий аркатурный фриз, выложенный из лекального кирпича. Барабаны остальных глав также оформлены пояском, прорезанные же в них окна обрамлены колонками.

Высокие и узкие арочные окна собора совершенно лишены какого-либо декора. Они размещены в два ряда и посажены в глубокие ниши.

В XVII в. к Рождественскому собору был пристроен многообъемный северный придел с двухсходным крыльцом и галереей. Придел этот был посвящен святым Алексею и Филиппу. Предполагают, что его построили в память пребывания в соборе мощей митрополита Филиппа, которые в 1652 г. патриарх Никон вез из Соловецкого монастыря в Москву.

Видимо, к этому же времени относится и изменение входа в собор, а также присоединение к нему галереи. В декоративном убранстве галереи появляются очень нарядные тяги и наличники, выполненные из местного белого камня, а также целые широкие пояса из «перспективных» квадратов, «отбивающих» на стене галереи высоту подоконников. Подобные элементы убранства в изобилии встречаются в XVII в. и в Ростовском кремле и в сооружениях Михайло-Архангельского монастыря в Великом Устюге.

Как уже упоминалось выше, во время пожара на стенах собора появились трещины. Для укрепления их были

54. Воскресенская церковь
в Каргополе

поставлены контрфорсы. Дата их установки вызывает споры среди специалистов. Но по хранящимся в архиве документам можно установить, что построены они были в период, когда велись основные восстановительные работы (1770—1780 гг.).

К Рождественскому собору композиционно очень близка пятиглавая Воскресенская церковь, возведенная уже в XVII в. Объем церкви, несколько более компактный, также расчленен вертикально простыми широкими низкорельефными лопатками — западный и восточный на три части, южный и северный на четыре. Стены завершены мощными законами.

Декоративное убранство стен здесь значительно богаче. Местные зодчие, не перегружая массива храма, с удивительным чутьем и тонкостью одели орнаментом наличники окон, плоские пояса карнизов и аркатурные фризы барабанов.

Стремление к нарядности в архитектуре XVII в., уже проявившееся в Рождественском соборе, в полную силу дало о себе

знать в Благовещенской церкви. Она, как говорится в клировых ведомостях, была построена «тщанием прихожан» на месте сгоревшей деревянной церкви 1542 г. Строилась Благовещенская церковь десять лет — с 1682 по 1692 год. В плане здание почти квадратное, все четыре фасада имеют трехчастное вертикальное членение. Плоскости стены между пилястрами прорезаны разными по форме и величине оконными и дверными проемами. Они обрамлены строгим, удивительно разнообразным по рисунку рельефным орнаментом, вырезанным из белого камня. Каждое окно, каждая дверь восхищают поистине бисерным узором. При всей своей рельефности они не нарушают плоскостности стен. Благовещенская церковь поражает каждого, кто видит ее впервые. И. Э. Грабарь писал, что южная часть Благовещенской церкви «может соперничать с дворцами раннего флорентийского Возрождения по изысканности пропорций и вкусу, с которым разбросаны по ней узорчатые

55. Воскресенская церковь. Апсиды

Благовещенская церковь
в Каргополе

56. Общий вид

57. Апсиды

58. Окно апсиды

Благовещенская церковь
59. Фрагмент северного
фасада

60. Окна первого этажа
северного фасада

пятна окон; восточная стена с тремя алтарными полукружьями является шедевром стенной обработки вообще...»

К этому времени относится и еще одно сооружение Каргополя — церковь Рождества богородицы, стоящая напротив Благовещенской. Она была построена в 1680 г. Церковь несколько беспокойна по силуэту. Она, по существу, состоит из нескольких объемов: сени со звонницей над ними, трапезная, собственно храм с алтарной апсидой и два придела, тоже с апсидами. Такая многообъемность лишила здание строгости, ясности и выразительности, характерных для предыдущих сооружений. Но все же церковь обращает на себя внимание декоративными деталями — перспективными порталами, наличниками, орнаментами карнизов.

Среди более поздних культовых сооружений необходимо отметить церковь Иоанна Предтечи (1751 г.), Введенскую церковь начала XIX в. и колокольню, построенную в честь предполагавшегося приезда Екатерины II в Каргополь. Любопытно, что крест на этой колокольне ориентирован не как обычно на восток, а повернут к Петербургскому тракту, откуда должна была приехать императрица.

Познакомившись с памятниками каменного зодчества Каргополя,

сядем на катер и отправимся в южном направлении. Пересечем озеро Лача и поднимемся вверх по реке Свиди, почти до самого озера Воже, откуда и начинался в древние времена путь в «море Студеное».

Свидь — река не широкая, но очень извилистая, необычайно тихая и малосудоходная. На ней даже нет привычных речных знаков — вех или бакенов. В низовьях берега ее отлогие, дома редких прибрежных деревень здесь стоят почти вровень с водой. По мере того как поднимаешься вверх по течению, берега становятся более высокими и обрывистыми. В деревнях Хотеново, Мальшинское, Бор, Горка и в прилегающем к Свиди районе основная застройка идет вдоль реки или озера, на них и ориентированы главные фасады домов. Избы здесь располагаются на возвышенном берегу; у самой воды находятся бани и сараи.

Основной тип крестьянского жилья в бассейне Свиди — изба-четырёхстенка. Чаще всего она квадратная в плане и стоит на подклете. Внутреннее пространство избы представляет единый объем, не расчлененный перегородками. Значительную площадь избы занимает русская печь, размером 2,5—3 квадратных метра. Около печи обычно устраивался дощатый короб, закрывающий лестницу, ведущую в подполье, — это так называемый голбец. Стоит печь всегда на бревенчатом помосте — опечке, передняя стенка которого украшалась либо росписью, либо резным орнаментом, либо обшивалась филленчатыми щитами. Верхний конец припечной доски часто украшался причудливой резьбой. По сторонам избы размещались широкие лавки, врубленные в стены. В переднем углу обычно располагался стол и над ним иконы.

Примыкающий к сениям двор находится под одной крышей с избой. Он обычно двухэтажный, в первом этаже содержался скот, второй этаж, на который вел бревенчатый помост — «взвоз», отводился для хранения сена.

В жилом зодчестве северных районов в конце XVIII — начале XIX в. наблюдается тенденция к выделению кухни из общего помещения избы. В Вологодской области такое разделение было осуществлено лишь частично, то есть отгораживалось перегородкой или просто занавеской

только место перед устьем печи, где обычно хлопотала хозяйка. На реке же Свиди и южнее, в районе Каргополя, помещение избы делилось почти пополам. Такие дома можно видеть в деревне Сельцо и в деревне Сварозеро. В них жилая половина со столом, кроватями и лавками, где хозяева принимали гостей и работали, отделялась от кухонной двумя рядами шкафчиков. Каждое из помещений имело по два окна, выходящих на главный фасад.

Окна на фасаде размещались очень редко. Они имели почти всегда тонко профилированные наличники, иногда (например, в доме А. С. Воронина, деревня Село) с резными филленчатыми ставнями, и были единственным декоративным элементом на бревенчатой поверхности стены.

Довольно часто в селениях на Свиди можно видеть и двухэтажные четырехстенные избы. Оба этажа — жилые и по планировке точно повторяются. Примером могут служить дома первого порядка деревни Бор, стоящие на возвышенном левом берегу. Такие жилища строили наиболее зажиточные крестьяне.

61. Деревня Бор. Жилые дома

Из культовых сооружений на реке Свиди находятся малоинтересные небольшие каменные церкви, относящиеся ко второй половине XIX в., а из старых, деревянных, сохранилась только одна — Никольская церковь XVII в. в селе Астафьево. Расположена она на холме в 25—30 метрах от берега, в конце села и представляет собой простейший тип восьмериковых шатровых церквей. Такие постройки встречаются в Северодвинском бассейне, например Владимирская церковь в Белой Слуде или Георгиевская — в Верхней Тойме. Но в отличие от них, Никольская церковь имеет только один прируб — алтарный, а вместо западного пристроено прямоугольное в плане низкое помещение трапезной с внутренней лестницей. Существует предположение, что первоначально в храме был и западный прируб, но при перестройке в конце XVIII — середине XIX в. он был заменен трапезной.

Никольская церковь, помимо основного шатра на восьмерике, имела еще один шатер — маленький на бочке алтарного прируба. Он был возведен над небольшим восьмериком, покоящимся в свою очередь на низком четверике, сопряженном с килем бочки. (Этот шатер не сохранился.) В 1858 г. здание было обшито тесом.

Памятник этот обращает на себя внимание издали, благодаря удачному расположению у поворота реки, на фоне зеленых холмов. Вместе с жилыми домами и рядами бань, амбаров и хозяйственных построек он составляет весьма живописную и характерную для северной деревни картину.

Но повернем к северу. Снова пересечем мелеющее, заросшее камышом озеро Лача и пришвартуемся опять к каргопольской пристани. В Каргополе мы уже задерживаться не станем, нам предстоит здесь только пересечь на автомашину и далее путешествовать по дорогам, ибо река Онега от Каргополя до Ярнемы не судоходна: обилие порогов и перекатов не дает возможности пройти по реке даже самым маленьким судам.

По пути к Коневу, в шести километрах от Каргополя, в открытом поле среди буйного разнотравья расположена небольшая деревня Саунино. В центре ее возвышается Златоустовская церковь, построенная в 1655 г.,

62. Никольская церковь в селе Астафьево

а чуть в стороне — шатровая колокольня. Весь комплекс окружен низкой оградой из крупных валунов. Церковь представляет собой обычный тип храма восьмерик на четверике с простой и традиционной планировкой: двухвходное крыльцо, в настоящее время не существующее, сени, обширная трапезная, квадратное главное помещение и близкий по очертаниям к квадрату алтарный прируб.

Однако постройка имеет некоторую особенность — композиция ее асимметрична. Ось трапезной, сеней и крыльца несколько сдвинута с оси собственно церкви в южную сторону, так, что северная стена до алтарного прируба составляет единую плоскость. Сдвиг подчеркивается главкой на четверике, расположенной над выступающим приделом трапезной. Такая асимметричность придает формам

здания пластичность и вместе с тем не нарушает общей уравновешенности объемов.

Златоустовская церковь стоит на высоком подклете из кондовых бревен, двенадцатиметровый шатер рублен «в реж». Главное помещение церкви под шатром покрыто «небом», на двенадцати косяках которого изображены апостолы, а в центральном кольце — поясное изображение Христа. Балки, образующие треугольники косяков, расписаны растительным орнаментом. В трапезной два резных столба поддерживают главную балку. Они обработаны дыньками и жгутами; столб, примыкающий к южной стене, значительно толще соседнего.

Со стороны южного фасада расположена низкая, редко встречающаяся в архитектуре Севера шестигранная колокольня. Шатер ее опирается на шесть столбов по углам сруба и на центральный, идущий до креста. Шатер колокольни в отличие от церкви — стропильный.

Одним из самых интересных в архитектурном отношении мест по среднему течению реки Онеги является территория, расположенная от поселка Конево на запад. Это район высоких лесистых холмов, трясиных болот и многочисленных озер, соединенных между собой мелкими речушками, протоками и ручьями. В древние времена, как утверждают многие исследователи Севера, этот край был весьма оживленным. Через него проходил один из главных торговых путей, связывающих Новгород Великий с рекой Онегой. Как записано в «Писцовой книге Обонежской пятины», этим путем новгородцы пользовались почти до XVII в. Тщательно изучив старые карты и документы, ученые пришли к выводу, что западный водный путь из Новгорода шел через реку Волхов и Ладожское озеро, откуда через Свирь в Онежское озеро и далее по рекам Водла и Черева, через Кенорецкий волок, озеро Волоцкое, реку Волошку, Почозеро, реку Поча, Кенозеро, по реке Кене в Онегу.

Вместе с торговым людом в район западнее реки Онеги проникали и здесь оседали знаменитые новгородские мастеровые «по плотницкой части».

XVII и первая половина XVIII в. — время расцвета деревянного зодчества Прионежья. До наших дней здесь сохра-

нились памятники деревянной архитектуры. На восточном берегу тихого Почозера, в деревне Филипповская, находится малоизвестный церковный комплекс. Он включает две церкви — шатровую и боченную, колокольню и рубленую ограду, от которой остались только нижние венцы. Ансамбль этот еще мало изучен и требует всестороннего исследования.

В окрестностях встречаются маленькие часовни. Они состоят из простейшей клетки, покрытой на два ската, и очень близки к гражданским постройкам, особенно хозяйственным. Такие часовни отличаются от обычных амбаров только тем, что на кровле имеют маленький барабанчик с главкой и крестом. Одну из них можно видеть вблизи деревни Филипповская, при въезде на мост, вторую — там же, недалеко от старого, заросшего вековыми елями, кладбища. В самом кладбище обращает на себя внимание невысокая рубленая ограда с двумя простыми входами, завершенными четырехгранными шатрами.

В этих местах немало старых мостов. Особенно выделяются два моста через реку Кену. Один из них длиной в 126 метров находится в деревне Кенорецкой-Измайловской, другой, протяженностью 92 метра — у деревни Овчин конец (Федоровская). Они построены в XVIII в. и, очевидно, повторяют ранние сооружения новгородцев. Конструкция их очень проста, но несколько отличается от мостов через Свидь и ее притоки. Быки — «городни» срублены из бруса и заполнены валунами. Поверх «городней» уложены прогоны из толстых бревен и поперек их настилен сплошной накат, образующий проезжую часть.

Особенно Онежский край славен своими кубоватыми церквями. Они встречаются с самым разным количеством глав — одной, пятью, девятью. Эти храмы, построенные в XVII в., являют собой прекраснейшие образцы декоративного стиля, характерного для архитектуры Московской Руси этого времени. Четырехгранное покрытие со сказочно пышным многоглавием, безусловно, не могло не поразить зрителя и не навести его на мысль о богатстве, силе и могуществе того, по чьему повелению строились такого рода сооружения.

Одна из таких церквей находится в деревне Бережная Дуброва. Чтобы ее увидеть, необходимо переехать на левый берег Онеги, в деревню Авдотьино. Оттуда по тропинке, идущей вдоль берега среди густой сочной травы и белой пушистой таволги, направимся к цели. Мощный четверик, завершенный кубом и небольшими главками, виден издали, за несколько километров. После часа с небольшим пути приближаемся к окраине деревни Бережная Дуброва, где за косым плетнем кладбища на фоне зелени берез стоит «кубоватый» великан. Церковь была освящена в 1678 г. Главный четырехстенный сруб ее имеет сильно нависающие повалы и покрыт кубом, на котором поставлены, ориентированные по странам света, бочки. На коньке каждой из них — маленькая чешуйчатая главка. Алтарный прируб увенчивается огромной бочкой, которая некогда несла на тонкой ножке главку. Кроме того, луковички имеются по углам куба и в центре. Все десять глав,

венчающие церковь, придают ей торжественность, монументальность и выделяют из общего силуэта «плоской» соседней застройки.

Церковь в Бережной Дуброве сильно искажена позднейшими пристройками с западной стороны. Здание обшито тесом и окрашено. На карнизе повалов имеется надпись: «Сей... храм обшит тесом и выкрашен, а внутри украшен иконостасом в лето 1882 г. от благодарных к памяти своим предкам и славе имени бережно-дубровенских прихожан усердием своим и средствами в память 200-летнего юбилея храма...»

Познакомившись со столь редко встречающейся композицией многоглавого куба в Бережной Дуброве, вернемся в Коневе, поселок, растянувшийся вдоль реки на многие километры. Здесь нельзя не заметить чрезвычайно живописную клетскую часовню. Она относится к XVIII в. и состоит из двух частей — основного квадратного сруба и притвора с ажурной колоколенкой на шести резных столбах, возможно, некогда имевшей небольшой шатер. У сруба глав-

64. Церковь в деревне Бережная Дуброва

ного помещения — небольшие повалы, обусловившие перегибы высокой двухскатной крыши, покрытой тесом. На конек кровли посажен крошечный четверик, несущий луковку с тонким высоким крестом. Часовня обшита тесом и сохраняет след поздней яркой окраски (киноварные пояса карниза, зеленая главка).

Часовни, как тип простейшего храма, характерны не только для района Онеги, но и для многих других селений Севера. Как уже говорилось раньше, в основе их лежит конструкция, близкая к гражданским постройкам.

Чтобы акцентировать внимание на часовне, выделить ее из рядовой жилой застройки, усложняется силуэт сооружения. Помимо главы с крестом, появляются полицы и повалы, повышается кровля, а начиная с XVIII в. над западным притвором устраиваются невысокие колоколенки, как на часовнях в Коневе и Авдотьино.

От Конева предстоит долгий и не очень легкий путь до судоходной части Онеги, до Ярнемы. По пути до железнодорожной станции Плесецкая довольно часто попадают ча-

65. Часовня в селе Коневе

совни и очень простые, состоящие из одного только сруба, и более сложные, как Коневская. В хорошей сохранности клетская часовня в селе Карельское, вероятно, относящаяся к концу XVIII — началу XIX в.

От станции Плесецкая едем тридцать километров поездом до Шелексы. Дальше, на машине леспромхоза, а потом пешком густыми хвойными лесами и болотами, по едва заметной проселочной дороге, через высокий перевал Толвуй, с которого хорошо видна бурлящая в теснине Онега, добираемся до деревни Кирилловская. А отсюда остается лишь двадцать километров до Ярнемы. Это расстояние можно преодолеть либо пешком через лес по берегу, либо опытный старожил на лодке доставит вас через «кипящие» пороги Рыбий и Гусев.

Ярнема — небольшой районный центр с монотонно растянувшимися вдоль реки на два-три километра четырехстенными избами. Отсюда уже можно ехать рейсовым пароходом почти до устья. Эта часть Онеги особенно богата памятниками деревянного зодчества.

В пятнадцати километрах от Ярнемы на зеленом холме стоит древний погост Турчасово, откуда открывается чудесный вид на долину Онеги и бескрайние поля. Не случайно на этом холме возник погост. Вероятно, еще в далекие времена новгородцы, прокладывая путь к океану, по достоинству оценили это место, удобное для устройства крепости, могущей охранять плывущие по реке струги и ладьи с товарами. О существовании тут в прошлом крепостных сооружений напоминает само название погоста — Турчасово. Турчас в переводе со славянского означает — дозорная башня.

Древнее селение Турчасово включало небольшое число построек, в том числе и храмы, которые как бы господствовали над окружающей местностью. За пределами городища располагались жилые дома.

Современная планировка Турчасова очень проста. Село двумя рядами изб симметрично располагается по обеим сторонам церковного комплекса.

Основной тип здешнего крестьянского дома — изба-четырёхстенка на высоком подклете с обширным двухэтажным

66. Село Турчасово. Погост

двором. Сзади ее помещались огражденные «взвозы» с гранеными столбами. Главные фасады домов обращены в сторону реки. Дома по облику суровы и аскетичны. Некоторое оживление в застройку вносят косые плетни, отделяющие деревню от пойменных земель.

Однако известность Турчасову создали не жилые постройки, а церковный ансамбль. За время своего существования он неоднократно менялся. Появлялись, перестраивались и исчезали церкви и колокольни. Простейшие двухскатные здания заменили шатровые, затем пришли кубоватые одноглавые и многоглавые сооружения.

Еще до 1964 г. Турчасовский церковный ансамбль включал в себя церковь Благовещения (1795 г.), Преображенскую (1781 г.) и колокольню (1793 г.). Пожар, возникший от удара молнии в 1964 г., уничтожил лучшую из этих церквей — Благовещенскую.

Исчезновение этого сооружения в корне изменило весь композиционный строй древнего селения.

Благовещенская церковь являлась, пожалуй, единственным известным нам памятником народной деревянной архитектуры, который имел чертежи. Они были приложены к указу о строительстве. Поэтому, несмотря на то что постройка уже не существует, ей необходимо уделить некоторое внимание.

План храма был не совсем обычен. Здание как бы делилось на две части: собственно церковь с алтарным прирубом и шестистолбную трапезную с двумя алтарными приделами по углам восточной стороны и сенями, имевшими два входа: южный и северный. Обе части соединялись между собой переходом, который с северной стороны тоже имел прируб с консольной лестницей. Таким образом, в главную церковь можно было попасть или через большую трапезную, или минуя ее, через северный прируб.

Своеобразно и объемное решение церкви. В ней все подчинено единому движению,

Село Турчасово

67. Благовещенская и
Преображенская церкви

68. Колокольня

69. Преображенская церковь. Главы

устремленному ввысь. Оно начинается медленно, с почти статичного объема низкой трапезной, перекрытой на два ската. Два возвышающихся кубических придела, завершенных кубами со стройными барабанчиками главок, усиливают плавный переход от трапезной к стройному шатру, который как бы вдруг с силой вырвался вверх, подняв массивную луковцу с тонким крестом.

Существующая и поныне Преображенская церковь вносит совершенно иной характер. Она имеет ярко выраженную центрическую композицию. Однако то неторопливое движение форм, которое ощущалось в Благовещенской церкви, можно наблюдать и здесь. Четыре одинаковых прируба, покрытые довольно крутыми упругими бочками, как бы поддерживают вытянутый вверх узкий параллелепипед главного объема церкви. Причем движение вверх здесь подчеркивается и собранностью главок, завершающих куб, их достаточно высокими шейками и киллями бочек, образующих переход от прирубов к основному объему.

Весьма любопытная деталь церкви, очень редко встречающаяся в деревянной архитектуре, — трехлопастная бочка, которая увенчивает пятистенный алтарный прируб.

70. Благовещенская церковь. Трапезная

В 1869 г. Преображенская церковь перестраивалась и была сильно искажена обшивкой, расширением окон и т. д.

Последнее сооружение турчасовского ансамбля — колокольня XVIII в. «Высота ее 22 сажени. . . Колоколов — семь и самый большой из них весил восемьдесят семь пудов». Постройка отличается простотой композиции: на четверике помещается низкий восьмерик, на котором возвышается арочная галерея звона. Завершается колокольня куполом со шпилем.

Турчасовский ансамбль архитектурно объединен с жилой застройкой села. Этому способствовало, как пишет исследователь русского северного жилища П. В. Маковецкий, и «наличие одного и того же материала, одной и той же техники его обработки, общего модуля и ритма горизонтальных венцов многочисленных срубов. Ритмическое движение нарастало последовательно, с определенными интервалами и акцентами, от эпически спокойных горизонтальных изб и трапезной церкви (Благовещенской) к вертикальным объемам приделов, к необычной кубоватой форме их кровли, от медленного ритма редко расположенных жилых построек к стремительному разбегу криволинейных очертаний главок, в игре резной чешуи утопающих в безграничном просторе голубого неба. Это движение с новой силой подхватывалось резко сокращающимся кверху шатром центрального столпа и повторялось в мощном аккорде архитектурных форм второй, девятиглавой церкви. Так от прочно стоящих на земле бревенчатых срубов к изысканному легкому силуэту венчающей части здания развивалась эта композиция, вызывающая чувство глубокого эстетического удовлетворения у зрителя».

Километрах в двадцати пяти — тридцати ниже по Онеге находится церковный комплекс Вазенцкого погоста, который по композиции и формам в значительной мере сходен с турчасовским ансамблем. Расположенный в центре деревни, погост включал три постройки: две церкви — куповатую и шатровую и отдельно стоящую колокольню. Центральное место в ансамбле занимает колокольня, стоящая очень близко к реке, на низких ровных берегах которой

расстилаются заливные луга. С одной стороны это сооружение выполняло роль дозорной башни, с другой — создавало вертикальный акцент, нарушая монотонность окружающего пейзажа. Колокольня была построена приблизительно в 1860—1865 гг., но по своему типу она восходит к XVIII в., целиком повторяя турчасовскую.

Самое высокое сооружение ансамбля — Ильинская церковь, воздвигнутая в 1786 г. на месте старой, снесенной за ветхостью.

Церковь выходит на реку широким двухсклонным крыльцом. Верхняя лестничная площадка — рундук поднята высоко над землей и покоится на выпущенных из сруба бревнах. Тесовая кровля крыльца поддерживается стройными резными столбиками, придающими ему легкость.

Распределение масс здания Ильинской церкви близко по характеру к Благовещенской церкви в Турчасово.

Обращает на себя внимание алтарный прируб, увенчанный чрезвычайно редко встречающейся причудливой трехчастной бочкой.

Внутреннее убранство храма не сохранилось. В 1899 г. Ильинская церковь реставрировалась. Были сделаны каменные фундаменты, обшиты тесом углы храма и обновлена крыша.

Другая церковь в Вазенцах, построенная в начале XIX в., представляет собой четверик, крытый кубом с пятью главами. С запада пристроена трапезная с крыльцом. Здание сильно искажено позднейшими перестройками.

Церковный комплекс погоста в Пияла мало чем отличается от двух предыдущих. Он также размещен среди жилых домов, амбаров, бань и мельниц, которые активно участвуют в создании силуэта архитектурного ансамбля.

Погост в Пияла, так же как и Турчасовский, видимо, возник в период освоения «людом новгородским» новых земель Прионежья и Поморья.

Еще до недавнего времени в центре села стояло три сооружения: пятиглавая, покрытая кубом, церковь Климента (1685 г.); шатровая Вознесенская церковь (1651 г.)

71. Погост Вазенцы

и колокольня (1700 г.). Сейчас здесь осталась только одна Вознесенская церковь. Это — крещатое в плане сооружение. Четыре прируба по сторонам центрального объема обеспечивают устойчивость высоким стенам четверика, подобно контрфорсам. Переход от боковых прирубов к центральному четверику, а от него к шатру в Вознесенской церкви осуществляется тремя последовательно повышающимися бочечными ярусами. Кили бочек второго яруса увенчаны луковками на очень тонких ножках. Такое ступенчатое нарастание объемов составляет основу композиции здания. Подобный пластический прием позже с еще большей силой и выразительностью повторится в Успенской церкви в Варзуге. В Вознесенской церкви вторая и особенно третья бочки каждого прируба — мелкие и узкие, благодаря чему четверик главного объема остается открытым. В Варзуге же бочки имеют большую ширину и почти закрывают четверик, создавая более логичный переход к вертикали шатра.

В 1882 г. Вознесенская церковь была капитально отремонтирована и обшита тесом. Тогда же были расширены окна и сделаны железные кровли, обезобразившие ее внешний вид.

До сравнительно недавнего времени в бассейне реки Онеги, от озера Лача до самой Онежской губы, стояло очень много мельниц-столбовок. Одну из них и сейчас можно увидеть на берегу реки в селе Пияла. Она невысока. В основе ее — восемь наклоненных к центру столбов. На них вращается четырехугольный сруб мельничного амбара, сбоку которого на выпусках устроен балкон с висячей лестницей. Сруб покрыт на два ската. В заднюю стену его врублены три бревна — «воротила», с помощью которых направляются крылья мельницы «на ветер». Такой тип мельниц на стойках распространен только в районе реки Онеги.

Чем ближе к Белому морю, тем все чаще встречаются кубоватые церкви с каноническим пятиглавием на главном объеме и почти совершенно исчезают церкви шатровые. Так, в селе Чекуево, там где Онега разветвляется на два рукава, вместо шатровых церквей, характерных для онежских погостов, были поставлены две кубоватые церкви (1675 и 1687 гг.). Из них сохранилась только одна — Преображенская церковь, причем кубоватое покрытие ее утрачено. Это характерное для XVII в. сооружение, необычайно красивое по силуэту, требует реставрации.

Далее, при слиянии рек Онеги, Малой Онеги и Кожа, стоит кубоватая Климентовская церковь, построенная в 1695 г. В самом устье Онеги, недалеко от впадения ее в Белое море, в селе Подпорожье, были возведены две кубоватые церкви — Владимирская и Троицкая. Необычна по сочетанию объемов Троицкая, сооруженная в 1725—1727 гг. Она состоит из трех четвериков. Два из них, к которым примыкает трапезная, имеют покрытие в виде одноглавых кубов, третий, более высокий, завершен пятиглавой кубоватой кровлей. Над главным алтарным прирубом возвышается большая бочка с резным гребнем на коньке и маленькой главкой. Все главы у основания украшены плоскими кокошниками.

Кубоватое покрытие не было вызвано к жизни решением каких-либо конструктивных задач, — оно выполняло только декоративную роль, усиливая впечатление нарядности и великолепия построек.

Наличие большого количества кубоватых церквей в низовьях реки Онеги и ее притоков, а также вдоль южного берега Белого моря не случайно. Оно объясняется близостью таких больших монастырей, как Соловецкий и Крестный на Кий-острове. В этих монастырях и землях, им принадлежащих, раньше всего начали проводиться в жизнь принципы новой церковной политики и те требования, которые предъявлял патриарх Никон к архитектуре церковных сооружений: «Церковь строить по правилам святых апостол и святых отец, чтобы была о пяти верхах, а не шатром». Естественно, что поблизости мест, часто посещаемых официальными церковными лицами, в том числе и самим Никоном, шатровые здания «в чистом виде» оставаться не могли. Зодчие изошлись в попытках обойти запрет. Чтобы создать видимость пятиглавия, центральный шатер окружался четырьмя прирубам, завершенными главками. Так было в Вознесенской церкви в селе Пияла. Но наибольшее распространение, не вызывая большого протеста со стороны церковных властей, имели кубоватые покрытия. Они хотя и уступали шатру по своим живописным качествам, по силуэту, но были ближе к старому традиционному русскому зодчеству, чем любая другая форма кровли.

Район Свиدي и Онеги славится не только кубоватыми церквами. Здесь находится единственный в своем роде монументальный памятник — Каргополь. Не меньшую ценность представляют и сохранившиеся почти в нетронутом виде многие сооружения гражданского зодчества, целые посады, села, дающие возможность представить себе жизнь прежних обитателей этих мест.

ПО ВОЛОГОДСКОЙ
З Е М Л Е
И НИЗОВЬЯМ
В Ы Ч Е Г Д Ы

Район Вологды и земли по Сухоне, Малой Северной Двине и Вычегде — один из основных очагов распространения северного зодчества. Прежде всего обратимся к Вологде.

Вологду называют нередко воротами севера. И это справедливо. Город расположен на водоразделе бассейна Волги — с одной стороны и системы северных рек и озер — с другой. Южнее Вологды, в каких-нибудь двухстах километрах, — города, тяготеющие к Москве, — Ярославль, Кострома, севернее — необозримые просторы и прямая дорога на Архангельск.

По сведениям летописей, Вологда существовала уже в XII в. До конца XIV столетия эти земли принадлежали новгородцам. В 1482 г. Вологда вошла в состав московского государства. Исторические судьбы Москвы и Вологды сливаются воедино. С установлением торговых связей Москвы с Западной Европой через Белое море Вологда становится важнейшим транзитным пунктом.

Особое значение придавал Вологде Иван IV. Он неоднократно посещал город и подолгу тут жил. По приказу Грозного в самом городе развернулись работы по соединению мелких речек с рекой Вологодой. Царем было сделано многое для укрепления и украшения Вологды. До этого времени Вологда представляла собой почти исключительно деревянный город. Именно Иван IV, как говорится в летописи, «заложил город Вологду камен, и повеле рвы копати и подошву бити и городовое здание...» Начало строительства монументальных каменных сооружений относится к 1565—1567 гг. Тогда же были заложены городские стены, не сохранившиеся до настоящего времени.

До нас дошло единственное крупное монументальное сооружение времени Ивана IV, центральный памятник старой Вологды — Софийский собор. Он построен в 1568—1570 гг. При возведении собора были использованы материалы, предназначенные для строительства городских стен и других зданий. В начале XVII в. — в Смутное время собор был разграблен и горел, после чего его восстановили. Несмотря на многочисленные более поздние

1. Ферапонтов монастырь; 2. Село Поча. Георгиевская церковь. 1700 г.;
3. Троице-Гледенский монастырь; 4. Село Усть-Печенга. Покровская
церковь. XVIII в.

«поновления», Софийский собор в нынешнем его состоянии близок к первоначальному облику. Внутри собор был расписан ярославскими мастерами во главе с Дмитрием Плехановым. Работа была начата в 1686 г. и продолжалась около двух лет.

Софийский собор в Вологде — замечательный памятник русской архитектуры. Это один из тех больших храмов, которые были построены в XVI в. в ряде городов и монастырей под сильным влиянием архитектуры Успенского собора Московского Кремля. Однако в здании Софийского собора ощущается связь не только с московской архитектурой второй половины XV в., но и с более ранней новгородской — прежде всего в пластике его внешних объемов. Сооружение поражает суровой патетичностью своего облика. Оно отличается удивительной цельностью объемного решения и лаконичностью силуэта.

Софийский собор имеет призматическую, близкую к кубу форму, три апсиды и пять куполов с очень большими — «сочными» луковичами. Трехчастное внутреннее деление собора выявлено на фасадах лопатками и закомарами.

Колокольня Софийского собора расположена изолированно, к юго-западу от него. Она была возведена в 1654—1659 гг. на месте деревянной постройки восьмиугольной формы, покрытой шатром. Верхняя часть колокольни, в которую введены элементы псевдоготики, сооружена во второй половине XIX в.

По сведениям, относящимся к первой половине XVII в., кроме Софийского собора в Вологде была еще каменная «палата» и городская кремлевская стена — частично каменная, частично деревянная с одиннадцатью каменными башнями и двадцатью одной деревянной. Очертания ее представляли собой неправильный четырехугольник. Вдоль северной стороны протекала река Вологда. Снаружи стены проходил ров. Почти все остальные строения в городе оставались деревянными.

Вологодский кремль, существующий в настоящее время, опоясан массивными стенами с башнями и бойницами, сооруженными уже в 1671—1676 гг. Внутри кремля находится архиерейский двор, куда выходит «экономский корпус» — массивное двухэтажное здание (1659 г.) с глубоко посаженными арочными окнами и «святительские», или архиерейские палаты (возведены в 1667—1670 гг. и перестроены в 1764—1769 гг.), имеющие барочный облик, с богатой архитектурной отделкой и росписью «в шашку». Постройки эти окрашены в красный цвет, а детали побелены. Это придает им особую декоративность.

На архиерейском дворе существуют и другие сооружения, в том числе Крестовая церковь с примыкающей к ней двухэтажной галереей и Воздвиженская надвратная церковь. Обе относятся к XVII в.

Вологодский кремль — это сложный архитектурный комплекс XVII—XIX вв., лишенный стилистического единства, но образующий необычайно живописное целое. Следует отметить, что территория его невелика, здания стоят очень

компактно, что придает кремлевскому ансамблю еще большую выразительность и своеобразие.

Другим равным по значению историко-архитектурным комплексом является известный Спасо-Прилуцкий монастырь, примыкающий к Вологде. Основанный во второй половине XIV в., он был одним из самых больших русских северных монастырей. Название его связано с тем, что он расположен на луке, образуемой рекой Вологодой.

Монастырь окружен высокой массивной стеной с четырьмя большими круглыми и пятью прямоугольными башнями, несколько меньших размеров. Стена построена в 1656 г.

Монастырь включает ряд замечательных памятников архитектуры XVI—XVIII вв. В настоящее время в Прилуках ведутся большие реставрационные работы. Некоторым древним сооружениям уже возвращен их первоначальный облик, до этого искаженный позднейшими поновлениями и перестройками.

В центре монастыря — большой пятикупольный Спасский собор, воздвигнутый в 1537—1542 гг. Этому сооружению свойственна монументальность и простота форм. Архитектурная отделка фасадов ограничена профилированными закомарами, широкими лопатками и орнаментальной кладкой из кирпича. В этом сооружении, как и в Софийском соборе в Вологде, ощущается несомненная связь с новгородскими строительными традициями.

Другой заслуживающий внимания памятник Прилуцкого монастыря — «Святые ворота» с надвратной двухстолбной церковью Вознесения конца XVI в. Большой интерес представляет недавно реставрированная белая палата монастыря.

Прилуцкий монастырь оставляет очень сильное впечатление цельностью, собранностью всего архитектурного комплекса, пластической выразительностью составляющих его очень типичных и по художественному качеству несомненно первоклассных сооружений. Уже подъезжая к Прилукам, издали воспринимая ансамбль в целом, любишь силуэтом многочисленных церквей, колоколен и оборонительных башен монастыря.

74. Спасо-Прилуцкий монастырь

Напомним, что во время Отечественной войны 1812 г. в Прилуцком монастыре хранились ценности, вывезенные из московских монастырей и соборов перед вторжением в столицу французских войск. Но вернемся в Вологду.

В городе немало и других ценных памятников архитектуры. Несколько церквей принадлежат XVII в., но большая их часть относится к XVIII столетию и даже еще более позднему времени. Наиболее старые церкви в некоторой мере близки к единственному крупному вологодскому храму XVI столетия — Софийскому собору. Это церкви — Иоанна Предтечи в Дюдиковой пустыне (1653 г.), Духовская в Духовом монастыре (1654 г.), Успенская Девичьего монастыря (1660 г.) и другие. Все они небольших размеров, имеют кубическую форму, пять глав на четы-

рехскатной крыше и арочки-закомары, отрезанные карнизом от основной части стен.

В XVIII в. размеры церквей уменьшаются, композиционно они становятся более разнообразными, но многие, особенно относящиеся к первой половине столетия, решаются всецело в традициях предшествующего века.

Типична Сретенская церковь на берегу реки Вологды (1731 г.). Это небольшое сооружение кубической формы, увенчанное пятью главами, с трапезной и связанной с ней колокольней. На ее фасадах уже нет арок, вместо них введен карниз с фигурной кладкой из кирпича. Тот же мотив использован на барабанах главок, на фасаде трапезной и на трехъярусной колокольне. Характерны богатые наличники окон, сочетающие мотивы зодчества XVII в. с новыми формами, пришедшими в русскую архитектуру в Петровское время. Ниже карниза и в других местах помещены вставки из зеленоватых изразцов — деталь, весьма характерная для вологодских церквей этого времени.

В архитектурных формах второй половины XVIII в. построен Воскресенский собор, находящийся около кремля (1772—1776 гг.). Сооружение имеет два этажа. Своеобразие собору придает большой пологий купол и четыре башнеобразных главы по сторонам его. Усложненный план храма определил богатую пластику его фасадов. Многие архитектурные детали носят сугубо барочный характер. Сейчас в соборе разместились Вологодская картинная галерея.

Зодчество Вологды XVI—XVIII вв. — яркая страница в истории русской архитектуры. Город имел свои четко выраженные архитектурные традиции, оказавшие определяющее влияние на строительство в других близлежащих городах и районах.

Много известных архитектурных памятников сосредоточено к северо-западу от Вологды, в районе Кубенского, Сиверского и Белого озер. Крупнейшим комплексом, здесь находящимся, является прославленный Кирилло-Белозерский монастырь в городе Кириллове — районном центре Вологодской области. Это один из самых

больших монастырских ансамблей в русском зодчестве вообще.

Восхитительная картина открывается каждому подъезжающему к монастырю со стороны Сиверского озера. Смотришь в спокойную гладь воды, стоят белоснежные, как выпиленные из гипса, стены, высятся массивные башни — квадратные и призматические, с островерхими завершениями. Ровные, гладкие поверхности стен и башен перерезают лишь узкие щели бойниц и редкие тонкие тяги фигурной декоративной кладки из кирпича. А из-за стен, набегая друг на друга и перемежаясь с тонкими старыми осинами, выступают многочисленные купола, главки, шпильки, высокие кресты.

Эта полная великолепия и покоя картина очаровывает всякого своей удивительной задушевностью и поэтичностью. Монастырь как бы задумался, погрузился в воспоминания своего бурного прошлого. Помнят эти старые крепостные

75. Кирилло-Белозерский монастырь.
Вид с озера

стены, как в 1612 г. «Литва выжгла Белоозеро», «подходила под Кириллов монастырь с Уломской дороги и выжгла гостиный двор, конюшенный и швальню». Не забыли они, как в том же году «пан Бобовский с черкесами... ночью на 11-е число пан Песоцкий... приступали к обители, но были отбиты». Так отмечает эти события летопись Кириллова монастыря».

Монастырь был основан в 1397 г. В свое время он имел большое военно-стратегическое значение, был мощным форпостом на дальних северных рубежах русского государства.

Основное ядро монастыря — «Старый город» или «Большой монастырь», непосредственно расположенный на берегу озера. Он опоясан крепостными стенами и имеет пятиугольное в плане очертание. Строительство его было осуществлено в первой четверти XVI в. В следующем столетии оборонительные сооружения были перестроены и к «Старому городу» присоединена дополнительная территория за речкой Свягой — «Новый город», окруженный второй мощной стеной.

Стены крепости-монастыря с башнями различных форм и размеров отличаются особой массивностью. Они толще стен Московского Кремля. Укрепления Кирилло-Белозерского монастыря были созданы с учетом всех достижений фортификационной техники того времени.

Самое раннее из сохранившихся сооружений монастыря — Успенская церковь. Она была возведена ростовскими мастерами под руководством Прохора Ростовского в 1497—1498 гг. «В лето 7006 совершена бысть великая и церковь Успенья Пресвятой Богородицы в Кириллове монастыре и освящена сентября в 8-й день», — гласит летопись.

Многое изменилось в первоначальном облике церкви — пристроены приделы, исчезли широкие сводчатые паперти, расписанные фресками, однако основной кубический объем здания, три массивные апсиды и барабан с кружевным широким поясом дают представление о былом величии церкви. Современники называли ее «церковью великая». Внутри храм был расписан.

Остальные сооружения монастыря были возведены в XVI—XVII вв. В 1519 г. построена Введенская церковь. К этому же времени относится и начало строительства монастырских каменных стен и башен, выдержавших в 1612—1613 гг. осаду поляков и литовцев. В 1531—1534 гг. сооружаются церкви Иоанна Предтечи и Архангела Гавриила.

С Архангельским храмом связано любопытное предание. Оно рассказывает о том, что после постройки этой церкви бог даровал Василию III младенца, будущего царя Ивана Грозного.

При Иване Грозном монастырь особенно процветает. Возводятся новые церкви: Иоанна Лествичника, церковь над гробницей основателя монастыря Кирилла Белозерского и, наконец, Преображенская церковь.

В 1653 г. начинается строительство так называемого «Нового города» Кирилло-Белозерского монастыря. Сооружение новых мощных суровых стен со строгими неприступными башнями было завершено около 1680 г. Это увеличило территорию монастыря более чем вдвое. В XVII же веке был построен келарский домик, оружейная, большие быличные палаты.

Из города в монастырь ведут низкие арочные ворота Казанской башни. За невысоким кирпичным забором тянутся крепостные стены «Нового города». Они трехъярусные. На массивной основе первого этажа покоится стройная аркада, которая в свою очередь несет квадратные столбы, поддерживающие кровлю верхней галереи. Удивительная простота гладких горизонтальных стен противопоставлена высоким граненым вертикалям башен: Московской, Вологодской, Кузнечной и Белозерской. Гигантские башни декорированы легким узором из кирпича и изразцовыми вставками.

От ворот длинная березовая аллея подводит к надвратной церкви Иоанна Лествичника (1572 г.) с высоким барабаном и красивым куполом. Рядом помещается белый двухэтажный корпус. Здесь размещались монастырская библиотека, архив и арсенал. Библиотека монастыря имела чрезвычайно богатое собрание истори-

ческих, юридических, церковных книг и документов. Многие из этих книг сейчас хранятся в Государственной Публичной библиотеке им. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде. О грандиозности арсенала можно судить по составленной в середине XVII в. описи, где значилось более восьми тысяч различного оружия.

Миновав надвратную церковь, вступаем в «Старый город», где сосредоточены все главные сооружения «Большого монастыря».

Двигаясь по каменным плитам дорожек, невольно обращаешь внимание на полустершиеся тексты, когда-то выбитые на них. Естественно возникает вопрос, что это за плиты и почему они с надписями?

Дело в том, что дорожки выложены могильными плитами. В монастыре погребали лиц, которые завещали ему свое состояние. Но едва память об этих людях стиралась, как монахи снимали плиты с надгробий и употребляли для различных монастырских нужд, в том числе и для покрытия дорожек.

Слева от главной дороги, ведущей от ворот, стоит Успенская церковь. К ней с северной стороны пристроены два небольших придела-

Кирилло-Белозерский монастырь

76. Вид с башни

77. Успенская церковь

церкви — Владимирская и святого Епифания. Обе сооружены над могилами крупных деятелей того времени.

В 1555 г., гласит надпись под главой Владимирской церкви, была построена над могилой воеводы князя Воротынского, некогда ходившего с ратью на Казань и Крым и посланного в монастырь Иваном Грозным.

Вторая церковь была сооружена над прахом князей Телятьевских в 1645 г. Ее архитектура тождественна Владимирской, но в деталях строже и лаконичнее.

С юга к Успенской церкви примыкает придел, возведенный над гробницей Кирилла. Напротив ворот был поставлен корпус с колокольней и церквами: Введенской и Архангела Гавриила. Узкий арочный проход под колокольней ведет во двор, где расположены службы, домик келаря и надвратная Преображенская церковь, под которой можно пройти прямо к берегу Сиверского озера.

Здесь, стоя на низком берегу, восхищаешься удивительной пластичностью невысоких, но монументальных старинных стен и башен: Котельной, Поваренной, Свиточной, видержавших не одну осаду неприятеля.

Около Кузнечной башни, на пригорке, среди высоких деревьев находится еще одна группа памятников. Это так называемый «Меньший, или Ивановский Предтечев монастырь». Он расположен на месте, где, по преданию, в 1397 г. монах Кирилл Белозерский поставил свой шалаш и положил начало монастырю.

Церковь Иоанна Предтечи — массивный куб с тремя апсидами — воздвигнута в 1531—1534 гг. Василием III в честь новорожденного сына Ивана IV.

В настоящее время в зданиях Кирилло-Белозерского монастыря размещается богатейший музей древнерусского искусства. Особенно интересны здесь произведения иконописцев, работавших в монастыре. Они отличаются удивительно тонким, изящным письмом и нежным «жемчужным» колоритом.

Очень хороша по живописи небольшая икона XVI в. «Илья Пророк». Сидящая фигура старца изображена на фоне лаконичного, но выразительного гористого пейзажа. Белое небо удивительно тонко гармонирует с зеленой

землей, оранжевой одеждой и лиловой с темно-зеленой опушкой накидки святого.

В музее хранится большое количество первоклассного шитья — пелены, плащаницы, уборы для икон. Здесь находится уникальная коллекция шитых серебром и золотом саккосов, епитрахилей, оплечий и других предметов облачения священнослужителей.

Эмоциональное воздействие сооружений Кирилло-Белозерского монастыря усиливается активным включением цвета. Белизне наружных стен монастыря противопоставлена яркая окраска отдельных его сооружений и деталей.

Красные стены Успенской церкви с белыми лопатками и узорчатými, выложенными из кирпича широкими поясами, оранжевые стены церкви Иоанна Лествичника, серебрищее на солнце тесовое покрытие Свиточной башни, золотые кресты и яркие фрески на зданиях — все это придает ансамблю радостное, необычайно богатое впечатление.

В семнадцати километрах от Кириллова расположен другой выдающийся памятник древнерусского искусства — Ферапонтов монастырь, основанный в конце XIV в. монахом Ферапонтом, сподвижником и другом монаха Кирилла, основателя Кирилло-Белозерского монастыря.

Ферапонтов монастырь стоит в купах кудрявых белоствольных берез, на возвышенном берегу, над тихим Бородавским озером. Вокруг него песчаные и глинистые холмы, местами обрывающиеся, местами спокойно спускающиеся к воде. Повсюду, среди высокой травы — громадные серые валуны — остатки далекого ледникового нашествия. На востоке рельеф местности резко повышается. Лесная дорога тянется на вершину Цыпиной горы. Это самая высокая точка. Отсюда открывается прекрасная панорама. В ясную погоду отчетливо видны стены и башни Кирилло-Белозерского монастыря. Чуть правее, возле деревни Щелково, на поляне, открытой всем ветрам, одиноко стоит ветряная мельница-столбовка. (Еще недавно здесь располагалась целая шеренга таких мельниц.) А с другой стороны, тесно прижавшись друг к другу, высятся купола, маковицы, шатры церквей и строений Ферапонтова монастыря.

Ферапонтов монастырь

78. Ворота

79. Рождественская церковь. Керамические детали фасада

По сравнению с Кирилло-Белозерским монастырем Ферапонтов воспринимается как камерный комплекс. Он не поражает ни размерами своей территории, ни масштабами сооружений.

Святые ворота Ферапонтова монастыря были построены в середине XVII в. Они отличаются декоративностью композиции. На основном призматическом объеме возвышаются рядом два стройных и легких шатра, увенчанные маленькими главками. Широкий сводчатый проход ведет внутрь ансамбля.

Наибольшее художественное значение имеет дошедший до нас в хорошем состоянии собор Рождества богородицы, возведенный в 1491 г. ростовскими мастерами на месте деревянной церкви. Находится он в центре монастыря. По своему типу собор восходит к московским храмам XV в. Объем здания кубический. Фасады расчленены лопатками, на которые опираются килевидные закомары.

Стены сплошь покрыты узорной кладкой из кирпича, образующей правильные ряды треугольных и прямоугольных ниш. Ниже пят закомар стена декорирована широким поясом, состоящим из двух рядов матово-красных керамических плиток со сложным растительным орнаментом. Между ними помещены керамические

кувшинообразные балясины, аналогичные тем, что украшают Успенскую церковь Кирилло-Белозерского монастыря. Такая же декоративная обработка введена и в апсидах, и в верхней части высокого барабана, завершенного шлемовидным куполом.

Внутри собор невелик. На могучие столбы опираются арки, несущие барабан купола. В парусах сводов видны отверстия голосников — глиняных кувшинов, вставленных в своды для усиления акустики. Все стены, столбы и своды собора покрыты сплошным ковром фресковых росписей. На голубовато-синем, пастельно-жемчужном фоне выделяются охристо-золотистые, зеленоватые, розовые, малиновые, белые пятна ликов, одежд, архитектурных форм. Видна рука неподражаемого мастера, о котором говорили современники: «изящный и хитрый в Русской земле иконописец, паче же реши живописец...»

Росписи Ферапонтова монастыря были исполнены в 1500—1502 гг. знаменитым древнерусским живописцем Дионисием и его двумя сыновьями — Феодосием и Владимиром. Сведения о жизни Дионисия очень скупы. Он был видным иконописцем второй половины XV столетия, работал в Москве и в отдаленных городах и монастырях. Известны замечательные иконы, созданные Дионисием и его артелью, но самое выдающееся его произведение — последняя работа — ферапонтовские фрески.

Заметим, что Дионисий пользовался во фресковых росписях Ферапонтова монастыря красками, полученными из местных пород минералов, обеспечивших ему чрезвычайно богатую цветовую гамму. Такие минералы встречаются вокруг монастыря везде: на дне и по берегам озер, в оврагах, на Цыпиной горе. Приготовление красок весьма несложно. Камни, измельченные в порошок, разводили на чистой озерной воде. Будучи наложены на сырую штукатурку, краски сразу же закреплялись.

Живопись Ферапонтова монастыря в основном посвящена богородице. Тема раскрыта в большом количестве сюжетов. Богородица троекратно изображена в центре храма, в крупных композициях — «Собор богородицы», «Покров богородицы» и «Знамение». Важное место в

росписи занимает «Акафист богородице» — сцены из ее жизни. Акафист размещен в третьем ярусе, ниже и выше его даны изображения «соборов» святых и евангельских сцен. Роспись над западным порталом включает «Деисуса» и композиции «Рождество богородицы» и «Детство Марии». Есть в соборе и изображения, непосредственно не связанные с богородицей. Это — «Пантократор» в куполе, евангелисты — на парусах и другие. Дионисий и мастера, работавшие под его руководством, стремились ярче раскрыть светлый жизнеутверждающий человеческий образ Марии. Отсюда и общий мажорный оптимистический тон живописи, присущая ей какая-то особая праздничность и нарядность.

Изучение росписей позволяет выделить не менее четырех творческих манер, работавших здесь живописцев, но несомненно, все они объединяются единством стиля.

Мастера, выполнявшие фрески Ферапонтова монастыря, развивали художественные традиции и приемы русской монументальной живописи предыдущего времени, и прежде всего школы великого художника Андрея Рублева. Однако росписи содержат в себе и некоторые новые черты, а именно — повышенную декоративность, утонченность и в живописи и в рисунке, несравненно большую, чем ранее, плоскостность изображений. Черты эти, придающие произведениям Дионисия особую прелесть, особое обаяние, станут типичными для монументальной живописи последующего времени.

Храм Рождества богородицы был холодным, и служба в нем отправлялась лишь в теплое время года.

Теплою же церковью была Благовещенская, построенная рядом в 1530—1534 гг. вместе с трапезной. Внизу под церковью размещались погреба. С северной стороны к трапезной примыкала кладовая палата и келарская келья, теперь не существующая. В 1851—1856 гг. трапезная была превращена в церковь, а бывшая церковь стала алтарем новой.

Церкви Рождества богородицы и Благовещения в настоящее время соединены каменной галереей.

В районе Кириллова расположены и другие монастыри — Горицкий, Спасо-Каменный, Куштский. Последние два

стоят на берегу Кубенского озера. В Спасо-Каменном, основанном в XIII в., находится древний собор 1481 г. и столпообразная звонница 1545 г. Собор Спасо-Каменного монастыря в композиционном отношении имеет общие черты с соборами Кирилло-Белозерского и Ферапонтова монастырей. Куштский монастырь приобрел особую известность своей замечательной деревянной шатровой церковью, построенной не позже середины XV в., но, к сожалению, не сохранившейся до наших дней.

В монастырях этого края находились многие замечательные по живописи иконы. Наиболее ценные из них можно сейчас увидеть в собраниях Третьяковской галереи и других музеев страны.

Но вернемся в Вологду для того, чтобы предпринять еще одну «поездку» по «трассе»: Сухона — Малая Северная Двина — Вычегода.

Бассейн реки Сухоны богат памятниками деревянного зодчества. Сухона — основная водная артерия Вологодской области, соединяющая районы Вологды, Белого и Кубенского озер с бассейном Северной Двины, протекает через места, богатые лесом. Это и определило в давние времена характер здешнего строительства.

У одного из поворотов Сухоны стоит тихий городок Тотьма — районный центр Вологодской области. Берег здесь высокий и обрывистый, прибрежная песчаная полоса усеяна многочисленными лодками, бакенами и связками свежеразкрашенных вех. Стоя у реки, трудно оторвать взгляд от сверкающей водной глади, синих далей заречья и ослепительно белых узорчатых церквей.

На берегу находятся мощные ледорезы из толстых гладких бревен. Это «стражи» города, защищающие постройки и нежные березки, растущие у воды, от острых льдин во время буйного весеннего ледохода.

Тотьма — скромный по размерам город. Он был известен уже в XII столетии. Долгое время город был одним из крупнейших солепромышленных центров Руси. Уже в XVI в. здесь имели свои солеварни Строгановы.

К этому времени был выстроен острый, окруженный деревянными стенами с башнями. В нем были сооружены

два деревянных храма: «соборная церковь Рождества древняная клетцки с папертью... да другая теплая Богоявления» — как гласила писцовая книга 1623 г. Однако пожар 1743 г. уничтожил эти церкви вместе со значительной частью города. После пожара к десяти уже существующим храмам прибавилось еще несколько каменных.

В XIX в. Тотьма — место ссылки многих видных деятелей революционного движения.

Сейчас в Тотьме пять каменных церквей. Четыре из них хорошо сохранилось. Они дают представление о культовом зодчестве города в XVIII столетии. Пятиглавый храм Иоанна Предтечи (1738 г.) и одноглавая Рождественская церковь (1793 г.) находятся в центральной части города, Троицкая (1772 г.) — в Рыбачьей слободе, Максимовская (1743 г.) — в Варницах (предместье города). Все четыре церкви очень сходны между собой по объемной композиции и декору. Это — типичные церковные сооружения второй половины XVIII в. на Севере.

Наиболее значительный по своим художественным достоинствам памятник — Троицкая церковь. В сооружении два этажа. Верхняя церковь — двухсветная. Храм имеет призматическую весьма вытянутую по вертикали форму. К главному кубу церкви

80. Троицкая церковь
в Тотьме

81. Троицкая церковь.
Фрагмент фасада

примыкает просторная полу-круглая апсида, а с западной стороны—большая трапезная. Здание завершается пятью главами, из которых лишь центральная связана с внутренним помещением и является световой. Все главы опираются на сомкнутый кирпичный свод. Они очень своеобразны по форме. На основном граненом барабане возвышается тонкая шейка, которая несет непосредственно луковицу.

Церковь и все ее декоративные детали — плоские вытянутые колонки, тяги, карнизы, наличники окон выполнены из хорошо обожженного кирпича, не прикрытого штукатуркой. На междуоконных перемычках укреплены чудесного рисунка витые филенки. Изысканные картуши фасадов, детали интерьера, а также усложненные формы кровельных покрытий выдают барочное происхождение этого памятника.

Необходимо отметить одну отличительную особенность церковной архитектуры Тотмы XVIII в.— фасады зданий в промежутках между ярусами окон заполняются картушами. Они выполнены из нескольких

82. Село Поча

типов керамических элементов, взятых в различных сочетаниях. Эти элементы, очевидно, готовились на местных кирпичных заводах.

Композиционное и конструктивное сходство церквей Тотмы позволяет говорить о наличии здесь в XVIII в. определенной архитектурной школы. Местные зодчие часто выезжали для постройки церквей в другие города, и прежде всего в Великий Устюг. Тотемский же архитектор, вероятно, строил и высоко стоящую над Сухоной Покровскую церковь в селе Усть-Печенге.

Кроме каменных зданий, в Тотме встречаются и старые деревянные строения с образцами художественной резьбы.

В селе Поча Тарногского района находится Георгиевская церковь, возведенная в 1700 г. Прямоугольный

83. Георгиевская церковь
в селе Поча

четырёхстенный сруб, стоящий на подклете, несет другой, восьмиугольный объем, покрытый очень высоким, стройным шатром с небольшой главкой. Вследствие малого сечения восьмерика по сравнению с четвериком, он опирается не на стены, а на балки перекрытия. Это — конструктивно ложный прием. К основному объему с востока присоединены два узких и высоких пятигранных сруба — апсиды, которые имеют общее покрытие, увенчанное небольшой бочкой с главкой. Единое покрытие сделано, очевидно, для облегчения конструктивной задачи. Но в композиционном отношении оно малоудачно. Едва ли не лучшей частью церкви является трапезная — большая, квадратная и примыкающее к ней крыльцо. Верхняя часть трапезной имеет не рубленую, а стойчато-дощатую каркасную конструкцию. Очень изящно и вместе с тем просто выполнена стена галереи, окна которой имеют фестончатые, вырезанные из досок перемычки. Внутри трапезной — два несимметрично стоящих резных столба. Крыльцо церкви — парадное, с широко раскинувшимися всходами — одно из самых эффектных в северном зодчестве.

В селе Брусенец Нюксенского района, лежащем на холмистом правом берегу Сухоны, и в его окрестностях сохранились старые избы и амбары, восходящие к XVIII в., но донесшие до нас черты построек более раннего времени. Избы Брусенца — одни из наиболее типичных в северной архитектуре. Здесь встречаются и четырехстенные избы и пятистенки. Это — большие и кряжистые дома на высоких подклетах с сильным свесом довольно пологих двухскатных крыш и с живописно разбросанными по фасадам оконными и дверными проемами. Некоторые избы имеют привлекательные хитро задуманные крылечки, резные балконы под коньком крыши. В жилых помещениях можно найти хорошие дверные наличники, красивую филенчатую мебель.

Интересны старые амбары в Брусенце и в Нюксенице, небольшие, но ладно и надежно сложенные из тщательно подобранных бревен. Амбары эти имеют несколько выступающую вперед верхнюю, чердачную часть, прикрытую дощатой двухскатной кровлей. Расположенные в четком

ритме, они производят впечатление некоего сказочного городка.

В нижнем течении Сухоны, недалеко от того места, где в нее впадает река Юг, расположен один из самых замечательных северных русских городов — Великий Устюг. В названии города Устюг отражено его географическое положение — город в устье реки Юг. Соединив свои воды, эти две реки дают начало новой водной артерии — Малой Северной Двине.

В Великий Устюг удобнее всего добраться на пароходе, следующем из Котласа вверх по Малой Северной Двине. Путешествие это занимает ночь. Попастъ туда из Вологды сложнее, так как река Сухона в летние месяцы мелеет на некоторых своих участках, особенно начиная от Тотьмы.

Когда в ранний час приближаешься к городу по реке, неожиданно возникает панорама Великого Устюга. Она напоминает грандиозную декорацию к спектаклю на темы русских сказок. В утренней дымке, освещенные лучами восходящего неяркого солнца, медленно проплывают старинные церкви и соборы Устюга, чередующиеся с невысокими купеческими домами и зеленью садов. Тихо кругом, и только стая голодных чаек, кружащиеся за кормой парохода, резкими криками нарушают утреннюю тишину. Но солнце поднимается выше — и высокий городской берег оживает. Кран, стоящий у берега, потянулся к ящикам с грузом, и это, казалось бы несовместимое, сочетание старого и нового вдруг поражает каждого удивительным единством.

Великий Устюг принадлежит к числу древнейших русских северных городов. Он упоминается в летописях с XII в. Еще до этого времени на высоком берегу реки Юг, примерно в трех километрах от современного Устюга, существовало древнее городище — Гледень. Капризная Сухона, неоднократно менявшая свое русло, стала подмывать берег, на котором стоял Гледень, и жители переселились на другой, левый берег реки. Тут-то и возник собственно Устюг.

В самом конце XII в. Великий Устюг был взят татарами, позже он перешел во владение ростовских князей. В XIV в.

устюжане участвовали в походе против Новгорода. Постепенно влияние Москвы на Устюг все более усиливалось, и в конце концов он был включен в пределы Московского государства.

На протяжении длительного времени Великий Устюг играл важную стратегическую роль в деле обороны северных русских земель. По мере расширения заморской торговли через Архангельск усиливалась и роль Устюга, как важного пункта на пути, связывавшем древнюю столицу с портом на Белом море. Большое значение города как транзитного центра, а также широкое развитие в нем различных ремесел — по обработке серебра, кузнечного, кожевенного и других — исторически закрепились в его названии — Великий Устюг.

Расположение Устюга было удобным для возведения в нем оборонительных укреплений. С юго-запада протекала Сухона, и берег ее был достаточно высок, с востока проходил овраг с речкой, которая впадала в Сухону. Здесь, на мысе, образуемом двумя водными протоками, и было создано городище с валами, деревянными стенами и башнями.

Валами и деревянными укреплениями был обнесен и посад, так называемый Новый острог — основная часть нынешнего города. В XVII в. город распространился и за его пределы. Возникали новые слободы и монастыри.

Тогда же на одном из основных участков деревянные укрепления сгорели. Кроме того, Сухона, на протяжении веков подмывавшая берега, «обрушила» часть стен, обращенных к реке. И к концу века от крепостных сооружений фактически ничего не осталось, да и надобность в них отпала.

На протяжении веков Устюг имел сбивчивую, неправильную систему расположения улиц и кварталов. «Регулярный» четкий план он получил лишь в 1780-х гг. Последний был утвержден Комиссией Каменного строения.

До XVII в. в Устюге были деревянные церкви. Каменные начинают строиться лишь в этом столетии. Тогда же определился характер церковных построек города. То же самое наблюдалось и в архитектуре Вологды, с которой Устюг был тесно связан.

В Устюге сохранились десятки памятников монументального зодчества. Это — исключительно постройки XVII и XVIII вв.

Среди церковных сооружений Великого Устюга можно выделить два основных типа. Первый из них, характерный для русской архитектуры XVII в. в целом, — бесстолбные церкви средних размеров, кубической формы, увенчанные одной или пятью главами; второй, связанный с XVIII в., — церкви в виде куба с переходом через сомкнутый свод к крупному купольному барабану — восьмерику, поддерживающему другой, меньших размеров, барабан — восьмирику с маленькой главкой (этот тип церкви сходен с ярусным храмом).

Самый древний архитектурный памятник Великого Устюга, имеющий к тому же сложную судьбу, — главный городской Успенский собор. Он расположен в пределах центрального комплекса устюжских церквей — на набережной реки Сухоны. Первое упоминание о соборе связано с 1290 г. — годом постройки. Деревянный храм просуществовал немногим более ста лет и был уничтожен пожаром. Через год на его месте появилась вторая деревянная церковь. Но вскоре, во время нападения новгородцев на Устюг, она тоже сгорела. В 1399 г. новгородский архиепископ, соборезнуя о случившемся, отдал распоряжение построить Успенскую церковь заново. Направленные в Устюг новгородские мастера исполнили его поручение. Третий по счету храм дожил до конца XV в., но пожар и его превратил в пепел. Поставить новую церковь наказано было ростовскому зодчему Алексею Вологжанину. Однако, вопреки имевшейся традиции, последний начал строить церковь «не по старине» — с планом «о двадцати стенах», а «кресъчатой» формы. Это не понравилось жителям Устюга, и Вологжанину пришлось исправлять допущенную вольность. В 1492 г. он приступил к сооружению храма по древней системе.

Повествование об Успенском соборе широко известно в истории древнерусского зодчества под названием «Устюжская легенда». Она приобрела особое значение для науки в связи с разработкой вопросов развития рус-

ской деревянной архитектуры. В нашей книге в ряде мест уже говорилось о древнем происхождении типа храма «о двадцати стенах». Летописная «легенда» об Успенском соборе Устюга дает бесспорное доказательство того, что на Руси существовали освященные веками образцы, и строители, возводя новые сооружения, придерживались их. Эта «легенда» свидетельствует и о том, что «круглые», то есть октогональные храмы с прирубами возникли раньше «кресъчатых» и на протяжении веков рассматривались как наилучшая форма деревянной церковной постройки.

Что касается Успенского деревянного собора, построенного в начале 90-х гг. XV в., то он сгорел, так же как и предшествующие. Каменный собор на этом месте был возведен в первой половине XVII в. Но и это сооружение не осталось в первоначальном состоянии. Оно дважды перестраивалось. В настоящем виде собор имеет мало общего с первоначальной каменной постройкой.

В одном комплексе с Успенским собором находится собор Прокопия, сооруженный в 1668 г. Это кубический пятиглавый бесстолбный храм, фасады которого завершены декоративными закомарами. Здесь же расположен и собор Иоанна Праведного, в

84. Вознесенская церковь
в Великом Устюге

основной своей части совершенно заново построенный в XIX в.

Из существующих устюжских церквей, не изменивших своего первоначального облика, наиболее древняя Вознесенская, возведенная в 1648 г. Она принадлежит к числу лучших и наиболее выразительных в художественном отношении архитектурных памятников Великого Устюга. Церковь имеет пристройки, созданные почти одновременно с основным объемом здания. Они размещены не симметрично. Поэтому с каждой из сторон храм смотрится различно. С севера и запада его огибает большой двухъярусный корпус типа галереи, в нем находятся дополнительные приделы и колокольня. К западной стороне церкви примыкает крыльцо. К южному фасаду присоединена как бы самостоятельная церковка, поднятая на высоту второго этажа. Пристройки не только расширили сооружение, но и придали ему большую живописность.

Основной объем церкви несет пять глав, покоящихся на мощном сомкнутом своде, так же как во многих храмах Вологды. Из них лишь один — центральный является световым. Церковка, примыкающая с южной стороны, завершается лишь одной главой на двухъярусном барабане.

Церковь Вознесения украшена богатым и пластически насыщенным архитектурным декором, «узорочьем», типичным для русского зодчества XVII в. Основной — второй этаж выделяется мотивом парных колонок, поддерживающих сложный по рисунку карниз. Выше его располагаются декоративные нишки типа кокошников. Окна обрамлены пилястрами, двойными крепованными карнизами и фронтончиками. Все это, а также арки и опорные столбы первого этажа выполнены в кирпичной кладке. Детали вытесаны из белого камня. Кроме того, в отделке использованы цветные изразцы.

Один из основных архитектурных ансамблей Великого Устюга — находящийся в центре города комплекс сооружений Михайло-Архангельского монастыря. Монастырь был основан еще в XIII в., но каменные здания в нем начали возводить лишь с середины XVII в. В состав монастыря входят Архангельский собор

(1650-е гг.), три церкви, трапезная палата, настоятельские кельи, братские кельи и некоторые другие постройки. Сравнительно небольшой по размерам монастырь отличается композиционной собранностью и живописностью своих строений, расположенных асимметрично на занимаемом ими прямоугольном участке. Памятники Михайло-Архангельского монастыря несравненно проще и строже церкви Вознесения — как будто бы строители решили вернуться к традициям старой архитектуры XV—XVI вв.

Архангельский собор — это пятиглавое прямоугольное в плане симметричное сооружение, в котором алтарь отделяется от основной части храма стеной. С трех сторон к собору примыкает двухэтажная галерея. Во второй этаж ее ведет крыльцо. К северо-западному углу галереи примыкает двухъярусная колокольня. Покрытие ее, как и большинства колоколен устюжских церквей, — шатровое. На фасадах церкви и колокольни нет ни «узорочья», ни декоративной лепки. Стены оживлены лишь лопатками и тонкими горизонтальными тягами, отделяющими расположенные выше декоративные закомары.

От южного фасада собора отходит двухэтажная галерея-переход с двумя крыльцами на разных ее сторонах. Она соединяет собор с трапезной палатой, построенной в середине XVIII в. Наиболее просто решен объем трапезной. Большое и массивное, с редко посаженными арочными окнами — бойницами, здание больше ассоциируется с постройками XVI столетия, чем с XVII в., которому оно принадлежит. Очень красиво «нарисован» щипец западного фасада с декоративным окном-нишей в центре и щелевидными прорезами по сторонам его. Главное помещение трапезной квадратной формы, посередине стоит квадратный же столб.

С восточной стороны к трапезной примыкает одноглавая бесстолбная церковь Введения. Она, так же как и Архангельский собор, очень проста по своему облику. Фасады ее гладкие, спокойные. Декоративной обработке подвергся только барабан купола.

Совершенно в ином стиле создана надвратная Владимирская церковь, построенная в 1682 г. Фасады

87. Михайло-Архангельский монастырь. Святые ворота

церкви, а также связанные с ней Святые ворота решены в обычных для русской архитектуры XVII в. формах. Однако наличники окон, опорные столбы и профили кокошников полны своеобразия и чрезвычайно совершенны по рисунку.

Значительный интерес представляет комплекс Троице-Гледенского монастыря, находящегося вне Устюга, около Гледена.

Монастырь был построен теми же зодчими, которые возводили Михайло-Архангельскую обитель. Поэтому сооружения обоих монастырей имеют между собой много общего. Троицкий собор Гледенского монастыря сходен с собором Михайло-Архангельского. Аналогичны композиции трапезных и связанных с ними церквей.

Однако Троицкий собор решен в более удачных пропорциях, большую законченность имеет и гледенская колокольня. Композиция собора Гледенского монастыря, в отличие от Михайло-Архангельского, симметрична. Обращают на себя особое внимание отдельные части Троицкого собора, в частности его апсиды — мягких, плавных очертаний с очень изящным наличником центрального окна. В декоративной обработке применены типичные для вологодско-устюжской архитектуры изразцы. Большую художественную ценность представляет пятиярусный барочный иконостас собора, относящийся к XVIII в. Он поражает своей великолепной тонкой резьбой.

В Великом Устюге много и других культовых построек. Среди них можно отметить ансамбль Преображенских церквей на Комсомольской площади и две церкви слободы Дымково — на противоположном берегу Сухоны. Оба комплекса включают храмы как XVII, так и XVIII вв.

Наглядную картину изменений, произошедших в архитектуре Великого Устюга, дают дымковские церкви. Первая из них — Дмитрия Солунского стилистически принадлежит еще XVII в. Это пятиглавый кубический храм с двумя ярусами декоративных закомар, «изображенных» на фасадах, и очень строгой, четкой по силуэту шатровой колокольней. Другая церковь — Сергия Радонежского, построенная в 1747—1769 гг., является образцом того нового композиционного типа храма, который уже сложился ранее в подмосковной архитектуре.

Характерно, что в декоративном убранстве этой церкви преобладают мотивы XVII в. — надоконные фронтоны, арочки-кокошники на парапете и др. К такому типу построек в Устюге и в близлежащих местах можно отнести: Никольскую церковь, Преображенскую (теплую) и прочие. Все эти сооружения ярусные, основной объем четверика перекрыт сводом, из которого вырастает большой восьмерик, служащий нижним барабаном главки. На этом восьмигранном основании покоится второй, меньший восьмерик, а иногда еще и третий.

В Великом Устюге немало памятников светской архитектуры. Это, главным образом, жилые здания XVIII — первой

половины XIX в. — дом Шилова, Кузнецова и другие. Особенно интересен дом Шилова, построенный в середине XVIII в. Здание двухэтажное с сильно выступающей центральной частью. Обращает на себя внимание барочная, несколько измельченная в рисунке декорировка фасада. В некоторых сооружениях сохранились ценные детали внутренней отделки — изразцовые печи, лепка и другие.

Сейчас Великий Устюг — вполне современный город. Вместе с тем он, как никакой другой северный русский город, дает возможность ощутить колорит минувших эпох. Этим Устюг обязан, прежде всего, множеству сохранившихся сооружений гражданского и церковного зодчества, сконцентрированных в пределах сравнительно небольшой городской территории.

В городе много современных предприятий, но среди них особенно выделяется одно, имеющее давние и стойкие традиции. С древнейших времен Устюг известен был своим промыслом — обработка серебра чернью. И сейчас артель «Северная чернь» выпускает высокохудожественные изделия, пользующиеся мировой славой.

Один из районов сосредоточения памятников древнерусского зодчества — бассейн реки Вычегды. Вычегда —

один из крупнейших притоков Северной Двины. Ее устье — в двух километрах от Котласа. Наибольшее историко-архитектурное значение имеет Сольвычегодск, в настоящее время районный центр Архангельской области. От устья Вычегды до Сольвычегодска, расположенного на ее правом берегу, каких-нибудь двадцать километров.

Путь к древней «Соли Вычегодской» лежит по реке. Минувя дымный поселок Лименду, с его лесозаводом и угольными причалами, пароход выходит на широкий простор спокойной Вычегды. Подвижный белый песок, перемещаясь по дну, образует множество коварных мелей, перекастов и островов. Они сильно затрудняют судоходство, и не случайно река, на вид очень спокойная и ласковая, пользуется дурной славой у судоводителей. Русло ее часто меняется, и, чтобы сохранить постоянный фарватер, на реке непрерывно работают мощные землесаи. По обеим сторонам реки, от прибрежных порослей ивняка до синего леса на горизонте, тянутся золотые поля ржи.

Сольвычегодск в далеком прошлом — один из центров русского Севера. Первоначально это был посад Соль-Вычегодская, основанный не позже XIV столетия новгородцами. Быстрое его развитие объяснялось тем, что он лежал на важной дороге из Новгорода на Урал. Здесь находилось и соленое озеро Солониха. В XVI в. природные богатства края стали использоваться промышленниками. Богатейшие купцы Строгановы, вотчиной которых был Сольвычегодск, основали здесь мощные солеварни.

Велико было и торговое значение города. Из Сибири сюда поступала пушнина, с Урала шел металл, с Белого моря — моржовый клык.

Но в дальнейшем фортуна изменила городу. Сольвычегодск утратил былое значение. Торговые и промышленные пути, связывавшие Россию с Сибирью, передвинулись к югу. Строгановы центр своей деятельности также перенесли в иные места — на Урал, в район Перми. От прежнего Сольвычегодска сохранились только древние сооружения и тонкое мастерство местных умельцев. Сольвычегодск всегда славился производством чеканных, финифтевых (разноцветная эмаль) и других изделий из металла.

88. Великий Устюг.
Жилые дома

Кроме того, Сольвычегодск — центр знаменитой строгановской иконописной школы XVII в.

Благовещенский собор — центральный памятник Сольвычегодска. На сооружении укреплен надписью: «...построен усердием и иждивением Именитых людей Строгановых в 1560 году». Эта дата — начало строительства собора. Закончен он был двадцать четыре года спустя. Сооружение представляет собой большой двухстолбный пятиглавый храм на высоком подклете. Основание собора опоясано галереей, которая первоначально была открытой. Особую прелесть фасадам собора придает широкая лента — фриз из фигурно уложенного кирпича в верхней части стены под закомарами. Хороши по рисунку наличники, обрамляющие окна. Однако ныне сооружение в значительной степени отличается от первоначального. Отдельные части здания значительно перестроены.

В соборе оригинально решена конструкция центрального купола. На два опорных столба и на стену алтарной преграды опираются арки, пяты которых расположены на

Благовещенский собор
в Сольвычегодске

89. Общий вид

90. Фрагмент фасада

различных уровнях. Между ними по углам выложены небольшие тромпы — своды в форме части конуса, половины или четверти сферы и т. д., применяемые в качестве опорной конструкции. Они дают возможность укрепить восьмигранный сомкнутый свод, служащий основанием восьмигранному же барабану купола.

Внутри Благовещенского собора — фрески 1600 г., исполненные, как значится на стенах, «московскими иконниками» «Федор Савин да Стефан Ярофиев со товарищи». Росписи эти еще недостаточно изучены. Они содержат в себе стилистические признаки, которые определяют в дальнейшем — в XVII в. характер строгановской школы живописи. Им присуща сравнительная мелкомасштабность изображений, композиционная усложненность и повышенная декоративность. В росписи преобладают блеклые коричневые и зеленые тона.

Благовещенский собор являлся для построившего его купца Аники Строганова «с сыновьями и внуками» не только храмом, но и укрепленной цитаделью. В подвалах

собора размещались склады пушнины, хранились ценности. Здесь же были устроены тюремные казематы. Рядом с собором находились жилые хоромы Строгановых. Собор и хоромы были ограждены деревянной стеной с башнями.

Другое уникальное сооружение Сольвычегодска — собор Введенского монастыря, возведенный Строгановыми в конце XVII в.

Но если Благовещенский собор отличается простотой и суровостью архитектурных форм, то Введенский собор — затейливостью, сложностью и поистине кружевным характером деталей и тонко найденными цветовыми соотношениями. Два цвета доминируют на фасаде храма: цвет красного кирпича, из которого он возведен, и цвет белокаменного резного убора колонн, дверей, арок.

Легенда рассказывает, что Григорий Строганов хотел поставить церковь, «кото-

Собор Введенского монастыря
в Сольвычегодске

91. Общий вид

92. Колонна портала

рая бы превзошла праотец его». И действительно, Введенский собор казался сольвычегодцам не только прекрасным, но и «дерзким», невиданным.

Строительство его начато в 1689 и закончено в 1693 г. По своему объемному решению храм продолжает старые традиции архитектуры Благовещенского собора. Это кубическое сооружение, стоящее на высоком подклете, опоясанное галереей с широко раскрытым великолепным крыльцом. Фасад крыльца удивительно параден. Белокаменные колонны орнаментированы листьями выходящих растений. Резьба панелей, крутые арки, сложные картуши производят впечатление богатства и даже роскоши.

Широкие ступени ведут во второй этаж к галерее. Наружные стены ее украшены орнаментированными изразцовыми вставками. Такие же вставки помещены и на пилонах, разделяющих арки обходной галереи.

Конструктивно собор Введенского монастыря отличается от своего предшественника: в нем нет внутренних столбов. В этом отношении собор близок к устюжским бесстолбным церквам, хотя и значительно превосходит их по размерам.

Перекрытие собора выполнено мастерски. По существу оно представляет собою сомкнутый свод, но не сплошной, а состоящий как бы из взаимоперекрещивающихся мощных парных «арок». Центральный купол и четыре боковых расположены в просветах между ними. Применение «арок» дало возможность расположить между их пятами окна второго яруса.

Внутри собора находится семиярусный деревянный иконостас работы московского мастера Григория Иванова. Плоскость его расчленена на ряд отдельных «панелей». В первых четырех ярусах их обрамляют витые колонки, выше — пилястры. Основное украшение иконостаса — тонкая виртуозная резьба, изображающая листья, виноградные гроздья и цветы. Иконы алтарной преграды были написаны в 1693 г. дворовым художником Нарыковым, о чем свидетельствуют надписи на иконах: «Лета 7201 (1693 г.) писал сей образ живописец Степан Дометнев сын Нарыков». Собор Введенского монастыря принадлежит к числу лучших произведений русского зодчества конца XVII в.

Мы уже говорили, что рядом с Благовещенским собором раньше стояли хоромы Строгановых, построенные из дерева. О том, какими были эти палаты, в какой-то мере дает представление рисунок, хранящийся в Московском государственном Историческом музее. Исполненный до разборки здания, рисунок дополнен надписью, сделанной или самим художником, или заказчиком:

«В городе Соли Вычегодской дом деревянный именитых людей, господ Строгановых, оному составляет, а именно построен в тысяча пятьсот шестьдесят пятом году, который стоял в совершенном порядке, то есть ни в которую сторону не покривился до тысяча семьсот девяносто восьмого года, итого 233 года. Оному дому всему со службами длина тридцать четыре сажени, высота ж двадцать одна сажень с аршином, который разобран в тысяча семьсот девяносто восьмом году».

Хоромы Строгановых в Сольвычегодске не были единственным примечательным деревянным сооружением в этих местах. В районе Сольвычегодска и вверх по Вычегде существовало немало других памятников архитектуры — деревянных жилых домов, церквей. Некоторые из них сохранились до наших дней. Но при всем своеобразии каждой из этих построек в целом они не дают оснований для выделения здесь особой архитектурно-строительной школы. Архитектура бассейна Вычегды лишь дополняет наши представления о зодчестве Придвинья и Вологодского края.

П О Р Е К А М
СЕВЕРНОЙ ДВИНЕ
И П И Н Е Г Е

Каждая северная река имеет особый, только ей одной свойственный характер. Невозможно спутать Онегу с Пинегой, а Вычегду с Северной Двиной. Одни реки особенно хороши в утренние часы, другие раскрываются во всем своем очаровании пылающими закатными вечерами. Северная Двина поражает в тихую летнюю ночь. Жемчужное небо с золотисто-зеленой полоской у горизонта мягко отражается в могучих водах широкой реки.

Едва видны фигуры людей, ожидающих парохода. Кругом звонкая тишина. Дремлет река, дремлют и берега с темными пирамидальными елями и домами-гигантами с выгнутыми тесовыми кровлями, похожими на старинные новгородские лады, перевернутые вверх килем. Светает.

Где-то далеко впереди раздается хриплый гудок. Звук долго катится над рекой и исчезает в луговой пойме. Много проходит времени, прежде чем из-за поворота реки появится долгожданный пароход.

Мы начнем свое путешествие к берегам Белого моря из Котласа — районного центра Архангельской области. В двух километрах от города Вычегда и Малая Северная Двина сливаются в одну могучую и полноводную Большую Северную Двину.

На землях, лежащих по Северной Двине и ее притокам, с давних пор обитали различные племена, именовавшиеся «заволоцкой чудью». В XI столетии в этих местах появились новгородцы, основавшие здесь многочисленные торговые селения. К XIV в. они окончательно установили тут свои порядки. Тогда же в низовьях Двины новгородцами был заложен главный город этого края — Холмогоры. В следующем веке земли, примыкающие к Северной Двине, были включены в пределы Московского государства.

Население этих мест занималось соляным промыслом, рыболовством, охотой. В XVI столетии устье Северной Двины и Холмогоры приобрели новое значение, как основной центр в торговле со странами Запада. В 1584 г. было начато строительство главного морского порта — Ново-Холмогор, переименованного позже в Архангельск.

В XVII в. роль Архангельска была исключительно большой. Северная Двина стала важнейшим водным путем, по

93. Схема расположения памятников в бассейне рек Северной Двины и Пинеги

1. Деревня Цывозеро. Колокольня. 1658 г.; 2. Деревня Белая Слуда. Владимирская церковь. 1642 г. (не сохранилась); 3. Село Верхняя Уфтога. Церковь Дмитрия Солунского. XVIII в.; 4. Село Пермогорье. Георгиевская церковь. 1665 г.; 5. Деревня Кулига Дракованная. Погост; 6. Село Пучуга. Церковь Петра и Павла. Конец XVII в.; 7. Село Заостровье. Погост; 8. Антониев-Сийский монастырь; 9. Церковь в селе Пиринем. Конец XVII в.; 10. Село Едома. Никольская церковь. 1700 г.; 11. Село Чухчерьма. Погост; 12. Село Лявля. Никольская церковь. 1589 г.

которому в порт поступали товары из глубинных районов страны, и в обратном направлении шли заморские товары. Естественно, что это привело к возникновению на берегах реки многочисленных селений, к строительству светских, церковных и монастырских сооружений.

Обилие строительного материала — ели, кондовой сосны, лиственницы определило развитие в этих местах деревянного зодчества.

Пароход быстро идет по течению Двины. Правый берег низкий, с бескрайними просторами заливных лугов и со сплошной стеной синего леса на горизонте. Левый берег высокий, обрывистый. На нем растянулся старыми домами город Красноборск.

Известно, что уже в XVI в. Красноборск принадлежал Соловецкому монастырю. Это было большое селение с крупной пристанью. Сюда шли со строгановских солеваярен наполненные солью карбасы и дощанки. В амбарах и лавках хранились привезенные из Соли Вычегодской товары. Здесь на бойких ярмарках сбывали часть соли, остальную же отправляли в Устюг, Тотьму, Вологду.

Но не только строгановскую соль продавали на этих оживленных торгах. Из соседних деревень привозили свои искусные изделия народные мастера: замысловатые железные замки, деревянные резные ковши, берестяные туеса, вязанные цветные кушаки.

Ныне Красноборск не так оживлен, как некогда. Но стоят еще срубленные из кондовой сосны сто лет тому назад, а то и более почерневшие двухэтажные избы с пятью-семью окнами на фасаде, с большими просторными дворами.

В окрестностях Красноборска сохранилось множество уникальнейших памятников деревянного зодчества XVII—XVIII вв. Чтобы их увидеть, надо на трескучей моторке переехать около длинного острова, сплошь заросшего ивняком, на правый берег реки в рабочий поселок Дябрино. Отсюда через зыбкие и глубокие белые пески, болота и лесные чащи начинается нелегкий путь к памятникам деревянного зодчества. Недалеко от деревни Цывозеро рельеф местности резко повышается. На огромных

зеленых холмах, усеянных клевером и ромашкой, начинают попадаться одинокие вековые ели. Их толстые стволы и широкие раскидистые ветви обращают на себя внимание. Глядя на этот пейзаж, невольно вспоминаешь театральные декорации В. Васнецова к «Снегурочке» или билибинские иллюстрации к русским сказкам. Вот чем вдохновлялись замечательные русские художники. Ведь не раз здесь бывали и В. Васнецов, и И. Билибин, и В. Верещагин и И. Грабарь.

За холмами простирается поле ржи, а за ним едва виднеется знаменитая Цывозерская колокольня, хорошо всем известная по акварелям И. Билибина.

Колокольня стоит уже более трех веков. Ее замшелый сруб осел и накренился, и теперь кажется, что он вырастает из земли. Цывозерская колокольня принадлежит к так называемым «девяностолбным» сооружениям. Ее каркас, состоящий из девяти вертикально стоящих толстых бревен, защищен на большую часть своей высоты восьмиугольным срубом. На уровне яруса звона эти столбы открыты и украшены резьбой — овальными «дыньками» и тонкими «жгутами». Еще выше — четыре венца образуют повал, поддерживающий полицы невысокого восьмиугольного шатра, покрытого тесом.

Колокольня в деревне
Цывозеро

94. Общий вид

95. Фрагмент

Все в этой сказочной колокольне совершенно: и пропорции, и форма маковки с тонкой покрытой пластинками шейкой, и сама главка с высоким крестом.

Покидая это место, не раз оглянешься на силуэт колокольни, на широкие дали с избами на горизонте, на колосящееся поле и заросшую травой дорогу...

Едва заметная колея проселка сворачивает в сосновый лес. Пройдя восемь километров, выбираемся на высокий песчаный берег северодвинской старицы, к старинному селу Белая Слуда.

Огромные старые суровые двухэтажные дома с напряженно изогнутыми крышами стоят по обеим сторонам широкой главной улицы. У песчаного обрыва живописно разбросаны темные срубы амбаров и бань, чередующихся с высокими «журавлями» колодцев.

Еще несколько лет назад главную деревенскую улицу замыкала могучая вертикаль сорокаметрового храма Владимирской богородицы с шатром, крытым серебристым тесом. В 1962 г. он сгорел от удара молнии.

Ровно триста двадцать лет простояла эта церковь. Она производила впечатление не столько своей высотой, сколько какой-то особой, почти аскетичной простотой восьмистенного сруба с двумя примыкающими с запада и во-

стока прирубами, завершенными килевидными бочками. Единственными украшениями фасадов здания были крытые лемехом главки-грибки очень затейливого рисунка, врезаемые в гребень килей прирубов, да разбросанные в живописном беспорядке маленькие квадратные «колодчатые» окна.

От Белой Слуды до погоста Верхняя Уфтюга около тридцати километров. Селение окружено лесом, и только перед самыми плетнями, ограждающими выгон, деревья расступаются. Здесь особенно красиво осенью, когда на скошенном лугу еще стоят высокие стога, а в пожелтевших уже кустарниках серебрится ивняк да кое-где выделяется своим красным убором одинокая осина.

Осень обычно для Верхней Уфтюги была временем ярмарок. В это село с огромными избами — шестистенками и двойнями, украшенными строгой резьбой, съезжались мастеровые, купцы, ремесленники. Здесь торговали прялками, глиняными игрушками, домашней утварью и берестяными туесами. Такие туеса, расписанные фантастическими зелеными и красными цветами с белыми и синими листьями, до сих пор делает народный мастер Новинский Дмитрий Матвеевич, живущий недалеко от Верхней Уфтюги, в деревне Новоандреевке.

На центральной площади села из мощного бревенчатого куба, вросшего в землю, как бы взметнулась в небо своим широким шатром церковь Дмитрия Солунского. Она была сооружена в 80-х гг. XVIII в. и сохранилась такой до наших дней, а потому представляет интерес как тип поздних северных шатровых церквей.

Она необычна по своему решению прежде всего тем, что не имеет привычной для северных храмов трапезной. Собственно церковь — единственное крупное помещение храма. Эту главную часть и подчеркнул в своей композиции зодчий, возведя над ней сорокаметровую монолитную башню, подчинив ей и крыльцо, и алтарный прируб с пятискатным покрытием, завершенным бочкой с маленькой маковкой.

Церковь-башня очень проста и строга, силуэт ее величествен и строен. Единственное, что смягчает суровость

96. Село Белая Слуда.
Хозяйственный двор
жилого дома

постройки, — это своеобразное крытое крыльцо с галереей, поставленной на рубленный подклет. Боковые части галереи покоятся на выпусках бревен западной стены подклета.

Почти рядом с Красноборском, чуть севернее, на левом берегу Двины, лежит Пермогорье, также примечательное своими древними деревянными постройками. Пермогорье расположено на холмистом берегу, заросшем высокой и сочной травой. Подойдя к речному обрыву, можно долго любоваться просторами северной реки. Отсюда хорошо видно, как где-то внизу медленно ползет буксир, разрезая зеркальную гладь воды. А совсем рядом, среди небольших молодых елочек, почти нависая над рекой, вот уже триста лет стоит Георгиевская церковь.

Прямоугольный в плане сруб несет на себе еще один — крещатый, завершенный крещатой же бочкой. Но вместо обычных в таком случае одной или пяти глав сооружение увенчано только тремя. С 1665 г. — с момента постройки и до 1875 г. она стояла в «первозданном» виде, но затем

97. Село Пермогорье

98. Георгиевская церковь
в селе Пермогорье

по указу синода ее обшили тесом. И с этого времени, как с горечью писал И. Грабарь, «она потеряла больше, чем обыкновенно теряют деревянные церкви, так как ее линии и формы рассчитаны были на игру девственного сруба... Можно себе представить, что это была за сказка, эта славная нарядная церковка, венчающая береговую кручу Красавицы Двины, как раз здесь именно особенно широкой и особенно величавой».

Из Пермогорья до Кулиги Дракованной, где расположена высокая колокольня и остатки небольшой клетской Никольской церкви, по сосновому бору — едва восемь километров. Дорога то поднимается на холм, то спускается в глубокий овраг. На полдороге, у маленького лесного озера, окруженного темным таинственным лесом, старая водяная мельница, а дальше резкий подъем на красный глинистый холм, и вот уж вдали, прямо на дороге, на фоне бледного северного неба, четким силуэтом встает колокольня Никольской церкви, одна из старейших на Севере. Ее датируют XVI в. Эта колокольня, так же как

и Цывозерская — шатровая. Однако в отличие от нее — семнадцатистолбная. Она значительно выше, и в ней нет той задумчивости, той лирической задумчивости, которые есть в колоколенке Цывозера.

Это сооружение, основанием которого служит низкий четырехстенный сруб, придающий постройке большую устойчивость и зрительно связывающий ее с землей, имеет совершенно иной художественный образ. Соотношением объемов она скорее напоминает многогранную сторожевую башню, одну из тех, что ставились по углам стен древнерусских деревянных крепостей. В мощности ее восьмерика с низкой арочной галереей звона и особенно в больших выносах повалов чувствуется та суровая сила, которая характерна для башен порубежных северных укреплений Беломорья XVI—XVII вв., таких, как Кола, Сумской и Кемский остроги.

Недалеко от колокольни, в густом ельнике, на маленьком кладбище, стоит клетская Никольская церковь, построенная в 1748 г. на месте сгоревшей. Сохранилось очень красивое односкатное крыльцо и висячая на выпусках крытая галерея.

Некогда над коньком, в его восточной части, церковь имела маленький прямоугольный четверик, на котором возвышалась небольшая бочка с главкой. Внутреннее убранство церкви не сохранилось.

В деревне Кулиге Дракованной, так же как и во многих других окрестных селениях, в убранстве домов можно встретить роспись.

Выполненная на предметах мебели, на внутренней стороне крышек ларцов, она отличается легкостью и изяществом. Ритмический орнамент из цветов, листьев и завитков нанесен на белый фон. Он привлекает плавностью контурного рисунка. Часто можно видеть и сюжетные изображения. Цвет росписи — звучный коричневатокрасный, желтый и зеленый.

На правом высоком берегу Северной Двины, открытое всем ветрам, стоит старинное село Верхняя Тойма. Его сбегające уступами многочисленные сараи и бани с «журавлиными» колодцами видны издали.

Здесь не сохранилось церквей и часовен, нет их и выше по реке Верхней Тойме. Но зато тут можно увидеть много крестьянских домов прошлого столетия.

За ржаным полем, которое идет вдоль береговой полосы Северной Двины, расположена деревня Кулига. При первом же взгляде на одни только крыши с гнутыми упругими тесовыми скатами, увенчанными великолепными охлупнями со стилизованными головами коней, становится ясным, что дома здесь старые.

Слева от заросшей травой дороги, идущей от реки, на выпусках огромного почерневшего двухэтажного дома двойни вырезано «1855 год». Это типичный «представитель» северодвинских жилых построек.

Старожилы рассказывают, что такие дома строились постепенно, двадцать — двадцать пять лет. Вначале семья жила в избе отца, остальные помещения пустовали до тех пор, пока из семьи не выделится новая семья. Отделившись от отца, сын отделял до того не жилой сруб по своему усмотрению и жил самостоятельно, но под одной крышей с отцом.

Эти северодвинские «двойни» выделяются в зодчестве Севера не только своими огромными размерами, но и простотой объемов, стройностью силуэта. Сплошные из крупных бревен стены с небольшими квадратными окнами и скупыми рублеными и резными деталями создают впечатление суровой монументальности. Чрезвычайно разнообразны поддерживающие вынос кровли «пропуски» — бревна, пропущенные за пределы угла сруба. Их концам народные мастера придавали иногда форму валиков, тройных лепестков, капелек, а порой и очень затейливых криволинейных элементов.

Над вторым этажом по центру главного фасада северодвинские плотники часто устраивали очень скромные и простые по конструкции балкончики. Они были одним из главных украшений дома.

В Верхнетоймском районе балконы домов в большинстве случаев открытые. Два или четыре бревна-кронштейна, выпущенные из поперечных стен сруба и связанные между собой брусками, образуют небольшую площадку, которая

ограждается либо мелкими брусчатыми перилами, либо простыми резными балясинами. На балкон обычно выходит низкая дверь или просто обрамленное наличником окно.

Чрезвычайно своеобразны и резные доски — «подзоры», которые защищают от дождя и снега торцы бревен кровли. В Верхней Тойме и в близлежащих деревнях Кулиге, Окулове, Придворове чаще всего можно видеть подзоры с треугольными зубчиками и круглыми сквозными прорезями.

Необходимо отметить, что на входных дверях некоторых старых домов сохранились ажурные кованые щеколды и ручки, а также накладки, выполненные из полос просечного железа. Так, в деревне Кулиге в доме, построенном в 1855 г., накладка подковообразной ручки имеет форму стилизованного стебля растения.

От Верхней Тоймы до Пучуги — семьдесят-восемьдесят километров. Пароход здесь идет обычно ночью. Но и ночь в этих местах на Двине прекрасна. Не случайно художник В. Вережагин, много десятилетий назад путешествовавший по Северной Двине, проплывая от Верхней Тоймы к Пучуге, с восторгом записал в своем дневнике:

«Большую часть пути я сидел на руле... любовался на тихую воду, в которой отражались берега с деревьями и кустарником, так же как и яркая северная заря, непрерывно горящая за всю короткую двух-трехчасовую ночь. Кругом была полная тишина; слышался только плеск весел наших гребцов и их тихий говор, да иногда говор же, песня или гармония доносились со спускавшихся вниз лесных плотов. А то закричит чайка; со свистом порывистым беспокойным летом промелькнет кулик или с криком, часто, часто махая крыльями, пронесутся крыжовые утки... Тихо движется вода широкой величавой реки; глядя на ее движение, много и долго думается — так долго, что хоть уже за полночь и пора спать, не решаешься расстаться с палубой...»

Пристань Пучуга стоит на песчаной косе. Справа, сразу за редким и длинным плетнем, начинается деревня Коди-ма. В ней много таких же двухэтажных домов-двоен, как и в Верхней Тойме.

Но здесь встречаются и дома с росписью на главном фасаде. Здешние мастера-«древodelы» стремились защитить высокую стену дома от прямого попадания дождя, устраивали с боковых сторон и особенно с главного фасада сильные выносы кровли. Передняя часть ее снизу часто подшивалась тесом и раскрашивалась синими, красными, зелеными ромбами и квадратами. Иногда в росписи использовались мотивы растительного орнамента: ветви и листья деревьев, а также крупные стилизованные полевые цветы.

В некоторых домах расписывались и фронтоны. Композиция таких росписей значительно усложнялась введением фигур животных, птиц и т. д. Яркие красочные изображения на фасаде здания усиливают его выразительность в монотонном ряду застройки улицы деревни.

В соседнем с Кодимой селе Пучуге расположена значительно перестроенная церковь Петра и Павла. Она возведена в конце XVII в. Композиция основного объема здания была очень близка к церкви Дмитрия Солунского в Верхней Уфтуге, но покоившийся на четырехстенном срубе восьмерик был более высок и строен. Кроме того, церковь Петра и Павла имела обширную квадратную трапезную и пятигранную алтарную апсиду, покрытую большой своеобразной бочкой. Эта апсида — единственная часть церкви, которая уцелела до настоящего времени и находится в сравнительно хорошем состоянии.

В 1906 г. сооружение, ввиду опасности подмыва его основания водами Северной Двины, перенесли на новый участок и поставили на кирпичный фундамент. При этом из-за отсутствия бревен нужной длины была несколько сокращена трапезная.

Церковь Петра и Павла в Пучуге приобрела большую известность своим уникальным внутренним убранством, свидетельствовавшим о блестящих достижениях русского деревянного зодчества. Но, к сожалению, интерьер храма уже давно утрачен.

Недалеко от Пучуги, на старом погосте в селе Заостровье, сохранилась обшитая тесом Богородицкая

церковь. Она была построена в 1726 г. и принадлежит к типу храмов «о двадцати стенах». Церковь увенчана высоким шатром, а прирубы бочками. Общая высота ее 45 метров. Церковь имеет динамичный силуэт. Особенно четко ее очертания рисуются на фоне неба, освещенного лучами заходящего солнца. Вечерний сумрак как бы соединяет воедино основание храма с угловатыми очертаниями изб, хозяйственных построек и косыми жердями плетней, и над всем этим резко выделяет стремительно возносящуюся иглу шатра.

В среднем течении Северной Двины некогда находились многочисленные памятники деревянного церковного зодчества, ныне уже исчезнувшие. Из них следует упомянуть о замечательной Никольской церкви в Зачачье, построенной в 1687 г. Она представляла огромный, идущий от самой земли восьмиугольный сруб, перекрытый единственным в северном зодчестве восьмигранным кубом. Церковь имела пятирусный трехстенный иконостас, относящийся к первой половине XVIII в. Предполагают, что его выполнил славившийся в то время по всей Северной Двине резчик Кокорев.

Заслуживают также упоминания характерные для северо-двинского зодчества две большие шатровые церкви, возведенные почти одновременно в 1750-х гг.: Вознесенская в селе Конецгорье и церковь Фрола и Лавра — в Ростовском.

Широкое известностью пользуется комплекс сооружений Антониев-Сийского монастыря — одного из самых значительных на русском Севере. Монастырь этот расположен в Емецком районе, в семи километрах от пристани Сия, на берегу большого озера. Основан он был в XVI в. как своеобразный форпост Московского государства на Севере. Главный пятиглавый каменный Преображенский собор Сийского монастыря (1589—1606 гг.) был возведен по образцу московского Успенского собора. В декоративной обработке фасадов здания заметно влияние и владимиро-суздальского зодчества.

С южной стороны к собору присоединялась трапезная с небольшой шатровой колокольней, а с северо-запада —

99. Сийский монастырь. Вид с озера

шатровая же колокольня середины XVII в. Весь этот ансамбль, несмотря на разновременность образующих его сооружений, обладает какой-то особой композиционной собранностью и вместе с тем большой живописностью.

Примерно за сто километров до Архангельска Северная Двина получает мощный приток — лесную реку Пинегу. Начало свое она берет из Красноборских болот. Две речки — Черная и Белая, пробежав низкорослым сосняком и ельником, встречаются и образуют Пинегу. На протяжении нескольких сот километров она течет в северо-западном направлении. Около села Пинега она резко поворачивает на юго-запад и через сто с лишним километров впадает в Двину. Пинега протекает через обширные

лесные районы, берега ее в основном отлоги, хотя в ряде мест река пересекает гористые складки и возвышенности. В свое время берега Пинеги были мало обитаемы.

Бассейн этой реки — древняя новгородская земля. Колонизация ее новгородцами началась уже в XI в. А Уставная грамота князя Святослава Ольговича 1137 г. свидетельствует о том, что Новгород уже окончательно закрепился здесь.

Пинежские земли лежали на пути в Печерский край, через Пинегу, Кулой, Мезень, Пезу, Цильму, а оттуда «за камень» (Урал) и в богатую Сибирь. Этот путь с Мезени на Печору использовали вплоть до середины XIX в.

Земли по Пинеге и Мезени, согласно Двинской летописи, в 1471 г. были присоединены к Москве.

Еще до сих пор на Пинеге в избах встречаются многие предметы, сохранившиеся от тех далеких времен. В сундуках старожилых можно отыскать кокошники или головные повязки, шитые бисером, а то и сарафан с набивным цветочным узором. А в чуланах и на повитях еще немало расписных прялок.

Традиции древнерусского строительного искусства живы и по сей день в народном зодчестве. В основе жилых домов на Пинеге лежит тип северного двора-усадыбы с жилой частью, выходящей на главный фасад, и двором, включающим хлев и повить. Обе части соединяются между собой коридором, который здесь называют «предъизьем». Большинство домов на Пинеге — в один жилой этаж на подклете. В деревнях часто встречаются и шестистенные дома.

Под жилой частью, в подклети, располагаются сени и кладовые. Из сеней в жилой этаж ведет лестница. Здесь соответственно над сенями размещается «предъизье», из которого можно попасть в «прихожую» избу, где проходит вся хозяйственная жизнь, и в «белую» избу. Между этими двумя избами в шестистенном срубе находится узкая комната — «заулок». Она всегда соединена с избами, но не имеет двери в «предъизье». Иногда «заулок» бывает очень тесным, чаще всего — это чулан для вещей или небольшая кладовка для продуктов.

Обычно в среднепинежских домах сразу за крыльцом устраивается низкая постройка. Это так называемая зимняя изба с печью, зимой здесь готовят пищу скоту и обогревают его. Такие дома со «скотной избой» можно встретить и в Сурском и Каргопорском районах.

Культовых сооружений на Пинеге сохранилось очень мало. Не дошла до нас совершенная по пропорциям сорокаметровая шатровая Ильинская церковь Вейского погоста (1600 г.). Исчезла Никольская церковь села Сура Каргопорского района (1695 г.). Близка к ней по композиции сохранившаяся Никольская церковь села Едома Каргопорского же района. Она стоит рядом со старой, почерневшей от времени и накренившейся колокольной (1798 г.) на высоком зеленом пригорке, отделенном от деревни молодым сосняком.

Церковь, построенная в 1700 г., чрезвычайно оригинальна по своему общему композиционному строю. Здесь нет традиционного восьмерика, все сооружение, по существу, состоит из одного вытянутого по вертикали квадратного сруба-четверика, к которому с востока примыкает большой пятигранный сруб — апсида, а с запада — трапезная. Основной объем покрыт невысоким граненым шатром, в который со всех

100. Никольская церковь
в селе Едома

четырёх сторон врубаются большие бочки. Каждая из них несет крытую чешуйчатый лемехом главу. В целом создается впечатление крещатой бочки, в которую всекается шатер. Покрытие четверика образует живописную пятиглавую массу, контрастирующую своими довольно сложными формами с «оголенными» лаконичными плоскостями стен сруба-четверика. Апсида тоже покрыта бочкой с главкой. Сейчас церковь зашита тесом.

Из небольших церквей на Пинеге необходимо отметить стоящую среди высокой травы над обрывом реки в селе Пиринем очаровательную церквушку конца XVII в., с маленьким шатром, покрытым городчатым лемехом, и завершенную луковичной главкой.

В Карпогорском районе деревни расположены особенно часто. Они отделены друг от друга лишь мелкими перелесками или неширокими полями. Почти соприкасаясь друг с другом, расположены селения Ваймуши, Айнова гора, Шардонем. Для них, равно как и для других пинежских деревень, характерно отсутствие зелени. Редко у какого из домов увидишь одинокую рябину или черемуху. Длинные улицы селений представляли бы довольно унылую картину, если бы не амбары, расположенные вдоль дороги. Стоящие на столбах, они очень разнообразны по пропорциям и архитектурным деталям. Для большей нарядности их двери окрашивались в красный, а торцы бревен в белый или черный цвета.

Особенно красивы амбары в Айновой горе и Шардонеме, стоящие в линию от шести до девяти штук в ряд.

Амбары эти представляют собой один из древнейших типов складских помещений. По конструкции они просты и восходят к очень раннему времени. Плотник — «древодел» находил четыре близко расположенных друг к другу дерева, срубал их на одном уровне и наверху сооружал клеть. Такая клеть была надежно защищена от диких зверей и грызунов. Помещение амбаров невелико, сторона составляет 2—2,5 метра, высота до 3 метров. Над землей они приподнимаются на 0,7—1,0 метра. Столбовым опорам придается форма конуса, пересеченного цилиндром, который преграждает путь грызунам. Амбары эти в основ-

102. Амбары в селе Шардонем

ном четырехстенные, но встречаются и пятистенные, поставленные на шесть столбов. Перед входом на помост амбара устраивались лестницы из врытых в землю, последовательно возрастающих по высоте бревен, обычно двух или трех.

От Усть-Пинеги до Архангельска — последний участок Северной Двины. Река становится еще шире и делится на несколько рукавов. Прибрежные территории входят в пределы Холмогорского района — родины великого Ломоносова. В этих местах тоже немало памятников русского зодчества.

До настоящего времени здесь сохранились церкви в виде восьмерика, покрытого шатром. По сей день существует известная Никольская церковь (1589 г.) в Лявле около города Архангельска, стоящая на высоком правом берегу Двины. Она имеет приземистое очертание и широкий и низкий шатер. По некоторым данным, первоначально церковь не была внутри подшита низким потолком, весь ее шатер был открыт целиком. Другая значительная

церковь этого типа — Паниловская Никольская, сооруженная в 1600 г., уже не существует. В этой церкви, так же как и в лявлинской, к основному восьмигранному срубу примыкало два прируба — с востока и с запада, — завершенные бочками. К западному прирубу присоединялась, в свою очередь, трапезная, равная по ширине основному объему. Несмотря на то что шатер ее был уж не столь высок и строен, а главка по отношению к шатру довольно велика, в целом церковь отличалась хорошими пропорциями и какой-то особой гармоничностью форм.

Заповедником русского деревянного зодчества является погост Чухчерьма на Северной Двине. Здесь были построены многоглавая Ильинская церковь, колокольня и Васильевская церковь. Наиболее значительна была первая из них, но, к сожалению, она погибла от пожара в 1920-х гг. Возведенная в 1657 г. Ильинская церковь по своей композиции несомненно подражала каменным сооружениям XVI — первой половины XVII в. Отсюда трактовка основного объема — четверика, как простого, четко очерченного фасадными плоскостями куба, несущего целое «семейство» небольших, покрытых лемехом, глав, расположенных над плоской четырехскатной крышей. Всего их было девять. Центральная глава была поднята на невысокий шатер. Остальные расставлены параллельно обрезу крыши — четыре по углам сруба, остальные по осям фасадов. Основной куб дополняли два квадратных в плане прируба — алтарный и входной — для паперти, оба завершенные бочками. Западный прируб окружен был низкой галереей. Своеобразие церкви усиливалось тем, что не только сами главы, но и поддерживающие их довольно крупные массивные шей-барабаны были целиком покрыты лемехом.

Заслуживали внимания и интерьеры Ильинской церкви. Дверь, ведущая в основное помещение церкви, завершалась кокошником, широкий наличник увенчивался изящно профилированным треугольных очертаний карнизиком. Вертикальная «накладка» на одну из створок, прикрывавшая щель между дверными полотнами, имела вид колонки, дополненной небольшими «дыньками» и резьбой.

103. Ильинская церковь в селе Чухчерьме. Иконостас

В церкви был чудесный пятиярусный иконостас раннего времени. Он занимал полностью восточную стену храма и был весь заполнен древними иконами. Царские врата иконостаса были покрыты резьбой и украшены слюдой и басмой.

Существующая ныне церковь погоста Чухчерьма — Васильевская датируется обычно первой четвертью XIX в. Но, возможно, она была построена в более раннее время — в XVII столетии. Об этом свидетельствует классически простая композиция клетского храма, «древний» характер сильно заостренной двухскатной крыши, своеоб-

разная и очень сочная по форме пятигранная бочка, покрывающая алтарный прируб.

Колокольня Чухчерьмы, сооруженная в 1783 г., — восьмигранная, шатрового типа. В композиционном отношении она аналогична рассмотренным ранее звонницам сел Кулига Дракованная и Цывозеро, особенно первой из них, поскольку восьмерик и в Кулиге и в Чухчерьме покоится на низком четверике (в колокольне Цывозеро его, как известно, нет).

Говоря о деревянных колокольнях, нельзя не упомянуть о сооружении этого типа в селе Ракулы Холмогорского района Архангельской области. В XVII в. здесь была возведена многостолбная колокольня, основанная не на бревенчатом срубе, а на каркасной конструкции, образованной рядом почти вертикально, с небольшим наклоном поставленных столбов, которые в совокупности образуют форму сильно вытянутой усеченной пирамиды. На столбах были укреплены поярусно настилы, к балкам которых подвешены колокола. Постройку дополняли легкие лестницы-стремянки с перилами. Позднее звонница была обшита тесом, причем обшивка имитировала, в известной мере, каменную конструкцию, состоящую из нескольких постепенно уменьшающихся кверху объемов. Завершалась колокольня пятью шатрами. Колокольни подобного рода встречались в северном зодчестве довольно редко. Обычно многостолбные звонницы увенчивались не пятью, а одним шатром.

Деревянные монументальные сооружения бассейна Северной Двины с ее крупными притоками Вагой и Пинегой достаточно разнообразны по своим типам. Среди них встречаются постройки самых различных композиционно-конструктивных систем, знакомых нам по другим районам русского Севера. «Двинские земли» ни в какой степени не были изолированы в строительно-архитектурном отношении от соседних и даже более дальних территорий. Здесь находим мы и небольшие простейшего вида клетские церкви, как Васильевская в Чухчерьме, и такие своеобразные сооружения, как Георгиевская церковь в Пермогорье, где на основном четверике покоится крещатый

сруб, завершенный крещатой же бочкой с главками. Встречаются и сооружения, в которых в той или иной мере проступает желание подражать большим каменным соборам московского типа (Чухчерьма). Но, несомненно, наибольшее распространение в Двинском районе получили две конструктивные системы: центральное объема в виде восьмерика, покоящегося на четверике, и в виде высокого восьмерика, поставленного непосредственно на землю. Из этих двух систем предпочтение отдавалось второй. Особенно многочисленны церкви в виде восьмигранного сруба, завершенного шатром и дополненного двумя прирубами — восточным и западным (Белая Слуда, Лявля и др.). Прирубы увенчивались почти всегда бочками. Двухприрубная структура распространялась в полной мере и на церкви типа восьмерик на четверике.

104. Васильевская церковь в селе Чухчерьма

Среди восьмигранных церквей встречаются постройки, возведенные по древнему правилу «храма о двадцати стенах» (церковь в Заостровье и др.). Своеобразным вариантом двадцатистенного сооружения является Троицкая церковь в Неноксе, где над прирубами возвышаются шатры, отчего вся постройка становится пятишатровой.

Церкви, имеющие в основании четверик, часто были крестообразные в плане (село Конечгорье). Некоторые сооружения, дополненные приделом, приобретали асимметричную форму. Это придавало им особую живописность (Фроло-Лаврская церковь в селе Ростовском).

Церковным зданиям бассейна Двины не были свойственны сложные покрытия. Применялись почти исключительно шатры и бочки. Крещатые бочки встречаются сравнительно редко. Можно выделить небольшую группу храмов, в которых основной четырехгранный сруб увенчивается невысоким шатром, завершенным крещатой бочкой с главками (церковь в селе Едома на Пинеге).

Сооружения района Двины, Ваги, Пинеги содержат много интересно композиционно решенных крылец и галерей с многочисленными резными деталями. Резьбой обогащены также входные двери-порталы, окна и иконостасы. Некоторые из них поражают богатством форм и совершенством технического выполнения. Исключительное разнообразие декоративных форм дают также крестьянские дома и хозяйственные сооружения.

Приближаясь к району Архангельска, уделим некоторое внимание градостроительным вопросам. Мы уже отмечали, что до основания Архангельска административным и торговым центром Придвинья были Холмогоры. Они упоминаются впервые в письменном документе, относящемся к середине XIV столетия. Холмогоры были не только речным, но и морским портом. Здесь велась оживленная торговля между иностранными и русскими купцами. Между тем Холмогоры находились в ста двадцати километрах от моря, и товары с крупных судов приходилось перегружать на речные из-за мелководья Северной Двины. Необходимо было создание нового порта ниже по течению реки. Последний и был основан в конце XVI в. при

Иване IV. Порт этот, названный Ново-Холмогорами, возник примерно в сорока пяти километрах от Белого моря на правом берегу Двины, там, где стоял Михайло-Архангельский монастырь. По мере развития Ново-Холмогор, старые Холмогоры утратили свое значение и превратились в скромный посад. В дальнейшем это — заштатный окраинный городок Российского государства. Сейчас село Холмогоры — районный центр Архангельской области.

Для нас всех это место имеет особое значение. Оно связано с именами видных деятелей отечественной культуры — великого ученого Михаила Ломоносова и знаменитого русского скульптора второй половины XVIII в. Федота Шубина. Вблизи Холмогор, в селе Денисовка (ныне Ломоносовское), прошли детские годы Ломоносова. Отсюда в 1730 г. он и отправился для прохождения «курса наук» в Москву. Отсюда же позже — в 1759 г. — пришел в Петербург сын соседа Ломоносова Федот Шубин. Ломоносов помог поступить ему в Академию художеств. Это предопределило всю дальнейшую жизнь и творчество замечательного русского ваятеля.

До прибытия в Петербург Шубин, как и многие холмогорцы, занимался резьбой по кости. Этот древний промысел продолжает существовать в Холмогорах и в наши дни.

В Холмогорах сохранился Спасо-Преображенский собор, возведенный в 1685 г. Композиция его в значительной степени обусловлена влиянием московской архитектуры того времени.

Иначе сложилась судьба Ново-Холмогор. Сразу же после основания город был окружен мощными бревенчатыми стенами, неизменно восхищавшими иноземными купцами и путешественниками. В 1613 г. город приобрел полную административную самостоятельность и получил, как известно, свое окончательное наименование — Архангельск. Ежегодно в нем бывали сотни иностранных торговых судов.

При Петре I роль Архангельска еще более возросла — он стал губернским городом. В конце XVII в. в бытность свою в Архангельске Петр произвел закладку на острове Соломбала корабельной верфи и адмиралтейства.

В 1701 г. начались работы по сооружению Ново-Двинской крепости — в девятнадцати километрах от Архангельска. Она предназначалась для защиты от возможного нападения шведов. Будучи в 1702 г. в Архангельске и наблюдая за строительством крепости, Петр I жил на острове Марков в небольшом домике, специально для него построенном. Этот скромный домик из четырех комнат находится с 1933 г. под Москвой в Коломенском филиале Государственного Исторического музея.

В Петровское время Архангельск преуспевал и все более расширял свои торговые связи. Однако в 1703 г. у него появился сильный конкурент — Петербургский порт. С 1722 г. морская торговля через Архангельск резко сократилась. Правительство ограничило ввоз товаров в этот город потребностями самого Архангельска. С этого времени и до начала 1760-х гг. вся торговля с Западной Европой шла через Балтийское море.

Вновь начал расширяться архангельский морской порт со второй половины XVIII столетия. Огромное значение для дальнейшего его развития имело резкое увеличение вывоза за границу русского леса. Строятся многочисленные лесопильные заводы, новые морские причалы.

В настоящее время Архангельск — один из основных морских портов страны, крупнейший центр лесоперерабатывающей промышленности и судостроения.

Город растянулся по высокому правому берегу Северной Двины на многие километры. Он давно уже перекинулся на соседние Соломбальские острова.

Когда стоишь на набережной в центре Архангельска, перед тобой раскрывается широкая панорама могучей реки, уходящей многочисленными рукавами в сторону Белого моря. На двинском рейде и у причалов — темные корпуса пароходов, лесовозов под флагами многих стран. Левее — тонкая ажурная решетка нового огромного моста через Двину, построенного в 1965 г.

Современный Архангельск раскинулся широко своими причалами, портowymi сооружениями, заводами, верфями. Но его «историческая» центральная часть относительно компактна. Планировка ее определялась постепенно, в ходе

застройки раннего времени, но должную четкость, стройность она приобрела лишь в конце XVIII в., когда после губительного пожара 1793 г. Комиссией Каменного строения был разработан и «высочайше» утвержден генеральный план застройки Архангельска. Подковообразно изогнутые очертания города повторяют линию берега. Полоса городской застройки сильно растянута, но не глубока. Основные магистрали идут параллельно реке, в том числе и главная из них — проспект Павлина Виноградова (бывший Троицкий проспект). Их пересекают под прямым углом улицы, сбегающие к Северной Двине.

Еще в начале XX в. в городе преобладали деревянные дома. Это в значительной степени оправдывалось неустойчивыми грунтами, а также обилием леса. До настоящего времени отдаленные от Двины кварталы застроены преимущественно старыми двухэтажными деревянными зданиями, кстати, имеющими в своем облике некоторые сходные черты с крестьянскими домами северного типа. На некоторых дальних улицах сохранились деревянные мостовые, образованные сплошным накатом бревен, уложенных поперек проезда, и деревянные мостки. Впрочем, эта северная «экзотика» доживает в Архангельске последние дни.

Каменные сооружения еще в XIX в. здесь были исключением. Поэтому художественно значительных памятников XVIII—XIX вв. в Архангельске очень мало.

Главное место в старинной архитектуре Архангельска занимает Гостиный двор — один из крупнейших и интереснейших памятников русского зодчества второй половины XVII в. Он находится в самом центре города и выходит главным фасадом на набережную Северной Двины. Это огромное каменное сооружение было заложено в 1668 г. и строилось до 1684 г. Образцом для него послужил московский Гостиный двор. Фактически создавался, как его тогда называли, «каменный город» — торгово-административный центр Архангельска. Он состоял из двух основных частей: русского Гостиного двора и находившегося по соседству «немецкого» Гостиного двора (то есть Гостиного двора для иностранцев) со складом товаров и

105. Архангельск. Гостиный двор

таможней. Уже после начала работ — в 1671 г. из Москвы был прислан архитектор Дмитрий Старцев, который составил новый проект, предусматривавший объединение обоих «дворов», постройку в центре здания административного назначения, а также превращение двора в крепостное сооружение, цитадель. Проект был утвержден в Москве и в таком виде осуществлен.

Общее протяжение Гостиного двора по берегу Двины — около 400 метров. В плане Гостиный двор представляет собой неправильных очертаний скошенную трапецию. Внутренние дворы имеют ромбовидную форму и ограничены со всех сторон цепочкой мелких двухэтажных помещений. В первом этаже находились склады, во втором — собственно торговые ряды и складские помещения, объединяемые аркадой. Всего таких торгово-складских секций около ста двадцати.

К основным корпусам примыкают круглые башни. Четыре башни расположены по четырем углам Гостиного двора,

пятая находится в средней части корпуса, обращенного к Двине, шестая — на противоположной стороне.

Глухие стены дворовых фасадов завершались аркадами. Главным декоративным элементом служили «кессоны», они использовались для оформления столбов, поддерживавших арки, и проходили сплошным горизонтальным поясом по низу этих арок. Наружные стены, лишенные оконных проемов, придавали зданию характер крепостной постройки.

Декоративная отделка сооружения исполнена в характере московского зодчества XVII в. Обращают внимание красиво нарисованные карнизы. В обработку стен включены были изразцовые вставки.

Большой интерес в историко-архитектурном отношении представляет остров Соломбала, находящийся за ближайшим к центру Архангельска рукавом Северной Двины — Кузнечихой, — бывший военно-морской район Архангельска. Сейчас он совершенно изменил свое назначение и приобрел индустриальный характер. На Соломбале при Петре I возникло адмиралтейство и судостроительная верфь. Здесь стали селиться строители кораблей и морские чины. Планировка Соломбалы — строго регулярная, улицы-линии идут параллельно одна другой. По некоторым из них были прорыты каналы. Любопытно, что то же самое почти одновременно делалось и в Петербурге на Васильевском острове. Один из каналов сохранился до наших дней. Вполне возможно участие в планировке Соломбалы архитектора Доменико Трезини, который в 1700 г. прибыл из Дании в Архангельск и задержался здесь на некоторое время перед отправкой в Нарву, а затем во вновь основанный Петербург.

Архангельский порт, как один из крупнейших в России, был всегда под особым наблюдением Морского министерства.

Назначенный в начале XIX в. главным архитектором Адмиралтейского ведомства великий русский зодчий Андрей Захаров немало сделал по реконструкции и расширению зданий и сооружений Архангельского адмиралтейства на Соломбале.

Следует отметить, что на Соломбале находится очень интересное в историческом отношении кладбище, на котором есть надгробия виднейших флотоводцев-адмиралов конца XVIII — начала XIX в. — С. Пахтусова и других.

Среди скульптурных монументов Архангельска назовем памятник М. Ломоносову работы замечательного скульптора И. Мартоса. В настоящее время он находится перед зданием Лесотехнического института.

Архангельск ныне — большой и оживленный, быстро развивающийся город. За годы Советской власти в нем построено много крупных сооружений, в том числе Дом Советов, здание Большого драматического театра, Центральная гостиница и другие. Возникло большое число новых образцовых жилых кварталов. Архангельск продолжает расти, он все более расширяет свои пределы. Все, что строится, осуществляется на основе перспективного плана развития города. Но эта тема должна была бы составить содержание особой книги.

П О Р Е К Е
М Е З Е Н И

Мезень отделена от близлежащих рек — Северной Двины, Кулоя и Пинеги непроходимыми лесами и болотами. Поэтому сюда по суше дороги нет. Только самолет или пароход могут вас доставить в этот суровый край. Если лететь на самолете, то внизу, под его крылом, на сто километров простирается ржавое, почти без всякой растительности «Пать-болото», которое подходит вплотную к берегу реки и тянется от села Лешуконское до самого устья реки — Мезенской губы.

Взяв начало в болотах на западных склонах Тиманского кряжа, Мезень спокойно течет в высоких лесистых берегах и только в своем нижнем течении, от места впадения в нее реки Вашки, разливается широко, раздвигая берега на многие километры. И каждый впервые приехавший на Мезень, словно зачарованный, не может оторвать взгляд от тихой блестящей черно-серой поверхности воды, от синюшного вдаль леса, от красных, высоких, отвесных берегов, которые иногда вдруг неожиданно понижаются, только, казалось бы, для того, чтобы приютить деревушку, защитив ее от жестоких северных ветров.

От Мезени веет эпосом, легендой. Она неповторимо прекрасна в холодную ветреную погоду, когда дует сверху с мелкой пылью дождя, а по небу низко ползут, почти касаясь гребней волн, серые рваные тучи. В такие дни весь пейзаж обобщается. Воедино с природой сливаются и мощные избы-усадыбы, и ветряные мельницы на пригорках.

Заселение Мезени началось давно. Наиболее древними были поселения новгородцев, которые двигались к востоку из Поморья и от Северной Двины. С юга, от верхнего ее течения, и с Сухоны продвигались московские люди. Здесь, на Мезени, обе ветви слились, и уже в документах XV в. земли по реке Вашке названы исконными землями князя Московского. Однако в низовьях реки русские поселения появились лишь в XVI в.

Селения по реке расположены не равномерно — иногда кучно, иногда они отстоят на десять-двенадцать километров друг от друга. Большая часть деревень на Мезени очень древнего происхождения. Они сохранили свои

106. Схема расположения памятников по реке Мезени

старинные названия: Пылема, Кельчеггора, Юрома, Кеслома, Азополье, Лампожня. Почти все деревни тянутся вдоль узкой обрывистой береговой полосы в один или в два ряда домов.

Одно из наиболее характерных северных селений на Мезени — деревня Юрома. Она находится на правом берегу реки, в сорока километрах от административного центра, села Лешуконского. Начиная с XVI в. Юрома

неоднократно упоминается в новгородских церковных грамотах. В «Списке населенных мест Российской империи», изданном в 1861 г., указывается, что в Юrome уже было двадцать одно хозяйство со ста двадцатью жителями.

Дома стоят близко к обрыву, оставляя лишь неширокий проезд — улицу. Интересной особенностью этой улицы, впрочем, как и всех других в старинных мезенских прибрежных селах (Палуга, Азополье, Кузьмин-городок), является деревянная набережная, ограничивающая первый «порядок» домов.

Появление деревянных набережных было обусловлено чисто утилитарной потребностью. Спокойная летом, но бурная осенью и особенно в весеннее половодье, Мезень легко размывает непрочный грунт берегов, состоящий из суглинистого песчаника. Порода, осыпаясь и оползая, часто увлекает за собой в реку целые участки дороги, а иногда амбары и бани, расположенные близко к обрыву.

Нередко жилые и культовые постройки многих селений бассейна рек Мезени и Пинеги приходилось переносить по несколько раз на новые безопасные места. Поэтому, чтобы оградить свои дворы и хозяйственные постройки от разрушительного воздействия водной стихии, мезенские крестьяне искусно укрепляли берег целой системой стоек и подпорных бревенчатых стенок. Эти стенки, ограждающие берег, обычно рубились как изба «в обло», причем бревна клались либо плотно друг на друга, как в юромской набережной, либо кладкой венцов «в реж», то есть с просветами между бревнами приблизительно в одну треть их толщины. Такая набережная существует в селе Кимже на притоке Мезени — реке Кимже.

От бревенчатой стенки к домам устраивали дощатую мостовую, огражденную перилами. Она состояла из вертикальных, очень тонких столбиков квадратного сечения с отверстиями, через которые продевались горизонтальные жерди. Очень часто столбики и жерди на концах украшались резьбой. Так, в Юrome в местах спуска к воде горизонтальные перекладины заканчивались вырезанными головами коней, напоминающими охлупни на коньках

107. Охлупень и «полотенце» жилого дома. Село Кельчемгора

108. Охлупень жилого дома. Село Кимжа

жилых домов. Встречаются и другие изображения, но всегда они связаны с образами животных или птиц.

Часто подпорные стены завершались различными сооружениями — банями, амбарами, а иногда и часовнями. Плотники ставили их таким образом, чтобы одна из стен сооружения была продолжением подпорной стены.

В настоящее время село Юрома сильно разрослось: за последние сто лет число домов в нем увеличилось примерно в три раза. Прибрежной низины («щели») не хватило для застройки, поэтому крестьяне вынуждены были использовать землю, занятую пашнями.

Не нарушив традиционной планировки села, параллельно реке возник второй ряд изб, также обращенных к реке. Он отделен от первого ряда дорогой.

Наибольшее распространение на Мезени получил дом-шестистенок со двором. Здесь этот тип жилища встречается в наиболее древнем его виде — избы-двойни. Она состоит из двух находящихся под одной крышей самостоятельных срубов, вплотную придвинутых, имеющих одни сени. На главный фасад выходят два помещения: изба и горница. Они различны по своей площади. Таких домов-усадеб встречается очень много в селениях бассейна рек Пинеги, Мезени и ее притоков — Пезы, Кимжи, Вашки.

В Юrome примером избы-двойни является дом А. Л. Яковлева, расположенный в первом порядке посередине села. Он восходит к началу XIX в. Около дома хорошо сохранился участок старой набережной с амбаром и резным завершением перил в виде головы птицы.

Кроме избы-двойни, на Мезени большое распространение получили еще два типа жилых домов: пятистенок на высоких подклетах и двухэтажные избы. Это большие здания, перекрытые двухскатной, слегка изогнутой кровлей. Форма кровли, выработанная в процессе многовековой практики народных зодчих, как нельзя более соответствует особенностям климата здешних мест. Такая конструкция хорошо выдерживает подчас очень значительную снеговую нагрузку. Мезенские дома, как и те, что встречаются на Северной Двине, особенно в районе Пучуги, имеют большие свесы кровли над главным фасадом. Фронтоны и часть кровли, вынесенные над уличным фасадом, иногда зашивали тесом и расписывали.

Такие дома можно видеть в деревне Заозерье, которая находится в пяти километрах от села Кельчеггора, и в селе Едома на левом берегу реки, напротив Юромы. Дома эти представляют собой высокие пятистенки, украшенные яркой росписью. Дом В. Я. Клокотова в Заозерье построен в 1879 г. Он стоит на кособоре. Изба и горница расположены высоко на подклете. В сени ведет крыльцо, верхний рундук которого покоится на двух столбах. Главный фасад разделен на две неравные части, в правой четыре окна, в левой три. Большой вынос кровли защит тесом и расписан параллельными обшивке рядами крупных красных и синих цветов и виноградных гроздей. На фронтоне — довольно сложная живописная композиция.

По обе стороны полукруглого, с точеными баясинами балкончика, на бирюзовом фоне изображены бегущие навстречу друг другу зеленые львы. Над окнами балкончика выше сливной доски нарисован сад с оградой и деревьями, по бокам его — темно-голубые птицы. Ставни балконных окон украшены изображением тонкой черной веточки с темно-красными ягодами. Ставни и наличники окон дома также очень яркие. Отдельные профили раскрашены в красный, ярко-зеленый и белый цвета, на филенках ставень — красные вазоны с цветами.

Дом В. Я. Клокотова восхищает не только росписью, но и резьбой подзоров, наличников окон, бордюров балкона и прекрасными формами резных столбиков крыльца. Внут-

ри дома сохранилась очень интересная расписная филенчатая стенка шкафа.

Фронтон дома в Едоме, относящийся к концу XIX в., украшен почти такой же композицией. И здесь по зеленому фону бегут оранжевые львы к расположенному в центре окну, по сторонам которого изображены два дерева: одно с широкой кроной, другое без листвы. На подшивку свеса нанесены синие, оранжевые и зеленые полосы. Очевидно, такую же роспись имел и дом в деревне Кельчеггора, но она плохо сохранилась.

Таким образом, в мезенской жилой архитектуре довольно часто встречается украшение фасадов живописью. Она особенно эффектно выглядит в зимнее время. Рядом с белым снегом как бы загораются цветные пятна на фронтоне, ставнях и наличниках окон, придавая дому особую нарядность.

Не менее важным элементом декоративного убранства дома было крыльцо. На Мезени и ее притоках наиболее часто встречаются двухстолбные крыльца. Они состоят из верхней и нижней площадок, соединенных наклонной лестницей. Две стойки верхнего рундука идут от земли, верхняя часть их в виде резных

109. Дом А. Яковлева. Деревня Некрасово

110. Дом В. Клокотова. Деревня Заозерье

111. Дом В. Клокотова. Балкон и роспись фронтона

столбиков держит навес кровли, которая идет до нижнего рундука, закрывая и марш лестницы. Такое крыльцо сделано в доме В. Я. Клокотова в Заозерье.

Редко, но все же встречаются и одностолбные крыльца. Они сложны по своей конструкции и требуют от плотника большого мастерства. На толстый столб, вкопанный в землю, опирается целая система выпускных брусьев, создающих консольную площадку, связанную со стеной дома четырьмя поперечными бревнами. Площадка служит основанием для верхнего рундука, на нее же опираются стойки кровли и лестница. Подобное крыльцо на одном столбе можно видеть на пути из деревни Заозерье в Кельчемгору, в селе Мокшеве, в доме, принадлежащем П. Ф. Клокотову.

Не менее выразительны по силуэту и своеобразны по конструкциям и мезенские мельницы-ветрянки. Чрезвычайно большое количество их находилось в поселениях по реке. Часто они располагались на высоких холмах, окружая деревню тесным кольцом. Еще несколько лет тому назад в Азополье было восемнадцать мельниц, а в конце XIX в. их насчитывалось около тридцати. Сейчас мельниц осталось немного: в Малой Нисогоре, Азополье, Кузмингородке стоит по одной мельнице, в Кимже — две, в Погорельце — три.

Все мезенские мельницы значительно отличаются от заонежских. Они в своей основе имеют ряжевую конструкцию, то есть бревенчатую клетку, на которой вращается мельничный амбар. Сруб такой клетки иногда достигал 5,5—6 метров в высоту (мельницы в Погорельце). Каждый венец сруба составляет восемь бревен: четыре наружных образуют клетку, четыре внутренних защемляют осевой стержень. Венцы рубились в мелкую чашку, благодаря чему сруб клетки был разряжен. Такая система врубки делала конструкцию более легкой и экономичной. Клеть в верхней своей части сужалась до размеров поворотного круга, на котором вращалась клеть с мельничным механизмом.

На Мезени сохранилось много амбаров. Это квадратные клетки с нависающими кровлями, резными курицами и огромными охлупнями. Они не изолированы от земли, как на Пинеге, в Шардонеме или Айновой горе, где строения возводились на столбах.

Встречаются на Мезени амбары и с предместьем, то есть с площадкой перед входом, которая устраивалась на выступах нижних венцов боковых стенок. Эта площадка имеет чисто утилитарное назначение. С нее, например, легко и удобно брать мешки с зерном. Над площадкой обычно устраивали навес за счет удлинения верхних бревен сруба. Благодаря таким выступам амбар приобретал выразительный силуэт.

Большое количество амбаров этого типа встречается и в Юроте, и в соседней деревне Некрасово, и в Кельчемгоре.

112. Крыльцо дома
П. Клокотова. Село
Мокшево

113. Амбар. Деревня
Юрома

114. Мельница в селе
Кимжа

Одигитриевская церковь
в селе Кимжа

115. Общий вид

116. Главы

Что же касается культовой архитектуры мезенского бассейна, то можно сказать, что ее почти не существует. Кроме церкви в Кимже и нескольких часовен, ничего не сохранилось. К сожалению, некоторые первоклассные церковные сооружения погибли уже в XX в. В первую очередь следует упомянуть знаменитый Юромский Великодворский погост, сгоревший от молнии в 1930 г. Это был целый ансамбль, состоящий из двух церквей — Михаила - Архангела и Ильинской — и колокольни. Весь храмовый комплекс стоял в центре Юромы. Особенно знаменита была шатровая пятиглавая церковь Михаила - Архангела (1685 г.), которую И. Грабарь назвал богатырским храмом. «Храм этот — один из наиболее строгих и в то же время стройных, какие были созданы на русском Севере. Изумительно найден силуэт его главной части с бочками, глядящими по сторонам света, а его крыльцо «на отлете» — одно из живописнейших, сохранившихся от подлинной живописной северной старины» — писал он.

Высота центрального объема вместе с луковичной главкой и крестом составляла более сорока метров. Чрезвычайно любопытна одна особенность Михайло-Архангельской церкви. Маленькие главки, располагавшиеся на каждой из бочек крещатой кровли, были наклонены к центральному шатру, что создавало еще большую вытянутость силуэта вверх, еще более подчеркивало стройность центрального объема четверика.

Церковь была теплой. Она имела две печи, которые топились по-черному. Несмотря на гигантскую наружную высоту церкви, внутреннее ее пространство было чрезвычайно мало. Трапезная имела высоту едва ли более трех метров, собственно церковь — около четырех. Здание освещалось небольшими окошками с северной и южной сторон.

Вторая церковь, И л ь и н с к а я, была построена позднее, в 1729 г. Она также представляла большой интерес вследствие редкого, едва ли не единственного в своем роде, сочетания объемов. Центральный объем — четверик на четверике был покрыт шатром, а придел, посвященный апостолам Петру и Павлу, завершался шатром на крещатой бочке, который перекликался с покрытием центрального объема Михайло-Архангельской церкви.

Юромский погост был, безусловно, одним из красивейших церковных ансамблей, величайшим достижением известных русских зодчих Севера. По силе воздействия с ним мог бы сравниться, пожалуй, только Кижский ансамбль.

Еще недавно в деревне Лампожня стояла Троицкая церковь, возведенная в 1781 г. К типу пятиглавых церквей, что и Троицкая, принадлежал построенный в городе Мезень в 1714 г. собор Рождества богородицы, тоже не сохранившийся.

Единственным дошедшим до наших дней культовым сооружением в Мезенском бассейне является, как уже отмечалось, стоящая на окраине села Кимжа великолепная по пропорциям и силуэту Одигитриевская церковь, сооруженная в 1763 г. Она относится к тому же типу храмов пинежско-мезенской школы, которые строились сообразно новым требованиям высшей церковной

117. Поклонный крест.
Деревня Заозерье

власти — пятиглавыми, но в то же время сохраняли и привычный, любимый в народе древний тип покрытия — шатер. Стремление совместить старые формы с требованиями времени привело к появлению покрытия главного объема храма в виде шатра на крещатой бочке с четырьмя главками. Эти бочки были чисто декоративными и предназначались только для несения главок.

Одигитриевская церковь по своему силуэту и объемам очень близка к Михайло-Архангельской церкви в Юроте, если не принимать во внимание построенную позже над сенями звонницу. Двухвходное крыльцо ведет в сени, из которых можно попасть в просторную трапезную, освещенную с севера и юга шестью окнами. Центральный объем отличается от Михайло-Архангельской церкви не-

сколько меньшей высотой, более распланными бочками и узким шатром.

Храм был построен на высоком берегу, в некотором отдалении от реки. На центральный объем церкви ориентирована улица домов второго «порядка».

На главках, барабанах, шатре и бочках прекрасно сохранилась «рыбья чешуя» лемеха, которая была и в церкви в Лампожне. Издали лемеховое покрытие кажется окрашенным в желтовато-коричневый цвет. Однако при более близком рассмотрении становится очевидным, что цвет этот создает мох, покрывающий кровли.

Одигитриевская церковь в XIX в. была обшита, а некоторые части ее — окрашены. Следы окраски сохранились на повалах и алтарной бочке.

Значение этого единственного памятника церковной архитектуры мезенской школы трудно переоценить. Однако он еще очень мало изучен и требует тщательного исследования.

Помимо церквей и часовен, на перекрестках дорог, посередине деревень и на берегах рек, ставились высокие деревянные поклонные кресты с религиозными надписями или с вырезанными на них распятиями. Они заменяли собою часовни. Такие кресты еще сохранились в Заозерье, Едоме, Юrome, Кельчемгоре. Их высота достигает очень больших размеров. В Кельчемгоре и на берегу Мезени близ Кимжи стоят кресты четырех-пяти-метровой высоты.

Интересно отметить, что часто резьба на крестах носит чисто декоративный характер. Если на лицевой стороне обычно крестьянский художник вырезал распятие, то обратная сторона вертикальной стойки креста украшалась резными буквами, расположенными парами сверху вниз по алфавиту. Таким образом, вся стойка креста, сплошь покрытая буквицами, как орнаментом, приобретала праздничный вид.

Эта строгая и вместе с тем сочная орнаментика сродни скромным резным узорам деревенских вальков для белья или пряничных досок, еще до сих пор часто встречающихся по берегам Мезени и ее притокам.

Кресты относятся к началу XX в., более ранние не сохранились.

Мезень и до сего дня — один из самых труднодоступных районов русского Севера. Но нелегкая поездка в эти места окупается в полной мере. Именно здесь находится чудесная Одигитриевская церковь, дающая ясное представление об уникальных мезенских строениях, завершенных крещатыми бочками. Тут можно найти жилые дома с расписными ставнями и фронтонами и старинные мельницы-монументы.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Зодчество русского Севера — не изолированное явление в истории русской архитектуры. Условно в какой-то мере сама южная граница русского Севера. В самом деле, в каких-нибудь ста восьмидесяти — двухстах километрах к югу от Вологды лежат Ярославль и Кострома — города, во многом тяготеющие к Москве, во всяком случае территориально близкие к ней. Ярославское и Костромское зодчество обычно не относят к северной архитектуре, но наличие ряда общих признаков, общих стилистических моментов во многих сооружениях, скажем, Вологды и Устюга — с одной стороны, и Ростова Великого — с другой, несомненно. Известны и факты, когда в названных северных городах работали мастера-строители из Ростова и Москвы (строительство Успенского собора в Устюге и др.).

Условен и другой «участок» границы русского Севера. Деревянное зодчество Ленинградской области часто присоединяют к северной архитектуре, но ведь рядом — Новгородская и Калининская области. В их пределах находятся деревянные постройки — жилые дома, церкви, — чрезвычайно сходные с теми, которые можно обнаружить в местностях к югу от Ладожского и Онежского озер. Общие с северным строительством черты наблюдаются даже у деревянных сооружений и в более близких к центру областях.

Причины этого лежат как в наличии единого строительного материала, диктующего в условиях сходного климата применение одних и тех же конструктивных приемов, так и в единстве этнической и культурной среды в пределах одного национального государства.

Определяющее значение для установления культурной и художественной, а также и архитектурно-строительной общности между Севером страны и ее основными районами, а также взаимовлияния между ними, имели: в более ранний период колонизация новгородцами северных и северо-восточных земель, и в более позднее время — распространение на них влияния Москвы и последующее включение их в состав Московского государства.

Несомненно, в каждой из областей, в каждом из районов существовали свои особые строительные традиции и приемы. Однако черты сходства в архитектурных формах различных территориальных районов все же явно преобладали над чертами различия. Большое значение в этом отношении имело приглашение в тот или иной город, в тот или иной монастырь мастеров не только из соседних, но и дальних мест.

Обратимся к деревянному зодчеству и сопоставим несколько композиционных типов сооружений, встречающихся в пределах северных и основных районов России.

Наиболее простой в плановом и конструктивном отношении тип клетских церквей, неоднократно встречающийся нам на Севере, представлен памятниками к югу от Архангельской, Вологодской и Ленинградской областей. Достаточно вспомнить уникальную Преображенскую церковь, стоявшую в селе Спас Вежи Костромской области (1628 г.) и ныне перевезенную в бывший Ипатьевский монастырь.

Другой, не менее распространенный тип — ярусных церквей, представленный храмами сел: Верхняя Кокшеньга, Пермогорье Архангельской области и другими, имеет в центральной части СССР замечательные образцы. Среди них церковь села Богословского на реке Ишне Ростовского района Ярославской области с ее двумя ярусами восьмериков на основном квадратном объеме, церковь села Холм Ярославской области, состоящая в основной своей части из двух восьмериков — большого и маленького, завершенного крещатой бочкой, и, наконец, вся устремленная ввысь четырехъярусная церковь в Торжке. Нельзя не упомянуть об уникальной по-своему Предтеченской церкви Широковского погоста в районе Осташкова, состоящей из трех ярусов постепенно уменьшающихся кверху четвериков, каждый из которых перекрыт восьмискатной крышей.

Идея сочетания восьмериков с прямоугольным срубом — четвериком, столь распространенная в северном зодчестве, может быть обнаружена во многих — сохранившихся или существовавших ранее — памятниках деревянного зодчества центральной европейской части России. По этому принципу построены, в частности, церкви села Коровное

в районе города Солигалича, села Заварино близ Бронниц Московской области, села Кременское Калужской области и другие.

Нам хорошо известны выдающиеся памятники, построенные в бассейне Северной Двины, в Заонежье по системе восьмерика, увенчанного шатром с двумя — восточным и западным — прирубам. Подобного рода церкви известны не только на Севере. Древнейший тип русского храма «о двадцати стенах» представлен в пределах Костромской области великолепной церковью в селе Березовце на реке Ноле.

Общностью форм характеризуются также и крепостные деревянные сооружения, строившиеся в различных частях страны, — Кемский острог, Николо-Карельский монастырь, Якутский острог и другие. О единстве архитектурных форм Севера и центральной полосы России свидетельствует и дворец в Коломенском.

Деревянное зодчество не только было широко распространено по всей территории Древней Руси, но на протяжении веков являлось, по существу, единственным видом строительства.

Однако на Севере сохранилось несравненно большее число памятников деревянного зодчества, чем в центральной части Союза. Недостаток материала для исследования старинных сооружений в различных областях Древней Руси пополняется за счет изображений русских городов иностранцами-путешественниками — Олеарием, Пальмквистом, Мейербергом. Кроме того, значительную помощь в этом деле оказывают архитектурные фоны — стаффажи икон и фресковых росписей.

Общезвестно, что формы деревянного зодчества оказали огромное влияние на архитектуру каменных сооружений. Во многих каменных постройках центральной части СССР совершенно явно проступает деревянная первооснова, прототипы, определившие само появление данного композиционного типа — сочетание поставленных друг на друга восьмериков и четвериков. Таковы — надвратная церковь Ново-Иерусалимского монастыря, церкви в Уборах и другие. Более ранние, не дошедшие до нас деревянные

ярусные и шатровые храмы передали свою форму каменным сооружениям последующего времени. Последние также подтверждают вывод о чрезвычайной близости форм деревянного зодчества северных и центральных районов страны.

Однако северная деревянная архитектура, несомненно, имела и свои особые, только ей одной свойственные черты. Памятники монументальной архитектуры Севера отличаются большим лаконизмом, строгостью форм. Им присуща какая-то особая суровость, соответствующая общему характеру, общему настроению северной природы. Храмы Севера не богаты декоративными деталями, внешний их облик почти лишен украшений. Если последние и применялись, то почти исключительно на крыльцах и обходных галереях. Остальные детали — павалы, кровельное покрытие крыш и глав, обрамление окон, врубки — связаны с конструкцией и являются фактически частями ее. Основное в северной архитектуре — это общее сопряжение объемов, сочетание обих масс, их пропорции и силуэт. Силуэту зданий зодчие уделяли особое внимание. Преобладающая в деревянной архитектуре форма шатра была особенно любима русскими мастерами. Стреловидные шатры своим смелым взлетом еще более подчеркивали равнинность русского северного пейзажа.

Высотность всегда была в глазах русских людей едва ли не самым важным признаком красоты. В жертву ей приносили и соображения экономического порядка, ибо в подавляющем большинстве почти вся высотная часть закрывалась потолком и внутренний объем храма был значительно меньше внешнего объема здания.

В условиях Севера шатровые и ярусные сооружения имели особое значение. При чрезвычайной разреженности населения, когда села отделялись друг от друга десятками, а иногда даже и сотнями верст, постройки шатрового или ярусного типа служили своеобразными высотными доминантами, обозначавшими местонахождение данного населенного пункта, своеобразными символами его, будь то село, посад или монастырь. Характерно, что одна из версий о происхождении шатровой формы храма утверждает,

что последняя впервые возникла в северной деревянной архитектуре.

Необходимо отметить еще одну черту, присущую монументальным памятникам русского Севера, — особую живописность объемной структуры, общего композиционного строя. Достаточно вспомнить церковь Неноксы, Кемский собор и другие сооружения.

Крестьянские дома Севера, пожалуй, в наибольшей степени отличались от крестьянских изб центральной полосы России. Они были более крупными по размерам, часто двухэтажными и, в противоположность культовой архитектуре, обладали богатым резным убранством фасадов. Все это в значительной мере объяснялось иными социальными условиями жизни крестьянства, фактическим отсутствием здесь, на севере, крепостного права. Появление двухэтажных изб обусловлено привычкой строить, в связи с суровым климатом, дома на высоких подклетах. Большие размеры построек определялись необходимостью держать при доме домашний скот, хозяйственный инвентарь и продовольственные запасы.

Каменное строительство на Севере в большей степени, чем деревянное, зависело от воздействия архитектуры Москвы и центральных районов России. Традиции деревянного строительства сложились в значительной мере здесь, на Севере. Своих собственных традиций каменной архитектуры Север не имел, все то самостоятельное и оригинальное, что здесь было, возшло на почве, вздобренной Москвой и отчасти Ростовом и Ярославлем.

Достаточно вспомнить хотя бы строительство в Вологде Софийского собора по образцу московского Успенского, возведение Старцевым Гостиного двора в Архангельске. Много общего в архитектуре ряда устюжских и вологодских церквей — в композиции и особенно в фасадной проработке, исполненной в стиле узорочья, — с сооружениями Ростова Великого, Ярославля, Костромы, других городов и, наконец, самой Москвы. В некоторых случаях можно обнаружить полную идентичность в обрамлениях окон и входных порталов, в декорировке завершающих частей фасадов.

Все это вполне объяснимо. В XVII в. торговые и как следствие их — культурные связи между городами укрепляются и влияние Москвы во всех отношениях становится определяющим.

Воздействие московского зодчества (в широком смысле этого слова) на архитектуру Севера ни в какой мере не исключает обратного влияния. Вполне естественно, что такой первоклассный памятник, как собор Введенского монастыря в Сольвычегодске, мог оказать и оказал влияние на московские сооружения 90-х гг. XVII в. Вполне понятно, что Рождественская церковь в Нижнем Новгороде, построенная на средства Строгановых, получила архитектурную декоративную отделку, сходную с основным строгановским сооружением — только что названным Сольвычегодским собором.

Детальное сопоставление памятников с целью установления связей между русской архитектурой в целом и зодчеством русского Севера не может быть осуществлено в пределах настоящей работы. Это задача специального научного исследования. Но даже общий обзор материала подтверждает наличие их. Эти связи и влияния были очень многообразными и, несомненно, двухсторонними. Но какую бы форму они ни принимали, очевидно высокое художественное качество памятников каменной архитектуры русского Севера. Они представляют для нас не меньшее значение, чем их собратья — уникальные произведения северного народного деревянного зодчества. Эти сооружения в совокупности — одна из важнейших составных частей русского национального художественного наследия.

Совершив путешествие по Заонежью и островам Белого моря, по многим северным рекам и озерам, мы познакомились лишь с частью замечательных деревянных и каменных памятников северной архитектуры. Можно было бы продолжить это путешествие. Съездить в село Кони или Турья, расположенные на реке Вымь, притоке Вычегды, где сохранилось множество старинных изб с разнообразными типами крылец, побывать в Подпорожском районе Ленинградской области, где в Согинцах стоит Никольская церковь (1696 г.), а в деревне Заозерье — маленькая

очаровательная часовенка XVIII в. Можно отправиться за Полярный круг, в одну из бухт Кандалакшского залива, в древнее село Ковда и познакомиться с деревянной церковью Николы (1705 г.).

Русский Север велик, и путешествовать по нему можно без конца, открывая все новые и новые чудесные страницы его истории и культуры. Одной из удивительнейших страниц Севера является народное зодчество, которое до сих пор еще недостаточно изучено, во всяком случае в меньшей степени, чем архитектура Новгорода и Пскова, Владимира и Ярославля.

Настоящая книга, как уже отмечалось, не ставит перед собой непосредственно научно-исследовательских целей. Но она — мы надеемся — будет способствовать повышению интереса широких читательских кругов к северной архитектуре.

Авторы будут считать свою задачу выполненной, если, ознакомившись с произведениями архитектуры, упомянутыми в книге, читатель не останется равнодушным к художественным сокровищам русского Севера.

ЛИТЕРАТУРА

ОБЩИЕ ТРУДЫ

- Ласковский Ф. Материалы для истории инженерного искусства в России. СПб., 1885.
- Суслов В. В. Путевые заметки о севере России и Норвегии. СПб., 1888.
- Суслов В. В. Очерки по истории древнерусского зодчества. СПб., 1889.
- Виноградов А. И. Памятники деревянного церковного зодчества в епархиях Новгородской, Тверской, Ярославской, Иркутской и Красноярской XVII и XVIII веков. СПб., 1892.
- Забелин И. Е. Домашний быт русских царей в XVI и XVII ст., М., 1895.
- Суслов В. В. Памятники древнего русского зодчества. Вып. 1—7. СПб., 1895—1901.
- Забелин И. Е. Черты самобытности в древнем русском зодчестве. М., 1900.
- Потапов А. А. Очерк древнерусской гражданской архитектуры. М., 1902.
- Грабарь И. Э. История русского искусства, т. 1, 2, 1909.
- Известия императорской археологической комиссии, вып. 39 и 57. СПб., 1911—1915.
- Красовский М. Курс истории русской архитектуры. Часть I. Деревянное зодчество, Пг., 1916.
- Евдокимов И. В. Север в истории русского искусства. Вологда, 1920.
- Осипов Д. П. Крестьянская изба на севере России. Вологда, 1924.
- Воронин Н. Н. Очерки по истории русского зодчества XVI—XVII веков. М. — Л., 1934.
- Шахматов А. А. Обзорение русских летописных сводов XIV—XVI вв. М. — Л., 1938.
- Максичов П. Русское деревянное зодчество. «Архитектура СССР», 1940, № 2.
- Забелло С., Иванов В., Максимов П. Русское деревянное зодчество. М., 1942.
- Ащепков Е. Русское деревянное зодчество, М., 1950.
- Тверской Л. М. Русское градостроительство до конца XVII века. Л. — М., 1953.
- Габбе Р. М. Интерьер крестьянского жилища. «Архитектурное исследование», 1955, № 5.
- Маковецкий И. В. Памятники народного зодчества русского Севера. М., 1955.
- Сумбадзе А. Венчатые покрытия в русском деревянном зодчестве. «Архитектурное наследие», 1958, № 10.
- Грабарь И. Э., Кеменов В. С., Лазарев В. Н. История русского искусства, т. 1, 3, 4, 5, М., 1958—1960.
- Маковецкий И. В. Архитектура русского народного жилища. М., 1962.
- Воронин Н. Н. Зодчество северо-восточной Руси XII—XV веков, т. 1, М., 1961; т. 2, М., 1962.

Антонова В. И. и Мнева Н. Е. Государственная Третьяковская галерея. Каталог древнерусской живописи, т. 1, 2. М., 1963.

ЗАОНЕЖЬЕ

Озерецковский Н. Путешествие по озерам Ладожскому и Онежскому. СПб., 1792.
Краткое историческое описание приходов и церквей Архангельской епархии, вып. 2—3. Архангельск, 1895.
Крестьянское искусство СССР. Искусство Севера. Заонежье. Л., 1927.
Габеев Р. М. Карельское деревянное зодчество. М., 1941.
Ополовников А. В. Памятники деревянного зодчества Карело-Финской ССР. М., 1955.
Сообщения Государственного Русского музея, вып. 7 и 8. Л., 1961—1964.
Смирнова Э. С. Кижи (фотоальбом). Л.—М., 1965.

БЕЛОМОРЬЕ

История первоклассного ставропигиального Соловецкого монастыря. СПб., 1889.
Историческое описание Крестного второклассного монастыря Онежского уезда Архангельской губернии. Архангельск, 1903.
Савич, Соловецкая вотчина XVI—XVII вв., 1927.
Ополовников А. В. Успенская церковь в селе Варзуга. «Архитектурное наследство», 1955, № 5.
Максимов П., Свирский И. Новые материалы по древним зданиям Соловецкого монастыря. «Архитектурное наследство», 1958, № 10.
Ильин М. А. Крестный монастырь на Кий-острове. «Архитектурное наследство», 1962, № 14.

ПО РЕКАМ СВИДИ И ОНЕГЕ

Кораблев. Этнографический и географический очерк г. Каргополя. М., 1851.
Забелло С. Каргопольская экспедиция. «Архитектурное наследство», 1955, № 5.

ПО ВОЛОГОДСКОЙ ЗЕМЛЕ И НИЗОВЬЯМ ВЫЧЕГДЫ

Никольский Н. Кирилло-Белозерский монастырь и его устройство до второй четверти XVII в. (1397—1625), т. 1, вып. 1. СПб., 1897.
Покрышкин П. П., Романов К. К. Древние здания в Ферапонтовом монастыре Новгородской губернии. «Известия императорской археологической комиссии», вып. 28. СПб., 1908.
Ростиславов А. Сольвычегодские соборы. «Старые годы», декабрь, 1912.
Дунаев В. И. Город Вологда. М., 1914.
Макаренко Н. Путевые заметки и наброски о русском искусстве, вып. 1. Белозерский край. 1914.

Дунаев В. И. Город Великий Устюг. М., 1915.
Макаренко Н. Искусство Древней Руси. У Соли Вычегодской. Пг., 1916.

Тельтевский П. А. Великий Устюг. М., 1960.
Брайцева О. И. Конструктивные особенности архитектурных деталей Введенского собора в г. Сольвычегодске. «Архитектурное наследство», 1962, № 14.
Тельтевский П. А. Памятники архитектуры XVIII в. в Тотеме. «Архитектурное наследство», 1962, № 14.

ПО РЕКАМ СЕВЕРНОЙ ДВИНЕ И ПИНЕГЕ

Верещагин В. В. По Северной Двине. М., 1896.
Переплетчиков Б. Север. Очерки русской действительности. М., 1906.
Сластухин Н. Поездка в Кавролу и Немногу. «Архитектурно-художественный еженедельник», № 29—30, 1915.
Переплетчиков Б. На Северной Двине. Сборник Архангельского общества краеведения. Архангельск, 1924.
Гемп К. и Кибирев М. Архангельский Гостиный двор. «Архитектурное наследство», 1958, № 10.

ПО РЕКЕ МЕЗЕНИ

Крестьянское искусство СССР. Искусство Севера. Пинежско-Мезенская экспедиция. Л., 1928.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ
LIST OF ILLUSTRATIONS
LISTE DES ILLUSTRATIONS

ЗАОНЕЖЬЕ
ZAONEZHYE
ZAONÉGIÉ

1. Киж. Вид с юго-запада.
Kizhi. View from the south-west.
Kigl. Vue du sud-ouest. 14—15
2. Преображенская церковь. Главы.
Church of the Transfiguration of Christ. Cupolas.
Eglise de la Transfiguration. Couples. 17
3. Схема расположения основных памятников Заонежья.
Architectural monuments in Zaonezhye. General plan.
Plan général de l'emplacement des monuments de la région de Zaonégie. 18
4. Преображенская церковь в Кижях. 1714 г. План.
Church of the Transfiguration of Christ at Kizhi. 1714. Plan.
Eglise de la Transfiguration à Kigl. 1714. Plan. 20
5. Преображенская церковь. Верхние главы.
Church of the Transfiguration of Christ. Upper cupolas.
Eglise de la Transfiguration. Couples supérieurs. 21
6. Преображенская церковь. Крыльцо.
Church of the Transfiguration of Christ. Porch.
Eglise de la Transfiguration. Perron. 23
7. Преображенская церковь. Иконостас. Вторая половина XVIII в.
Church of the Transfiguration of Christ. Iconostasis. Second half of the 18th century.
Eglise de la Transfiguration. Iconostase. Deuxième moitié du XVIIIe siècle. 25
8. Покровская церковь в Кижях. 1764 г. Вид с колокольни.
Church of the Intercession of the Mother of God at Kizhi. 1764. View from the bell-tower.
Eglise de l'Intercession de la Ste Vierge à Kigl. 1764. Vue du clocher. 29

9. Покровская церковь. Деталь крыльца.
Church of the Intercession of the Mother of God. Porch.
Detail. 30
10. Лазаревская церковь б. Муромского монастыря. XIV в. Кижский заповедник.
St. Lazarus Church of the former Murom Monastery. 14th century. Kizhi Reservation.
Eglise de St Lazare de l'ancien monastère Mouromski. XIVe s. Réserve de Kigl. 33
11. Часовня Петра и Павла на Волкострове. XVII в.
Sts. Peter and Paul Chapel on the Isle of Volkostrov. 17th century.
Chapelle de Pierre et Paul à l'île de Volkostrov. XVIIe s. 34
12. Часовня Петра и Павла. Звонница.
Sts. Peter and Paul Chapel. Detached bell-tower.
Chapelle de Pierre et Paul. Pavillon abritant les cloches. 35
13. Часовня в деревне Корба. XVIII в.
Chapel at the village of Korba. 18th century.
Chapelle au village de Korba. XVIIIe s. 37
14. Часовня архангела Михаила из деревни Леликозеро. XVIII в. Фрагмент. Кижский заповедник.
Archangel Michael Chapel from the village of Lelikozero. 18th century. Kizhi Reservation.
Chapelle de l'Archange Michel du village Lélikozéro. XVIIIe s. Réserve de Kigl. 38
15. Часовня в деревне Подъельники. XIX в.
Chapel at the village of Podyelniki. 19th century.
Chapelle au village de Podyelniki. XIXe s. 39
16. Георгиевская часовня в деревне Усть-Яндома. Конец XVII в.
St. George Chapel at the village of Ust-Yandoma. End of the 17th century.
Chapelle de St Georges au village de Oust-Iandoma. Fin du XVIIe s. 40
17. Георгиевская часовня. Главка.
St. George Chapel. Small cupola.
Chapelle de St Georges. Petit coupole. 41
18. Варваринская церковь в деревне Яндомозеро. 1656 г.
St. Barbara Church at the village of Yandomozero. 1656.
Eglise de Ste Barbe au village de Iandomozéro. 1656. 43

19. Колокольня Варваринской церкви. Конец XVIII в.
Bell-tower of St. Barbara Church. End of the 18th century.
Clocher de l'église de Ste Barbe. Fin du XVIIIe s. 44
20. Успенская церковь в селе Кондопога. 1774 г.
Church of the Assumption at the village of Kondopoga. 1774.
Eglise de l'Assomption au village de Kondopoga. 1774. 46
21. Успенская церковь. Шатер.
Church of the Assumption. Pyramidal roof.
Eglise de l'Assomption. Toit pyramidal du clocher. 47
22. Успенская церковь. Вид с восточной стороны.
Church of the Assumption. View from the east.
Eglise de l'Assomption. Vue de l'Est. 48
23. Успенская церковь. Интерьер.
Church of the Assumption. Interior.
Eglise de l'Assomption. Intérieur. 49
24. Церковь Петра и Павла в деревне Челмужи. 1605 г.
Sts. Peter and Paul Church at the village of Chelmuzhi. 1605.
Eglise de Pierre et Paul au village de Tchelmougi. 1605. 50—51
25. Церковь Петра и Павла. Западный фасад.
Sts. Peter and Paul Church. West façade.
Eglise de Pierre et Paul. Façade de l'Ouest. 52
26. Церковь Петра и Павла. Деталь крыльца.
Sts. Peter and Paul Church. Fragment of the porch.
Eglise de Pierre et Paul. Détail du perron. 53
27. Ильинская церковь на Водлозере. 1798 г.
St. Elias Church at the village of Vodlozero. 1798.
Eglise de St Elie au village de Vodlozero. 1798. 55
28. Дом Ошевнева в Кижях. 1876 г.
House of Oshevnev at Kizhi. 1876.
Maison d'Ochevnev à Kigi. 1876. 56
29. Дом Ошевнева. Балкон.
House of Oshevnev. Balcony.
Maison d'Ochevnev. Balcon. 59
30. Дом Сергеева из деревни Логморучей. XX в. Кижский заповедник.
House of Sergeyev from the village of Logmoruchey. 20th century. Kizhi Reservation.
Maison de Sergéev du village de Logmoroutchey. XXe s. Réserve de Kigi. 60

31. Амбар из деревни Коккояла. XIX в. Кижский заповедник.
Barn from the village of Kokkoyla. 19th century. Kizhi Reservation.
Séchoir à ble du village de Kokkolla. XIXe s. Réserve de Kigi. 61

БЕЛОМОРЬЕ
BELOMORYE
BÉLOMORIÉ

32. Город Кемь.
The town of Kem.
Ville de Kem. 68—69
33. Успенский собор в городе Кемь. 1711 г.
Cathedral of the Assumption at Kem. 1711.
Cathédrale de l'Assomption à la ville de Kem. 1711. 70
34. Успенский собор. Покрытие алтарного прируба Никольского придела.
Cathedral of the Assumption. Roofing of the sanctuary of St. Nicholas Chapel.
Cathédrale de l'Assomption. Toiture du bâtiment abritant l'autel de la chapelle de St Nicolas. 71
35. Схема расположения памятников в районе Белого моря.
Architectural monuments near the White Sea. General plan.
Plan général de l'emplacement des monuments de la région de la Mer Blanche (Béломориé). 72
36. Троицкая церковь в деревне Ненокса. 1727 г.
Trinity Church at the village of Nenoksa. 1727.
Eglise de la Trinité au village de Nenoksa. 1727. 73
37. Соловецкий монастырь. Общий вид.
Solovetsky Monastery. General view.
Monastère Solovetsky. Vue générale. 76—77
38. Соловецкий монастырь. План.
Solovetsky Monastery. Plan.
Monastère Solovetsky. Plan. 78
39. Соловецкий монастырь. Стена у Южной (Архангельской) башни и Архангельские ворота.
Solovetsky Monastery. Wall of the South (Archangel) tower, Archangel Gates.
Monastère Solovetsky. Mur de la tour du Sud (d'Archange) et les portes d'Archange. 80
40. Соловецкий монастырь. Северная (Никольская) башня.
Solovetsky Monastery. North (St. Nicholas) tower.
Monastère Solovetsky. Tour du Nord (de St Nicolas). 81 249

41. Благовещенская церковь Соловецкого монастыря. 1596—1601 гг.
Church of the Annunciation of the Solovetsky Monastery. 1596—1601.
Eglise de l'Annonciation du monastère Solovetsky. 1596—1601. 82
42. Преображенский собор Соловецкого монастыря. 1558—1566 гг.
Cathedral of the Transfiguration of the Solovetsky Monastery. 1558—1566.
Cathédrale de la Transfiguration du monastère Solovetsky. 1558—1566. 83
43. Соловецкий монастырь. Водяная мельница. XVII в. Фрагмент.
Solovetsky Monastery. Water-mill. 17th century. Detail.
Monastère Solovetsky. Moulin à eau. XVIIe s. Fragment. 85
44. Надкладезный храм. Крест, вмурованный в стену апсиды.
Well Church. The Cross cemented into the apse wall.
Temple au-dessus du puits. Croix emmurée dans l'abside. 87
45. Деревянная ограда Крестного монастыря. 1871 г.
Wooden fence of the Krestny (the Holy Cross) Monastery. 1871.
Encelinte en bois du monastère Krestny. 1871. 88
46. Собор Крестного монастыря на Кий-острове. XVII в.
Cathedral of the Krestny (the Holy Cross) Monastery on the Isle of Kiy. 17th century.
Cathédrale du monastère Krestny à l'île de Kiy. XVIIe s. 89
47. Крестный монастырь. Апсида надкладезного храма.
Krestny (the Holy Cross) Monastery. Apse of the Well Church.
Monastère Krestny. Apside du temple au-dessus du puits. 91
48. Вознесенская церковь в селе Кушерека. 1669 г.
Church of the Ascension at the village of Kushereka. 1669.
Eglise de l'Ascension au village de Kouchereka. 1669. 93
49. Вознесенская церковь. Западный фасад.
Church of the Ascension. West façade.
Eglise de l'Ascension. Façade de l'Ouest. 94

ПО РЕКАМ СВИДИ И ОНЕГЕ

DOWN THE SVID RIVER AND THE ONEGA RIVER LE LONG DE LA RIVIÈRE SVID ET DE LA RIVIÈRE ONEGA

50. Схема расположения памятников в бассейне рек Свиди и Онеги.
Architectural monuments along the banks of the Svid River and the Onega River. General plan.

Plan général de l'emplacement des monuments dans le bassin de la rivière Svid et de la rivière Onéga. 104

51. Вид с озера Лача на город Каргополь.
View of the town of Kargopol from Lacha Lake.
Ville de Kargopol vue du lac Lacha. 106—107
52. Рождественский собор в Каргополе. 1562 г.
Nativity Cathedral at the town of Kargopol. 1562.
Cathédrale de la Nativité à Kargopol. 1562. 108
53. Рождественский собор. Фрагмент галереи.
Nativity Cathedral. Gallery. Fragment.
Cathédrale de la Nativité. Galerie. Fragment. 109
54. Воскресенская церковь в Каргополе. XVII в.
Church of the Resurrection at the town of Kargopol. 17th century.
Eglise de la Resurrection à Kargopol. XVIIe s. 110
55. Воскресенская церковь. Апсиды.
Church of the Resurrection. Apse.
Eglise de la Resurrection. Apsides. 111
56. Благовещенская церковь в Каргополе. 1682—1692 гг.
Church of the Annunciation at the town of Kargopol. 1682—1692.
Eglise de l'Annonciation à Kargopol. 1682—1692. 112
57. Благовещенская церковь. Апсиды.
Church of the Annunciation. Apse.
Eglise de l'Annonciation. Apsides. 113
58. Благовещенская церковь. Окно апсиды.
Church of the Annunciation. Window of the apse.
Eglise de l'Annonciation. Fenêtre de l'abside. 113
59. Благовещенская церковь. Фрагмент северного фасада.
Church of the Annunciation. North façade. Fragment.
Eglise de l'Annonciation. Façade du Nord. Fragment. 114
60. Благовещенская церковь. Окна первого этажа северного фасада.
Church of the Annunciation. Windows of the ground floor. North façade.
Eglise de l'Annonciation. Façade du Nord. Fenêtre du rez-de-chaussée. 115
61. Деревня Бор. Жилые дома. XIX в.
Village of Bor. Dwelling houses. 19th century.
Village de Bor. Bâtiments d'habitation. XIXe s. 117 251

62. Никольская церковь в селе Астафьево. XVII в.
St. Nicholas Church at the village of Astafyëvo. 17th century.
Eglise de St Nicolas au village d'Astafyëvo. XVIIe s. 119
63. Деревня Бережная Дуброва.
Village of Berezhnaya Dubrova.
Village de Béréjnaya Doubrova. 122—123
64. Церковь в деревне Бережная Дуброва. 1678 г.
Church at the village of Berezhnaya Dubrova. 1678.
Eglise au village de Béréjnaya Doubrova. 1678. 124
65. Часовня в селе Конево. XVIII в.
Chapel at the village of Konevo. 18th century.
Chapelle au village de Konévo. XVIIIe s. 125
66. Село Турчасово. Порог.
Village of Turchasovo. Architectural Ensemble.
Village de Tourtchasovo. Ensemble architectural. 127
67. Село Турчасово. Благовещенская церковь. 1795 г.; Преображенская церковь. 1781 г.
Village of Turchasovo. Church of the Annunciation (1795);
Church of the Transfiguration (1781).
Village de Tourtchasovo. Eglise de l'Annonciation (1795); Eglise
de la Transfiguration (1781). 128
68. Село Турчасово. Колокольня. 1793 г.
Bell-tower at the village of Turchasovo. 1793.
Chapelle à Tourtchasovo. 1793. 129
69. Село Турчасово. Преображенская церковь. Главы.
Village of Turchasovo. Church of the Transfiguration. Cupolas.
Village de Tourtchasovo. Eglise de la Transfiguration.
Coupôles. 129
70. Село Турчасово. Благовещенская церковь. Трапезная. (Снимок 1962 г.).
Church of the Annunciation at the village of Turchasovo.
Refectory. (Photo taken in 1962.)
Eglise de l'Annonciation à Tourtchasovo. Réfectoire. (Photo
prise en 1962.) 130
71. Порог Вазенты.
Village of Vazentsy. Architectural Ensemble.
Village de Vazentsy. Ensemble architectural. 133

ПО ВОЛОГОДСКОЙ ЗЕМЛЕ И НИЗОВЬЯМ РЕКИ ВЫЧЕГДЫ
THE VOLOGDA REGION AND THE LOWER REACHES
OF THE VYCHEGDA RIVER
REGION DE VOLOGDA ET PAYS D'AVANT DE LA RIVIÈRE
VYCHÉGDA

72. Схема расположения памятников в Вологодской области и низовьях реки Вычегды.
Architectural monuments of the Vologda Region and the lower reaches of the Vychegda River. General plan.
Plan général de l'emplacement des monuments de la région de Vologda et de la basse Vychégda. 140
73. Софийский собор в Вологде. 1568—1570 гг.
St. Sophia Cathedral in Vologda. 1568—1570.
Cathédrale de Ste Sophie à Vologda. 1568—1570. 142
74. Спасо-Прилуцкий монастырь.
Spaso-Prilutsky Monastery.
Monastère Spaso-Priloutsky. 144
75. Кирилло-Белозерский монастырь. Вид с озера.
Kirillo-Belozersky Monastery. View from the lake.
Monastère Kirillo-Bélosersky. Vue du lac. 146—147
76. Кирилло-Белозерский монастырь. Вид с башни.
Kirillo-Belozersky Monastery. View from the tower.
Monastère Kirillo-Bélosersky. Vue de la tour. 150
77. Успенская церковь Кирилло-Белозерского монастыря. 1497—1498 гг.
Church of the Assumption of the Kirillo-Belozersky Monastery. 1497—1498.
Eglise de l'Assomption du monastère Kirillo-Belozersky 1497—1498. 151
78. Ферапонтов монастырь. Ворота. XVII в.
Ferapontov Monastery. Gates. 17th century.
Monastère Férapontov. Portes. XVIIe s. 154
79. Рождественская церковь Ферапонтова монастыря. 1491 г.
Керамические детали фасада.
Nativity Church of the Ferapontov Monastery. 1491. Ceramic decorations of the façade.
Eglise de la Nativité du monastère Ferapontov. 1491. Décorations de la céramique du façade. 155
80. Троицкая церковь в Тотме. 1772 г.
Trinity Church at Totma. 1772.
Eglise de la Trinité à Totma. 1772. 159 253

81. Троицкая церковь. Фрагмент фасада. Trinity Church. Façade. Fragment. Eglise de la Trinité. Façade. Fragment.	160
82. Село Поча. Village of Pocha. Village de Potcha.	161
83. Георгиевская церковь в селе Поча. 1700 г. St. George Church at the village of Pocha. 1700. Eglise de St Georges au village de Potcha. 1700.	162
84. Вознесенская церковь в Великом Устюге. 1648 г. Church of the Ascension at Veliky Ustyug. 1648. Eglise de l'Ascension à Veliky Oustug. 1648.	167
85. Архангельский собор Михайло-Архангельского монастыря. Archangel Cathedral of the Archangel Michael Monastery. Cathédrale d'Archangel du monastère de Michel Archange.	169
86. Михайло-Архангельский монастырь. Святые ворота, центральная арка. Archangel Michael Monastery. Holy door. Central arch. Monastère de Michel Archange. La porte sainte, arc central.	171
87. Михайло-Архангельский монастырь. Святые ворота. Archangel Michael Monastery. Holy door. Monastère de Michel Archange. La porte sainte.	172
88. Великий Устюг. Жилые дома начала XIX в. Veliky Ustyug. Dwelling houses. The beginning of the 19th century. Veliky Oustug. Bâtiments d'habitation. Commencement du XIX ^e siècle.	174
89. Благовещенский собор в Сольвычегодске. 1560—1584 гг. Annunciation Cathedral at Solvychevodsk. 1560—1584. Cathédrale de l'Annonciation à Solvytchegodsk. 1560—1584.	176
90. Благовещенский собор. Фрагмент фасада. Annunciation Cathedral. Façade. Fragment. Cathédrale de l'Annonciation. Façade. Fragment.	177
91. Собор Введенского монастыря в Сольвычегодске. 1689—1693 гг. Cathedral of the Monastery of Presentation at Solvychevodsk. 1689—1693. Cathédrale du monastère de la Présentation de la St ^e Vierge à Solvytchegodsk. 1689—1693.	178
92. Собор Введенского монастыря. Колонна портала. Cathedral of the Monastery of Presentation. Pillar of the orclo. Cathédrale du monastère de la Présentation de la St ^e Vierge. Colonne du portail.	179

ПО РЕКАМ СЕВЕРНОЙ ДВИНЕ И ПИНЕГЕ

DOWN THE NORTH DVINA RIVER AND THE PINEGA RIVER LE LONG DE LA RIVIÈRE SÉVÉRNAÏA DVINA ET DE LA RIVIÈRE PINÉGA

93. Схема расположения памятников в бассейне рек Северной Двины и Пинеги. Architectural monuments along the banks of the North Dvina River and the Pinega River. General plan. Plan général de l'emplacement des monuments dans le bassin des rivières Sévérnaïa Dvina et Pinéga.	186
94. Колокольня в деревне Цывоzero. 1658 г. Bell-tower at the village of Tsyvozero. 1658. Clocher au village de Tsyvozero. 1658.	188
95. Колокольня. Фрагмент. Bell-tower. Fragment. Clocher. Fragment.	189
96. Село Белая Слуда. Хозяйственный двор жилого дома. Village of Belaya Sluda. Backyard of a dwelling house. Village de Bélaya Slouda. Cour du bâtiment d'habitation.	190
97. Село Пермогорье. Village of Permogorye. Village de Permogorié.	192
98. Георгиевская церковь в селе Пермогорье. 1665 г. St. George Church at the village of Permogorye. 1665. Eglise de St Georges au village de Permogorié. 1665.	193
99. Сийский монастырь. XVI в. Вид с озера. (Снимок 1900-х г.) Siysky Monastery. 16th century. View from the lake. (Photo taken in the 1900's.) Monastère Siysky. XVI ^e s. Vue du lac. (Photo prise dans les années 1900.)	199
100. Никольская церковь в селе Едома. 1700 г. St. Nicholas Church at the village of Yedoma. 1700. Eglise de St Nicolas au village de Edoma. 1700.	201
101. Церковь в селе Пиринем. Конец XVII в. Church at the village of Pirineme. End of the 17th century. Eglise au village de Pirineme. Fin du XVII ^e s.	203
102. Амбары в селе Шардонем. Barns of the village of Shardonem. Séchoirs à blé au village de Chardonem.	204

103. Ильинская церковь в селе Чухчерма. 1657 г. Иконостас. (Снимок 1910 г.)
St. Elias Church at the village of Chukhcherma. 1657. Iconostasis. (Photo taken in 1910.)
Eglise de St Elie au village de Tchoukhtcherma. 1657. Iconostase. (Photo prise en 1910.)

206

104. Васильевская церковь в селе Чухчерма. XVII—XIX вв.
St. Basil Church at the village of Chukhcherma. 17th—19th centuries.
Eglise de St Basil au village de Tchoukhtcherma. XVIIe s.—XIXe s.

208

105. Архангельск. Гостинный двор. XVII в.
Arkhangelsk. Gostiny Dvor. 17th century.
Arkhanguelsk. Gostiny Dvor. XVIIe s.

213

ПО РЕКЕ МЕЗЕНИ

DOWN THE MEZEN RIVER

LE LONG DE LA RIVIÈRE MESEN

106. Схема расположения памятников по реке Мезени.
Architectural monuments along the banks of the Mezen River. General plan.
Plan général de l'emplacement des monuments le long de la rivière Méseni.

220

107. Охлупень и «полотенце» жилого дома. XIX в. Село Кельчемгора.
Dwelling house. "Okhlupen" (squared timber on the ridge of the roof) and "Polotentse" (carved board). 19th century. The village of Kelchemgora.
„Okhloupen“ (poutres croisées du faitage) et „polotentse“ (couverture en bois) du bâtiment d'habitation. XIXe s. Village de Kelchemgora.

222

108. Охлупень жилого дома. XIX в. Село Кимжа.
Dwelling house. "Okhlupen" (squared timber on the ridge of the roof). 19th century. The village of Kimzha.
„Okhloupen“ (poutres croisées du faitage) du bâtiment d'habitation. XIXe s. Village de Kimja.

223

109. Дом А. Яковлева. Деревня Некрасово.
House of A. Yakovlev. The village of Nekrasovo.
Maison de A. Iakovlev. Village de Nekrasovo.

225

110. Дом В. Клокотова. 1879 г. Деревня Заозерье.
House of V. Klokotov. 1879. The village of Zaozerye.
Maison de V. Klokotov. 1879. Village de Zaozerié.

225

111. Дом В. Клокотова. Балкон и роспись фронтона.
House of V. Klokotov. The balcony and paintings on the pediment.
Maison de V. Klokotov. Balcon et peinture du fronton.

226

112. Крыльцо дома П. Клокотова. XIX в. Село Мокшево.
Porch of the house of P. Klokotov. 19th century. The village of Mokshéva.
Perron de la maison de P. Klokotov. XIXe s. Village de Mokshéva.

228

113. Амбар. Деревня Юрома.
Barn at the village of Yuroma.
Séchoir à blé. Village de Iouroma.

228

114. Мельница в селе Кимжа. XIX в.
Mill at the village of Kimzha. 19th century.
Moulin au village de Kimja. XIXe s.

229

115. Одигитриевская церковь в селе Кимжа. 1763 г.
Odigitriyevskaya Church at the village of Kimzha. 1763.
Eglise Odigitrievskaya au village de Kimja. 1763.

230

116. Одигитриевская церковь. Главы.
Odigitriyevskaya Church at the village of Kimzha. Cupolas.
Eglise Odigitrievskaya. Coupoles.

231

117. Поклонный крест. XIX в. Деревня Заозерье.
The Holy Cross. 19th century. The village of Zaozerye.
Sainte croix. XIXe s. Village de Zaozerié.

233

Фото 1, 2, 6, 7 выполнены по негативам А. Александрова; 5, 8—34, 37—49, 51—71, 73, 75—77, 79—81, 85—92, 94—98, 100—102, 107—117 — по негативам Б. Федорова; 78, 82, 83 — Г. Осмоловского; 36, 74, 84, 99, 103, 105 — с фотографий, хранящихся в Библиотеке Академии художеств СССР.

Список иллюстраций переведен на английский язык Э. Г. Андреевой, на французский Н. Д. Михалевой.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение (5)

ЗАОНЕЖЬЕ (11)

Кижский погост (13). Преображенская церковь (19). Покровская церковь (27). Лазаревская церковь 6. Муромского монастыря (31). Часовня Петра и Павла на Волкострове (34). Часовня в деревне Корба (36). Георгиевская часовня в Усть-Яндоме (40). Варваринская церковь Яндомозерского погоста (43). Успенская церковь в Кондопоге (45). Церковь Петра и Павла в Челмужах (51). Ильинский погост (54). Дом кошелем (57). Дом «брусом» (60). Дом Сергеева (60).

БЕЛОМОРЬЕ (65)

Город Кемь (67). Успенский собор в Кемь (67). Троицкая церковь в Неноксе (74). Соловецкий монастырь (74). Благовещенская церковь (80). Преображенский собор (81). Успенский собор с трапезной палатой (84). Крестный монастырь Кий-острова (86). Собор монастыря (89). Надкладный храм (92). Вознесенская церковь в селе Кушерека (94). Успенская церковь в Варзуге (96). Жилые дома Беломорья (97).

ПО РЕКАМ СВИДИ И ОНЕГЕ (101)

Город Каргополь (103). Собор Рождества Христова (107). Воскресенская церковь (110). Благовещенская церковь (111). Церковь Рождества богородицы (114). Жилое зодчество (116). Никольская церковь в селе Астафьево (118). Златоустовская церковь в деревне Саунино (118). Церковь в деревне Бережная Дуброва (122). Часовня в селе Конеево (124). Погост в Турчасово (126). Благовещенская церковь (129). Преображенская церковь (130). Церкви Вазенцкого погоста (131, 132). Погост в Пияла (132). Вознесенская церковь (133). Троицкая церковь в Подпорожье (134).

ПО ВОЛОГОДСКОЙ ЗЕМЛЕ И НИЗОВЬЯМ ВЫЧЕГДЫ (137)

Вологда (139). Софийский собор (139). Вологодский кремль (141). Спасо-Прилуцкий монастырь (143). Сретенская церковь и Воскресенский собор в Вологде (145). Кирилло-Белозерский монастырь (145).

Успенская церковь (148, 151). Церковь Иоанна Лествичника (149). Ивановский Предтечев монастырь (152). Ферапонтова монастырь (153). Собор Рождества богородицы (154). Ферапонтовские фрески Дионисия (156). Благовещенская церковь (157). Окрестные монастыри (157). Тотыма (158). Троицкая церковь (159). Георгиевская церковь в селе Поча (161). Великий Устюг (164). Успенский собор (166). Вознесенская церковь (168). Михайло-Архангельский монастырь (168). Архангельский собор (170). Владимирская церковь (170). Троице-Гледенский монастырь (172). Сольвычегодск (175). Благовещенский собор (176). Собор Введенского монастыря (179). Хоромы Строгановых (181).

ПО РЕКАМ СЕВЕРНОЙ ДВИНЕ И ПИНЕГЕ (183)

Красноборск (187). Колокольня в Цъозере (189). Церковь в Белой Слуде (190). Церковь Дмитрия Солунского в Верхней Уфтюге (191). Георгиевская церковь в Пермогорье (192). Никольская церковь в Кулиге Дракованной (194). Жилые постройки в Верхней Тойме (195). Дома с росписью в деревне Котима (197). Церковь в Пучуге (197). Богородицкая церковь в Заостровье (197). Никольская церковь в Зачачье (198). Антониев-Сийский монастырь (198). Жилые дома на реке Пинега (200). Никольская церковь в Едоме (201). Никольская церковь в деревне Лявля (204). Церкви погоста Чухчерьма (205, 206). Архангельск (210). Гостинный двор (212).

ПО РЕКЕ МЕЗЕНИ (217)

Деревня Юрома (220). Дом А. Л. Яковлева (223). Дом В. Я. Клокотова в деревне Заозерье (224). Дом в деревне Едома (225). Дом П. Ф. Клокотова в селе Мокшева (226). Мельницы (227). Культовая архитектура на Мезени (230). Одитриевская церковь в селе Кимжа (232). Поклонные кресты (234).

Заключение (236)

Литература (243)

Список иллюстраций (246)

Главы «По Вологодской земле и низовьям Вычегды», «По рекам Северной Двине и Пинега» написаны И. А. Бартевным, главы «Заонежье», «Беломорье», «По рекам Свида и Онеге», «По реке Мезени» — Б. Н. Федоровым.